

ВИКРАМ СЕТ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

ДОСТОЙНЫЙ ЖЕНИХ

Книга 1

Большой роман (Аттикус)

Викрам Сет

Достойный жених. Книга 1

«Азбука-Аттикус»

1993

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)+84(5Инд)-44

Сет В.

Достойный жених. Книга 1 / В. Сет — «Азбука-Аттикус»,
1993 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-24437-5

Современный классик Викрам Сет – настоящий гражданин мира. Родился в Индии, учился в Оксфорде, а также в Стэнфордском университете в Калифорнии, где вместо диссертации по экономике написал свой первый роман «Золотые Ворота» об американских яппи – и это был роман в стихах; более того, от начала до конца написанный онегинской строфой. А через много лет работы вышел и «Достойный жених» – «эпопея, многофигурная, как романы Диккенса или Тrolлопа, и необъятная, как сама Индия» (San Francisco Chronicle), рекордная по многим показателям: самый длинный в истории английской литературы роман, какой удавалось опубликовать одним томом; переводы на три десятка языков и всемирный тираж, достигший 26 миллионов экземпляров. Действие происходит в вымышленном городе Брахмпур на берегу Ганга вскоре после обретения Индией независимости; госпожа Рупа Мера, выдав замуж старшую дочь Савиту, пытается найти достойного жениха для младшей дочери, студентки Латы, – а та, как девушка современная, имеет свое мнение на этот счет и склонна слушать не старших, а собственное сердце... В 2020 году первый канал Би-би-си выпустил по роману мини-сериал, известный по-русски как «Подходящий жених»; постановщиком выступила Мира Наир («Ярмарка тщеславия», «Нью-Йорк, я люблю тебя»), а сценарий написал прославленный Эндрю Дэвис («Отверженные», «Война и мир», «Возвращение в Брайдсхед», «Нортенгерское аббатство», «Разум и чувства»).

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)+84(5Инд)-44

ISBN 978-5-389-24437-5

© Сет В., 1993

© Азбука-Аттикус, 1993

Содержание

Слова благодарности	9
Часть первая	12
Часть вторая	70
Часть третья	116
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Викрам Сет

Достойный жених. Кн. 1

Vikram Seth

A SUITABLE BOY

Copyright © 1993 by Vikram Seth

All rights reserved

Во внутреннем оформлении книги использованы материалы © SHUTTERSTOCK/
FOTODOM/ANTALOGYA

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. Ю. Калявина, перевод, 2023

© Е. И. Романова, перевод, 2023

© А. М. Олеар, перевод стихов, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Викрам Сет – лучший писатель своего поколения, а «Достойный жених» – не просто один из длинейших романов за всю историю английской литературы, но и один из прекраснейших. Не пожалейте на него времени – и обретете друга на всю жизнь.

The Times

«Достойный жених» – это гимн жизни и любви, виртуозно исполненный на фоне только что получившей независимость Индии. Всем своим величием, безупречной достоверностью роман обязан не столько архивным исследованиям, сколько богатству воображения, инстинктивному знанию человеческого сердца, способного и к жестокости, и к доброте.

Observer

Необъятный и населенный множеством персонажей один другого обаятельнее, «Достойный жених» – это долгое, сладостное, бессонное паломничество к самой жизни. Роман Сета заслуживает того, чтобы вдохновить миллионы долгих счастливых браков и достойных читателей. Привольно раскинувшись на полторы тысячи страниц, книга озаряет Индию подобно солнцу и согревает ее своими ностальгическими лучами. Невозможно представить читателя, который останется равнодушным.

Guardian

Феномен, уникам, чудо классического повествования в современной оболочке... Трудно поверить, что Викрам Сет – это один человек: с авторитетностью и всезнанием целого комитета он пишет об индийской политике, медицине и юриспруденции, о психологии толпы, обычаях городских и деревенских, одежде, кухне, сельском хозяйстве, погребальных обрядах, крикете и даже о тончайших нюансах производства обуви.

Evening Standard

Викрам Сет вдохновлялся великими романами девятнадцатого века – «Война и мир», «Грозовой перевал», «Ярмарка тщеславия», – и «Достойный жених» не уступает им по глубине и охвату. Это поистине грандиозный труд.
Sunday Times

Скажем спасибо мистеру Сету за это широкоформатное полотно, воскрешающее в нашей памяти тот период, когда целый уклад жизни подошел к концу.
The Hindu

Роман монументальный и в то же время негромкий... Викрам Сет создал удивительнейший из гибридов – скромный шедевр.
Times Literary Supplement

В этой безмерно радующей читателя книге разворачивается неторопливая панорама полностью достоверной Индии. Каждая деталь хорошо знакома – и в то же время заново прорисована выдающимся художником.
Hindustan Times

Проза невероятного масштаба и достоверности.
Sunday Telegraph

Отдайтесь на волю этого странного, чарующего мира и приготовьтесь унести на крыльях истории. Никто другой из современных авторов не способен подарить читателям столько удовольствия.
Washington Post Book World

Безумно разнообразный, неизменно увлекательный, смешной и грустный одновременно – этот роман оборачивается самым настоящим путешествием в Индию.
Atlantic Monthly

Викрам Сет внушает читателю не просто восторг, а благоговейный трепет. Как будто слушаешь рагу в исполнении непревзойденного мастера.
New York Review of Books

Эпопея, многофигурная, как романы Диккенса или Тrolлопа, и необъятная, как сама Индия.
San Francisco Chronicle

Своим западным читателям Сет предлагает кусок жизни настолько толстый и многослойный, насколько вообще способен вписаться в полторы тысячи страниц, с бесконечным разнообразием любовно выписанных деталей.
New York Times Book Review

Роман окутывает вас тихими чарами, и вот вы уже не просто читаете эту книгу, не в силах оторваться, – вы ею дышите.
Newsweek

Редчайшая птица – литературный шедевр, в то же время приятный для чтения и без лишних претензий.
USA Today

Захватывающий роман, сторицей оправдывающий читательские ожидания.

Los Angeles Times

Яркая панорама Индии в середине века, населенная удивительными персонажами – теперь они останутся с вами навсегда, как старые друзья.

People

Огромный, да что там – исчерпывающий роман, который открывает удивительные глубины, а также бездну юмора и фантазии.

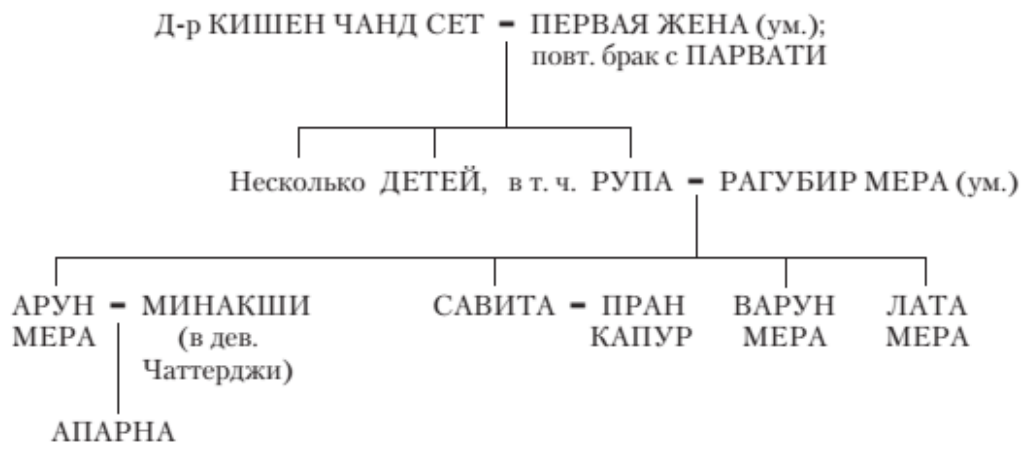
Chicago Tribune

Посвящается папе, маме и светлой памяти Аммы

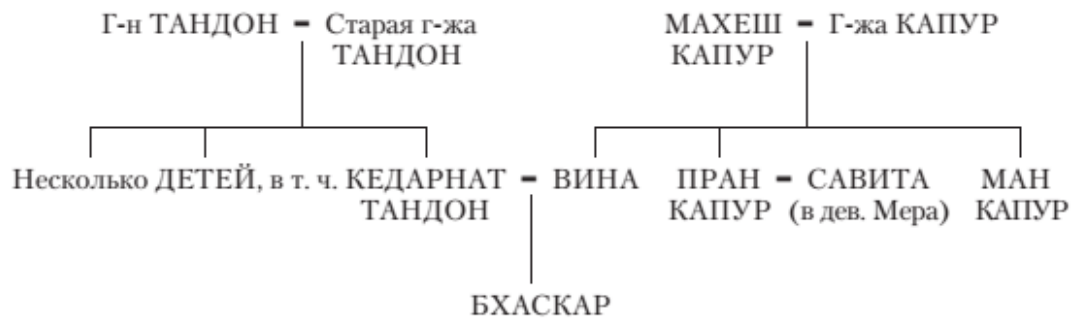
Слова благодарности

Итог: я всем обязан... Музам —
за твердость их и доброту;
семье, которой был в обузу, —
терпела, хоть не вмоготу;
законодателям покойным,
чьи речи крал я, недостойный;
и тем, кому на мозг всем весом
давил я, обуянный бесом;
душе моей немой, что честно
лишь этим вымыслом жила;
тебе, читатель, чьи дела
с моими связаны столь тесно.
Не дрогнет пусть твоя рука
достать монет из кошелька!

МЕРЫ

КАПУРЫ

ХАНЫ

ЧАТТЕРДЖИ

Излишек – вещь крайне необходимая¹.

Вольтер

Договаривать все до конца – верный способ наскучить².

Вольтер

¹ Из сатиры «Светский человек» (1736).

² Из «Стихотворного рассуждения о человеке» (1738).

Часть первая

1.1

– Ты тоже выйдешь замуж за того, кого я тебе выберу, – твердо заявила госпожа Рупа Мера своей младшей дочери.

Лата мысленно ускользнула из-под материнского ига, разглядывая ярко освещенную фонарями лужайку в саду поместья Прем-Нивас, где собрались свадебные гости.

– Угу, – промычала она, чем еще сильнее рассердила мать.

– Никаких «угу», юная леди, слышала я эти твои «угу» и не собираюсь их терпеть. Я действительно знаю, что для тебя лучше. И сделаю все, что от меня зависит. Как ты думаешь, легко ли мне устроить достойную судьбу всем четверым своим детям, да еще и без Его помощи?

Нос у нее покраснел при мысли о муже, который, без сомнения, разделял с нею нынешнюю радость, взирая на них откуда-то с горних высей. Конечно, госпожа Рупа Мера верила в реинкарнацию, но в минуты исключительного наплыва чувств она воображала, что покойный Рагубир Мера по-прежнему обитает в том привычном облике, в каком она знала его при жизни: крепкий, жизнелюбивый мужчина чуть за сорок. Таким он был еще до того, как в самый разгар Второй мировой изнурительный труд довел его до сердечного приступа. «Восемь лет прошло, уже восемь лет», – с горечью подумала госпожа Рупа Мера.

– Мапочка, ну-ну, не надо плакать, сегодня наша Савита выходит замуж, – сказала Лата, нежно, но не слишком-то участливо обнимая мать за плечи.

– Будь он рядом, я нарядилась бы в шелковое патола-сари³, которое надевала еще на собственную свадьбу, – вздохнула госпожа Рупа Мера, – но вдове не пристало роскошествовать.

– Ма! – Лату всегда немного раздражала излишняя эмоциональность матери по любому поводу. – Люди же смотрят. Они пришли тебя поздравить, и им покажется странным, что ты плачешь в такой день.

Несколько гостей и в самом деле в эту минуту приветствовали госпожу Рупу Меру – творили намасте⁴, улыбались. Сливки брахмпурского общества, как с удовольствием отметила мысленно госпожа Рупа Мера.

– И пусть смотрят! – ответила она с некоторым вызовом, но поспешно промокнула глаза платочком, надушенным одеколоном «4711»⁵. – Пусть думают, что я прослезилась от счастья. Ведь Савита выходит замуж! Все мои заботы и усилия – ради вас, но никто этого не ценит. Я выбрала для Савиты такого чудесного юношу, а все только и делают, что жалуются.

Лата припомнила, что из них четверых – двух братьев и двух сестер, только Савита – кроткая, добросердечная, белокожая красавица, ни разу не пожаловалась, безропотно приняв жениха, которого выбрала для нее мать.

– Какой-то он слишком худой, мам, – ляпнула Лата бездумно.

И это еще было мягко сказано. Ее без пяти минут зять Пран Капур был смугл, долговяз, нескладен и страдал астмой.

– Худой? И что же? Все нынче стремятся стать стройнее. Даже мне пришлось поститься весь день, при моем-то диабете! А уж если Савита слова поперек не сказала, то всем прочим тем более стоит порадоваться за нее. Арун и Варун все никак не успокоятся: как это им не дали выбрать жениха для сестрицы? Пран – достойный, добропорядочный, культурный молодой человек и к тому же кхатри⁶.

Никто и не спорил, что тридцатилетний Пран – действительно достойный, культурный и принадлежит к правильной касте. И конечно же, Лате нравился Пран. Как ни странно, она знала его куда лучше, чем ее сестра, – во всяком случае, знакомы они были гораздо дольше. Лата изучала английский язык и литературу в Брахмпурском университете, а Пран Капур был известным тамошним преподавателем. Лата прослушала целый курс его лекций о елизаветинцах⁷, в то время как Савита, его невеста, виделась с ним всего час, да и то в присутствии матери.

– К тому же Савита его откормит, – прибавила госпожа Рупа Мера. – Вот зачем ты все пытаешься омрачить мое счастье? И Савита с Праном будут счастливы – вот увидишь. Они *будут* счастливы, – повторила мать, нажимая на слово «будут». – Благодарю вас! Благодарю вас! – просияла она при виде очередных гостей, подошедших с поздравлениями. – Как чудесно – я мечтала о таком зяте, да еще из прекрасной семьи. Министр-сахиб⁸ был к нам очень добр. И Савита так счастлива. Пожалуйста, угощайтесь, кушайте, прошу: нам приготовили вкуснейший гулаб-джамун⁹, но из-за диабета я и после церемонии его не попробую. Мне даже гаджак¹⁰

³ *Патола-сари* – плетеные сари с двойным икатом, обычно шелковые. Изготавливаются в Патане и относятся к очень изысканному виду одежды, когда-то их носили только члены королевских и аристократических семей. – *Здесь и далее примеч. перев.*

⁴ *Намасте* – индийское приветствие. Представляет собой поклон и жест – соединение ладоней перед собой.

⁵ «4711» – марка одеколона, по сей день выпускаемого немецкой компанией *Mäurer & Wirtz*, один из самых старых парфюмерных брендов, известных во всем мире.

⁶ *Кхатри* – преимущественно индуистская каста торговцев северной Индии и Пакистана, в основном из региона Пенджаб, которая представила много значимых фигур в сикхизме, включая всех сикхских гуру.

⁷ *Елизаветинцы* – условный термин, применяемый к английским писателям (прозаикам, поэтам, драматургам) конца XVI – начала XVII в., творившим в периоды царствования королевы Елизаветы I Тюдор (1558–1603) и короля Якова I Стюарта (1603–1625).

⁸ *Сахиб* – уважительное обращение на персидском языке и хинди. Употреблялось как титул, добавляемый к должности или званию.

⁹ *Гулаб-джамун* – в индийской кухне сладкие шарики из сухого молока со щепоткой муки, обжаренные во фритюре из масла гхи и поданные в сахарном сиропе.

нельзя, а перед ним так трудно устоять, особенно зимой. Но кушайте, кушайте, пожалуйста. А мне надо пойти проверить, что происходит: время, назначенное пандитами¹¹, приближается, а жениха с невестой что-то не видно!

Она поглядела на Лату и нахмурилась. Да, с младшей дочерью будет не так просто, как со старшей.

– Не забудь, что я тебе сказала, – предостерегла она.

– Угу, – кивнула Лата. – Ма, у тебя платочек торчит из блузки.

– Ох! – спохватилась госпожа Рупа Мера, заталкивая беглеца за ворот. – И скажи Аруну, чтобы он соизволил серьезно относиться к своим обязанностям. А то стоят в углу с *этой* Минакши и болтают со своим недалеким дружком из Калькутты¹². Он должен следить, чтобы все гости ели и пили вдоволь и радовались нашему празднику.

«Этой Минакши» была эффектная жена Аруна и ее собственная нелюбимая невестка. За все четыре года, по мнению госпожи Рупы Меры, Минакши совершила всего один стоящий поступок – родила ее любимую внучку Апарну, которая сейчас была тут как тут и тянула бабушку за шелковое сари кофейного цвета, стараясь привлечь ее внимание. Госпожа Рупа Мера пришла в восторг. Поцеловав внучку, она сказала:

– Апарна, держись рядом со своей мамочкой или с Латой-буа¹³, иначе потеряешься. Что мы тогда делать будем?

– Можно мне с тобой? – спросила Апарна, которая, как водится, в три года уже имела собственное мнение и собственные предпочтения.

– Солнышко мое, я бы и сама хотела, – сказала госпожа Рупа Мера, – но я должна убедиться, что Савита-буа готова к замужеству. Она уже опаздывает. – Госпожа Рупа Мера снова бросила беспокойный взгляд на золотые часики – самый первый подарок ее мужа, которые за два с половиной десятка лет ни разу не ошиблись ни на секунду.

– Я тоже хочу посмотреть на Савиту-буа! – стояла на своем Апарна.

Госпожа Рупа Мера устало поглядела на Апарну и неопределенно кивнула. Лата подхватила Апарну на руки.

– Когда Савита-буа появится, мы вместе пойдем туда и я подниму тебя повыше, вот так, чтобы тебе было лучше видно. А теперь, может, давай поедем мороженого? Я бы не отказалась.

Апарна затею одобрила, как и большинство Латиных затей. Для мороженого никогда не бывает слишком холодно. Рука об руку трехлетняя и девятнадцатилетняя девочки направились к буфету. По пути на них откуда-то сверху просыпалась горсть розовых лепестков.

– Что хорошо для твоей сестры, хорошо и для тебя, – сказала госпожа Рупа Мера Лате, словно делая контрольный выстрел.

– Мы не можем обе выйти за Прана, – засмеялась Лата.

1.2

Еще одним организатором свадьбы был отец жениха – господин Махеш Капур, который являлся министром по налогам и сборам в штате Пурва-Прадеш. Собственно говоря, свадьба и проходила в его большом кремовом двухэтажном особняке Прем-Нивас, выстроенном в форме

¹⁰ *Гаджак* (гачак) – десерт, сладкие козинаки из кунжута и арахиса.

¹¹ *Пандит* (ученый, санскр.) – в Индии почетное звание ученого брахмана, а также человека высокообразованного в области классической индийской литературы на санскрите. Брахман, названный пандитом, занимается повседневной религиозной практикой, помогает людям разных каст в изучении религиозных основ индуизма, проведении ритуальных мероприятий, назначении даты свадьбы, момента зачатия ребенка на основе индийской астрологии.

¹² *Калькутта* (с 2001 г. Колката) – город в дельте Ганга на востоке Индии, столица штата Западная Бенгалия, второй по площади город в Индии.

¹³ *Буа* – сестра отца (*хинди*).

буквы «С». Этот фамильный дом располагался в самом тихом и зеленом жилом районе древнего и по большей части перенаселенного города Брахмпур.

Событие оказалось настолько из ряда вон, что весь Брахмпур день-деньской о нем судачил. Отец госпожи Рупы Меры, в доме которого и должна была проходить свадьба, за две недели до празднества ни с того ни с сего взъярился, запер свой дом и исчез. Госпожа Рупа Мера пришла в отчаяние. Тогда вмешался министр-сахиб («Ваша честь – наша честь») и настоял на том, чтобы лично организовать свадьбу. А что до слухов – министр их просто не замечал.

И речи не могло быть о том, чтобы госпожа Рупа Мера оплачивала свадьбу. Министр-сахиб об этом и слышать не желал. Не желал он слышать и о приданом. Он был старым другом и партнером по бриджу отца госпожи Рупы Меры, и ему нравилось то, что он видел в ее дочери Савите (хоть министр вечно забывал имя девушки). Он сочувствовал и помогал в трудной финансовой ситуации, ибо знал, что это такое. Во время борьбы за независимость он несколько лет провел в британских тюрьмах, и некому было позаботиться о его ферме или текстильной мануфактуре. В итоге доход от них был чрезвычайно скуден, и его жена и семья оказались в очень стесненном положении.

Те безрадостные времена, однако, остались лишь в воспоминаниях влиятельного, нетерпеливого, могущественного министра. На дворе начиналась зима 1950-го, и вот уже три года, как Индия обрела независимость. Но свобода для страны не означала свободу для Мана – младшего сына министра. Вот и теперь отец внушал ему:

– Что хорошо для твоего брата, то вполне хорошо и для тебя.

– Да, баоджи¹⁴, – с улыбкой отвечал Ман.

А господин Махеш Капур хмурился. Его младший сын, перенявший от него любовь к красивой одежде, не унаследовал отцовской одержимости тяжело трудиться. Не было у него и никаких признаков честолюбия, достойных упоминания.

– Ты не будешь вечно молодым и красивым прожигателем жизни, – говорил его отец. – Женитьба заставит тебя остепениться и стать серьезнее. Я написал людям в Варанаси и ожидаю наиболее выгодных предложений со дня на день.

О женитьбе Ман думал в самую распоследнюю очередь. Он только что поймал в толпе взгляд своего друга и помахал ему. Гирлянды из сотен цветных фонариков, развешанные по оградкам, вдруг вспыхнули все разом, и шелковые сари и украшения на женщинах мерцали и переливались все ярче. Шахнай¹⁵ пронзительно и звонко заиграл со всей виртуозностью и блеском. Ман застыл точно замороженный. Он заметил Лату, пробиравшуюся сквозь толпу гостей. Невысокая, не так чтобы очень светлокожая, но довольно привлекательная – овальное личико и застенчивый блеск в карих глазах. А с какой нежностью она держит за руку малышку...

– Да, баоджи, – покорно произнес Ман.

– Повтори, о чем я говорил? – потребовал его отец.

– О женитьбе, баоджи.

– И что именно я говорил о женитьбе?

Ман смешался.

– Да ты не слушал? – рассердился Махеш Капур, ему нестерпимо захотелось открыть Ману ухо. – Ты еще хуже, чем нерадивые клерки в Министерстве по налогам и сборам. Конечно, ты ничего не видел и не слышал, ты же махал Фирозу!

Ман глядел пристыженно. Он знал, что думает о нем отец. Ему было так хорошо всего пару мгновений назад, и вот отец взял и разрушил очарование.

¹⁴ *Баоджи* – отец (*панджаби*).

¹⁵ *Шахнай* – деревянно-духовой инструмент, распространенный в северной Индии. Принадлежит к семейству гобоя, используется в религиозных и свадебных церемониях.

– Стало быть, решено, – продолжил отец. – И не говори потом, что я тебя не предупредил. И не вздумай заставить передумать эту слабовольную женщину – твою мать. Я не хочу, чтобы она ходила за мной и убеждала меня, что ты-де еще не готов брать на себя мужские обязанности.

– Не вздумаю, баоджи, – ответил Ман, дрейфуя по течению событий. Сияние в его глазах слегка померкло.

– Мы выбрали отличного мужа для Вины и прекрасную невесту для Прана, и ты не будешь жаловаться, что *мы* выбрали тебе невесту.

Ман ничего не ответил. Он размышлял над тем, как заштопать дыру в настроении. У него в комнате была припрятана бутылка скотча, и может быть, им с Фирозом удастся ускользнуть на пару минут до – или даже во время – свадебной церемонии, чтобы сделать глоток-другой. Отец вдруг замолчал, одаривая внезапной улыбкой нескольких доброжелателей, затем снова повернулся к Ману:

– Больше я не стану сегодня впустую тратить на тебя свое время. Бог свидетель – у меня и так дел невпроворот. Что случилось с Праном и этой девушкой, не помню, как ее? Они задерживаются. Им уже пять минут назад следовало появиться в противоположных концах зала и встретиться здесь для джаймалы¹⁶.

– Савита, – подсказал Ман.

– Да-да, – сказал его отец нетерпеливо, – Савита. Твоя суеверная мать начнет паниковать, если они пропустят подходящее расположение звезд. Иди и успокой ее. Ступай! Сделай хоть что-то полезное.

Махеш Капур вернулся к своим обязанностям хозяина. Он нетерпеливо насупил брови и поглядел на одного из церемониальных священников, а тот вяло улыбнулся в ответ. Господин Махеш Капур чудом избежал удара под дых и нокаута в исполнении троицы детишек – отпрысков его деревенской родни, носившихся по саду, словно кони по полю. Не пройдя и десяти шагов, он был немедленно поздравлен профессором литературы (кой мог быть полезен для дальнейшей карьеры Прана), двумя влиятельными членами Законодательного собрания от партии Индийский национальный конгресс (которые могли подсобить ему в нескончаемой борьбе за власть против министра внутренних дел), судьей – последним англичанином, оставшимся в составе Высокого суда Брахмпур после провозглашения Независимости, и своим старым другом навабом-сахибом Байтара, одним из богатейших землевладельцев штата.

1.3

Лата, слышавшая обрывок разговора Мана с отцом, не смогла сдержать улыбку, проходя мимо.

– Вы, я вижу, наслаждаетесь вовсю, – сказал ей по-английски Ман.

Его диалог с отцом происходил на хинди, Лата с матерью разговаривали по-английски. Ман хорошо говорил на обоих языках.

Лата смущенно застыла, как порой с ней случалось в присутствии незнакомцев. Особенно тех, кто улыбался так же смело, как Ман. Что ж, пусть улыбается за двоих.

– Да, – ответила она просто, всего на секунду задержав взгляд на его лице. Апарна дернула ее за руку.

– Ну вот, теперь мы почти семья, – сказал Ман, должно быть почувствовав ее неловкость. – Еще каких-нибудь пять минут – и церемония начнется.

¹⁶ *Джаймала* (Вар Мала) – свадебный обряд: жених и невеста обмениваются цветочными гирляндами, что символизирует их объединение.

– Да, – согласилась Лата, глядя на него снизу вверх, но уже более уверенно. Она помолчала и нахмурилась. – Мама волнуется, что они не начнут вовремя.

– Наш отец тоже, – сказал Ман.

Лата снова заулыбалась, но, когда Ман поинтересовался почему, она лишь покачала головой.

– Что ж, – подытожил Ман, смахивая розовый лепесток со своего красивого белого ачкана¹⁷, ладно облегающего его стройную фигуру. – Ты ведь не надо мной смеешься?

– Я вообще не смеялась, – ответила Лата.

– Но улыбалась точно.

– Нет, не над тобой, – сказала Лата. – Над собой.

– Это очень загадочно, – сказал Ман, изобразив на добродушном лице крайнее недоумение.

– Боюсь, что так и есть, – сказала Лата, теперь уже смеясь. – Апарна хочет мороженого, и я обязана исполнить ее желание.

– Попробуйте фисташковое, – посоветовал Ман.

Он несколько секунд провожал взглядом ее розовое сари.

«Симпатичная девушка, – снова подумал он. – Розовый, впрочем, не гармонирует с цветом ее кожи. Лучше бы надела темно-зеленый или темно-синий... как у вон той женщины, например». Его внимание переключилось на другой объект созерцания.

Несколько секунд спустя Лата нос к носу столкнулась со своей закадычной подружкой Малати, студенткой медфакультета. Они к тому же жили в одной комнате в общежитии. Малати была очень общительной и в разговоре с незнакомцами за словом в карман не лезла. Впрочем, незнакомцы сами зачастую теряли дар речи, едва заглянув в глубину ее зеленых глаз.

– Кто этот кэд, с которым ты сейчас разговаривала? – немедленно спросила она у Латы.

На самом деле это слово не означало ничего плохого, просто на жаргоне студенток Брахмпурского университета любой красивый парень назывался кэдом. Слово происходило от названия шоколада «Кэдбери»¹⁸.

– А, это просто Ман – младший брат Прана.

– Правда? Но он такой симпатяшка, а Пран... ну... он, конечно, не урод, но... знаешь... он слишком уж темнолицый – и невзрачный совсем.

– Может, он темный кэд, – предположила Лата. – Горький, но питательный.

Малати задумалась.

– И к тому же, – продолжила Лата, – как мои тетки напомнили мне уже раз пять за последний час, я тоже не белоснежка и найти мне идеально подходящего мужа просто невозможно.

– Лата, и как ты их только выносишь? – спросила Малати, которая росла без отца или братьев, зато в окружении очень отзывчивых женщин.

– О, они мне нравятся, большинство из них, – сказала Лата. – И если бы не все эти разговоры, то и свадьба для них – не свадьба вовсе. А уж когда они увидят жениха и невесту вместе, то настанет для них золотая пора. Красавица и Чудовище.

– Ну, он и впрямь смахивал на чудовище всякий раз, как я его встречала в университетском городке, – сказала Малати. – На темного жирафа.

– Какая ты жестокая, – сказала Лата, смеясь. – В любом случае Пран очень популярный преподаватель, – продолжала она. – И мне он нравится. Непременно навести меня, когда я перееду из общежития и поселюсь в его доме. А поскольку он станет моим зятем, тебе придется его принять. Пообещай, что постарайшься его полюбить, как брата.

– Ни за что, – твердо пообещала Малати. – Он отнимает тебя у меня.

¹⁷ Ачкан – длинный сюртук на пуговицах.

¹⁸ По-английски слово «cad» означает «негодяй», «подлец» и т. п.

– Он тут ни при чем, Малати, – вздохнула Лата. – Это все мама со своей обостренной бережливостью вешает меня ему на шею.

– Ну, я не понимаю, почему ты должна подчиняться своей маме. Скажи ей, что не переживешь разлуки со мной.

– Я всегда подчиняюсь маме, – ответила Лата. – К тому же кто будет платить за мое место в общежитии? А мне тоже очень хочется пожить какое-то время рядом с Савитой. Но и тебя терять я не согласна. Ты непременно должна нас навестить – ты обязана навещать нас. И если не будешь – грош цена твоей дружбе.

Малати секунду-другую казалась совершенно несчастной, но затем ободрилась вновь.

– А это кто? – спросила она.

Апарна воззрилась на нее строго и бескомпромиссно.

– Моя племянка Апарна, – представила ее Лата. – Апарна, скажи тете Малати: «Привет!»

– Привет! – сказала Апарна, терпение которой было уже на исходе. – Можно мне фисташковое мороженое? Пожалуйста!

– Конечно, кучук¹⁹, прости, – сказала Лата. – Ну-ка, давайте все вместе пойдем и съедим понемногу.

1.4

Вскоре Лата потеряла из виду Малати, оставшуюся в обществе нескольких друзей из колледжа. Но далеко они с Апарной уйти не успели – были пойманы родителями Апарны.

– Вот ты где, прекрасная маленькая беглянка, – произнесла ослепительная Минакши, запечатлев поцелуй на лбу дочери. – Правда, она прелесть, Арун? Где же ты была, моя милая прогульщица?

– Я ходила искать дади²⁰, – начала Апарна. – И я ее нашла, но ей было нужно идти в дом из-за Савиты-буа, а мне с ней было нельзя. Тогда мы с Латой-буа пошли кушать мороженое, но не смогли, потому что...

Но Минакши уже не слушала ее и повернулась к Лате.

– Честно говоря, розовый не идет тебе, Латс, – сказала Минакши. – Ему не хватает чего-то... чего-то...

– *Je ne sais quoi?*²¹ – услужливо подсказал друг ее мужа, стоявший рядом.

– Спасибо, – сказала Минакши с таким искусительным обаянием, что молодой человек ненадолго воспарил и сделал вид, что смотрит на звезды. – Нет, розовый – определенно не твой цвет, Латс, – подтвердила Минакши.

Оценивая разглядывая золовку, она томно, по-кошачьи вытягивала свою длинную смуглую шею. Сама она была одета в зеленое с золотом сари из шелка Варанаси и зеленый чоли²², обнажавший гораздо большую часть ее живота, чем брахмпурское общество было достойно или готово узреть.

– О! – только и смогла сказать Лата, внезапно смущаясь. Она знала, что не слишком-то разбирается в нарядах, и решила, что рядом с этой райской птицей выглядит довольно блекло.

– А кто этот парень, с которым ты сейчас разговаривала? – строго спросил Арун, который, в отличие от жены, заметил, что Лата беседовала с Маном.

Двадцатипятилетний Арун был рослым, светлокожим, красивым интеллектуалом-задирой, любившим поставить на место младших сестер и брата, безжалостно мутузя их эго. И с

¹⁹ *Кучук* – малышка (*хинди*).

²⁰ *Дади* – бабушка (*хинди*).

²¹ Не знаю чего? (*фр.*)

²² *Чоли* – короткая блузка, открывающая живот.

наслаждением неустанно напоминал им, что после смерти отца именно он, фигурально выражаясь, стал для них *in loco parentis*²³.

– Это Ман, младший брат Прана.

– А-а. – В голосе Аруна сквозило неодобрение.

Арун и Минакши этим утром приехали ночным поездом из Калькутты, где Арун был одним из немногих служащих индийского происхождения в преимущественно «белой» фирме «Бентсен и Прайс». У него не было ни времени, ни желания знакомиться с семьей – или, выражаясь его языком, «кланом» Капура, за которого мать сосватала его сестру. Он неодобрительно посмотрел вокруг. «Как обычно, перестарались во всем», – думал он, глядя на цветные огоньки в изгороди. Неотесанность местных политиков, важно расхаживающих в своих белых шапках, и деревенских родственников Махеша Капура вызывала у него презрение. Ни бригадный генерал Брахмпурского военного округа, ни представители крупных компаний Брахмпура, таких как «Бирма Шелл», «Империл табакко» и «Колтекс», не были представлены в толпе приглашенных, и этот вопиющий факт в его глазах не компенсировало даже присутствие большей части профессиональной элиты Брахмпура.

– Похож на прохвоста, я бы сказал, – заметил Арун, от которого не укрылось, что Ман невзначай проследовал глазами за Латой, прежде чем отвлекся на что-то еще.

Лата улыбнулась, и ее кроткий братец Варун, следовавший нервной бледной тенью за Аруном и Минакши, тоже улыбнулся, точно сдержанный сообщник. Варун изучал, вернее, пытался изучать математику в Калькуттском университете. И жил он с Аруном и Минакши, в их маленькой квартире на цокольном этаже. Долговязый, неуверенный в себе, добросердечный Варун с вечно бегающим взглядом был тем не менее любимцем Латы. Будучи младше Варуна на целый год, сестра тем не менее всегда его защищала. Пугливый Варун многого боялся – и Аруна, и Минакши, и в некотором роде, пожалуй, даже не по годам развитую Апарну. Его увлечение математикой ограничивалось расчетами вероятностей и формул гандикапов²⁴ в скачках. Зимой, с ростом увлеченности Варуна во время гоночного сезона, усиливался и гнев его старшего брата. Арун и его обожал обзывать прохвостом.

«Да что ты знаешь о прохвостах, Арун-бхай?»²⁵ – подумала Лата. Вслух же она сказала:

– Он кажется довольно милым.

– Тетя, которую мы повстречали, назвала его «кэд», – заявила Апарна.

– Прямо так и сказала, родная? – заинтересованно спросила Минакши, – Ну-ка, покажи мне его, Арун.

Но Ман уже исчез из виду.

– В некоторой степени я виню себя, – сказал Арун.

Впрочем, без тени вины в голосе. Арун был просто не способен ни в чем себя винить.

– Я действительно должен был что-то сделать, – продолжил он. – Если бы я не был так занят на работе, я мог бы предотвратить это ужасное фиаско. Но как только ма вбила себе в голову, что этот Капур подходит, отговаривать стало бессмысленно. Спорить с мамой бесполезно – тут же включается фонтан слез.

Тот факт, что доктор Пран Капур преподавал английскую литературу, слегка ослаблял предубеждение Аруна. Но, к вящему сожалению старшего сына госпожи Рупы Меры, едва ли в этой толпе провинциалов найдется хоть один англичанин.

²³ Вместо родителя (*лат.*).

²⁴ *Гандикап* – преимущество в условиях при состязаниях, предоставляемое более слабому сопернику с целью уравновесить шансы на успех.

²⁵ *Бхай* – старший брат (*хинди*).

– Какая ужасная безвкусица! – устало сказала Минакши себе, кратко выразив мысли супруга. – Совершенно не похоже на Калькутту. Сокровище мое, у тебя носик чумазый, – добавила она Апарне, присматриваясь к воображаемому пятнышку, чтобы стереть его платком.

– А мне здесь нравится, – отважился возразить Варун, видя, что слова старшего брата уязвили Лату. Он знал, что Лате нравится Брахмпур, хоть это было далеко не мегаполис.

– Замолчи, – грубо отрезал Арун. Он не желал, чтобы низшие оспаривали его суждения. Варун, борясь с собой, пронзительно посмотрел на него, но затем опустил глаза.

– Не болтай о том, в чем не разбираешься, – добавил Арун.

Варун молча хмурился.

– Ты меня слышал?

– Да, – сказал Варун.

– «Да» – что?

– Да, Арун-бхай, – пробормотал Варун.

Такое стирание в порошок было стандартной платой для Варуна, и Лата не удивилась подобному размену. Но она чувствовала себя ужасно виноватой перед Варуном и страшно злилась на Аруна. Она не могла взять в толк, зачем он так поступает и какое в этом удовольствие. Лата решила, что как только свадьба закончится, при первой же возможности поговорит с Варуном, чтобы помочь, хотя бы поддерживая морально, вынести такие нападки. «Даже если сама я не очень хорошо их переносу», – подумала она и сказала невинно:

– Что ж, Арун-бхай, я полагаю, что уже слишком поздно. Мы все теперь одна большая, дружная семья, и нам придется мириться друг с другом настолько, насколько возможно.

Впрочем, фраза эта была далека от невинности. «Одна большая, дружная семья» – так любили выражаться в семействе Чаттерджи, на что иронически и намекнула Лата. Минакши Мера была Чаттерджи, до того как они с Аруном встретились на коктейльной вечеринке и между ними вспыхнула жаркая, восторженная и изысканная любовь. Через месяц элегантных ухаживаний они поженились, вызвав ужасное потрясение в обоих семействах. Были или не были членом Высокого суда Калькутты господин Чаттерджи и его супруга рады принять небенгальца Аруна в качестве первого придатка в круг пятерых своих чад (не считая пса Пусика), и была или не была госпожа Рупа Мера в восторге при мысли о том, что ее первенец, свет ее очей, женился на девушке, не принадлежавшей к касте кхатри (да еще такой избалованной снобке, как Минакши), но сам Арун чрезвычайно высоко ценил свою связь с семьей Чаттерджи. У Чаттерджи имелись богатство, положение и огромный дом в Калькутте, где они устраивали грандиозные (но исполненные тончайшего вкуса) вечеринки. И даже если «большая, дружная семья», особенно братья и сестры Минакши, порой надоедала ему своим бесконечным неумным остроумием и импровизированными рифмованными двустихиями, он принимал это именно потому, что привычки Чаттерджи казались ему неоспоримо светскими. И как же далеки они были от этого провинциального городка, толпы Капуров и этих праздников при свете гирлянд на живой изгороди с гранатовым соком вместо спиртного!

– Что именно ты хочешь этим сказать? – взвился Арун. – Будь папа жив, думаешь, нам пришлось бы родниться с выходцами из подобных семей?

Аруна, похоже, совершенно не волновало, что их могут услышать. Лата покраснела. Но подобная грубая точка зрения имела свои основания. Если бы Рагубир Мера не умер в сорок лет, а продолжил свой стремительный взлет по карьерной лестнице управления железнодорожного транспорта, когда британцы толпами покидали индийскую государственную службу в 1947 году, то он обязательно стал бы членом Железнодорожного совета. Его опыт и блестящие личные качества могли бы даже сделать его председателем. Семье не пришлось бы так тяжело бороться за существование, как приходилось в течение долгих лет и до сих пор, при помощи иссякающих сбережений госпожи Рупы Меры, доброты друзей и, позднее, жалованья ее старшего сына. Ей не пришлось бы продавать изрядную часть своих украшений и даже небольшой

домик в Дарджилинге, чтобы обеспечить детям школьное образование, которое она считала крайне необходимым. Несмотря на ее всепроникающую сентиментальность и привязанность к, казалось бы, вечным семейным ценностям, напоминавшим ей о любимом муже, свойственное ей же чувство жертвенности заставляло материальные ценности стремительно, даже угрожающе, таять и преобразовываться в нематериальные преимущества вроде отличного англоязычного образования в школе-интернате. И таким образом Арун и Варун смогли продолжить обучение в школе Святого Георгия, а Савиту и Лату не забрали из пансиона при монастыре Святой Софии.

Капуры, может, и достойные представители брахмпурского общества, думал Арун, но если бы папа был жив, то все звезды упали бы к ногам семьи Мера. Сам-то он, во всяком случае, победил обстоятельства и преуспел, обзавелся прекрасной родней. Как можно сравнивать брата Прана, этого ловеласа, болтавшего с Латой, который, как слышал Арун, управлял всего-то магазином тканей в Варанаси, – и, скажем, старшего брата Минакши, который учился в Оксфорде, собирался стажироваться в юридической палате Линкольнс-Инн и, кроме того, был публикующимся поэтом?

От размышлений Аруна оторвала дочь, которая грозила немедленно закричать, если не получит мороженого. Она точно знала, что крик (или даже просто его вероятность) творит чудеса с ее родителями. А кроме того, они и сами порой кричали друг на друга и очень часто – на слуг.

У Латы был виноватый вид.

– Извини, это из-за меня, детка, – сказала она Апарне. – Пошли скорее, пока не отвлеклись на что-нибудь еще. Но пообещай, что не станешь плакать и кричать. Со мной это не работает.

Апарна, которая точно знала, что не работает, притихла.

Но буквально в ту же минуту разодетый во все белое жених показался с одной стороны дома. Его темное нервное лицо скрывали свисающие гроздья белых цветов. Вся толпа подалась к дверям, из которых должна была появиться невеста, и Апарне, поднятой на руки Латой-буа, ничего не оставалось, как снова повременить и со сладким, и с угрозами.

1.5

Лата невольно подумала, что это все-таки отступление от традиций: Пран не подъехал к воротам на белом коне с маленьким племянником, сидящим перед ним, и свитой, следующей за ним, чтобы встретить невесту. Но в конце концов, Прем-Нивас был домом жениха. И даже если бы он полностью следовал традициям, то Арун, без сомнений, все равно нашел бы в этом повод для насмешек.

Лате было сложно разглядеть преподавателя елизаветинской драмы под этой завесой из тубероз. Он как раз надевал гирлянду из темно-красных роз на шею ее сестры Савиты – и Савита вешала такую же ему на шею. Сестра была такая красивая в своем красно-золотом сари, но казалась довольно подавленной. Лата подумала, что, возможно, она даже плакала. Ее голова была покрыта, а взгляд опущен к земле, как, несомненно, ей велела мать. Даже когда она украшала гирляндой человека, с которым должна провести всю жизнь, ей не положено было смотреть ему прямо в лицо.

Вступительная церемония завершилась. Жених и невеста вместе отправились к возведенной в центре сада небольшой площадке, украшенной охапками белых цветов и открытой для благоприятных звезд. Здесь находились священники, по одному от каждой семьи, госпожа Рупа Мера и родители жениха. Все они сидели вокруг небольшого огня, который станет свидетелем клятв новобрачных.

Брат госпожи Рупы Меры, с которым семья виделась очень редко, днем ранее взял на себя ответственность за церемонию браслетов. Арун злился, что ему не позволили ничем поруководить. После кризиса, вызванного необъяснимыми действиями деда, он предлагал матери перенести свадьбу в Калькутту. Но было слишком поздно, и она не желала даже слышать об этом.

Теперь, когда обмен венками закончился, толпа утратила интерес к свадебной церемонии. Действию предстояло продлиться еще добрый час, так что гости разошлись по лужайкам Прем-Ниваса, болтая между собой. Они смеялись, пожимали руки или прикладывали ладони ко лбу. Они собирались небольшими компаниями, мужчины там, женщины тут. Они грелись у заполненных древесным углем глиняных печей, стратегически расставленных по всему саду, пока их прохладное дыхание, насыщенное пересудами и сплетнями, поднималось в воздух. Они восхищались разноцветными огнями и улыбались фотографу, когда он бормотал по-английски: «Внимание!» Они жадно вдыхали аромат цветов, духов и специй, обсуждая новости о рожденьях и смертях, о политике и скандалах, устроившись под ярким тканевым навесом в глубине сада, где ломились яствами столы и где они в изнеможении усаживались на стулья, наполнив свои тарелки. Слуги, одетые кто в белые ливреи, кто в одежду цвета хаки, разносили фруктовый сок, чай, кофе и закуски тем, кто стоял в саду. Самосы²⁶, качаури²⁷, ладду²⁸, гулаб-джамуны, бурфи²⁹, и гаджак, и мороженое потреблялись и снова пополнялись вместе с пури³⁰ и шестью видами овощей. Друзья, не видевшие друг друга месяцами, бросались друг к другу с громкими возгласами. Родственники, встречавшиеся только на свадьбах и похоронах, со слезами на глазах обнимались и обменивались последними новостями о десятой воде на киселе. Тетушка Латы из Канпура, пребывающая в ужасе от темного лица жениха, беседовала с тетушкой из Лакхнау о «черненьких внуках Рупы» так, словно те уже существовали, и явно благоволила Апарне, которой, очевидно, суждено стать последней беленькой внученькой Рупы. Тетки хвалили ее даже тогда, когда она уронила ложку с фисташковым мороженым на свою бледно-желтую кашемировую кофточку. Маленькие варвары, детишки из деревенской Рудхии, бегали вокруг и вопили, словно играли в питху³¹ у себя на ферме. И хотя праздничные завывания шахная утихла, шум счастливой болтовни поднялся до самых небес, заглушая бессмысленные церемониальные песнопения.

Лата, впрочем, стояла рядом и наблюдала с восхищением и тревогой. Двое голых по пояс священников, один очень толстый, другой худощавый, явно не восприимчивые к холоду, соревновались между собой в том, кто знает более изощренную форму службы. Так что, пока звезды продолжали свой курс по небу, оставляя в неопределенности благоприятное время, непрерывно звучал санскрит. Толстый священник даже попросил родителей жениха повторять что-то за ним. Брови Махеша Капура дрогнули, – казалось, он вот-вот взорвется.

Лата пыталась представить, о чем думает Савита. Как она могла согласиться выйти замуж, совершенно не зная этого мужчину? Какой бы покладистой и добросердечной она ни была, у нее имелись свои взгляды. Лата горячо любила сестру и восхищалась ее великодушием и даже ее терпимостью. Как разительно отличался ровный характер Савиты от ее собственного переменчивого нрава! Савита не была обременена тщеславием и не тревожилась по поводу свежести и красоты, но неужто она не протестовала против того, что Пран так ужасно, немислимо

²⁶ *Самоса* – индийское вегетарианское блюдо, небольшой пирожок с начинкой из овощей и фруктов во всевозможных сочетаниях.

²⁷ *Качаури* – острая закуска, популярная в различных частях Индии и Пакистане: лепешки с начинкой из фасоли с пряностями.

²⁸ *Ладду* – десерт из гороховой (нутовой) муки, топленого сливочного масла, с орехами, кокосовой стружкой и сладкими специями: корицей, кардамоном и мускатным орехом.

²⁹ *Бурфи* – популярный десерт индийской кухни: конфета типа помадки, сделанная из уваренного сгущенного молока.

³⁰ *Пури* – индийские лепешки.

³¹ *Питху* – активная командная игра с мячом.

некрасив? Неужели она действительно сочла, что матери виднее? Было очень сложно вызвать Савиту на разговор, а порой – даже предположить, о чем она думает. С тех пор как Лата пошла в колледж, сестру ей заменяла Малати, с которой они сблизилась. И она знала, что Малати ни за что и никогда не согласится выйти замуж вот так, даже если бы все матери мира совместно попытались ее выдать.

Всего через несколько минут Савита пожертвует Прану даже свою фамилию. Она будет уже не Мера, как все они, а Капур. Слава богу, Аруну не пришлось этого делать. Лата попробовала на язык сочетание «Савита Капур», и оно ей не понравилось совершенно.

Дым от костра или, возможно, пыльца от цветов раздражала горло, и Пран стал слегка покашливать, прикрывая рот рукой. Его мать что-то тихо сказала ему. Савита тоже подняла глаза, мельком взглянув на него, как показалось Лате, с нежной заботой. Она и впрямь всегда была той, кто беспокоится о страждущих. Но сейчас в ее взгляде была особая нежность, которая раздражала и смущала Лату. Боже, да ведь Савита видела этого мужчину лишь однажды, всего час! А теперь и он взглянул на нее с ответной нежностью. И это было уже слишком.

Лата напрочь забыла, что совсем недавно защищала Прана в разговоре с Малати, и начала специально подмечать то, что ее раздражало.

Тот же Прем-Нивас – «обитель любви», для начала. Идиотское название для этого дома браков по расчету, сварливо подумала Лата. И к тому же неоправданно высокопарное название. Этот дом словно возомнил себя центром вселенной и чувствовал, что просто обязан сделать об этом философское заявление. И все же, подумала Лата, пока ее взгляд блуждал от одного предмета к другому, этот небольшой огонь, возможно, и был центром вселенной. Ибо здесь он горел, посреди этого благоухающего сада, расположенного в самом сердце Пасанд-Багха, самого приятного района Брахмпура – столицы штата Пурва-Прадеш, который находился в центре Гангских равнин, что сами по себе были сердцем Индии... и так далее, через галактики к внешним пределам восприятия и познания. Подобная мысль не казалась Лате банальной, и она помогала ей сдерживать раздражение и негодование в отношении Прана.

– Говори же! Говори! Если бы твоя мать мямлила, как ты, мы бы никогда не поженились, – нетерпеливо подгонял Махеш Капур свою коренастую маленькую жену, которая от этого стала еще менее словоохотливой.

Пран повернулся к матери, ободряюще улыбнулся ей и снова мгновенно вырос в Латиных глазах.

Махеш Капур угомонился, умолк на пару минут, но затем воскликнул, обращаясь теперь уже к семейному священнику:

– Долго еще будет тянуться вся эта абракадабра?

Священник сказал что-то успокаивающее на санскрите, словно благословляя Махеша Капура, который был вынужден раздраженно замолчать. Сердился он по ряду причин, одной из которых было неприятное ему присутствие политических соперников, особенно министра внутренних дел, погруженного в беседу с дородным и почтенным главным министром С. С. Шармой. «Что они замышляют? – терялся в догадках Махеш Капур. – Моя глупая жена настояла на том, чтобы пригласить Агарвала, потому что наши дочери дружны, хотя и знала, что это испортит мне жизнь. А теперь еще главный министр беседует с ним, словно никого больше не существует. И это в моем саду!»

Другой крупной причиной его раздражения была госпожа Рупа Мера. Взвзвись за организацию, Махеш Капур собирался пригласить прекрасную и прославленную исполнительницу газелей³² выступить в Прем-Нивасе, как это традиционно происходило всякий раз, когда кто-то из его семьи вступал в брак. Но госпожа Рупа Мера, притом что она даже не платила за свадьбу, наложила вето. Она, видите ли, не могла позволить «подобной личности» исполнять

³² Газель – арабская строфа; является самой распространенной формой стихосложения на Ближнем и Среднем Востоке.

любовную лирику на свадьбе ее дочери. В число «подобных личностей» входили, по ее мнению, мусульмане и куртизанки.

Махеш Капур пробормотал свои ответы, и священник мягко повторил их.

– Да-да, продолжайте, продолжайте, – сказал Махеш Капур, сердито уставившись в огонь.

Но теперь мать отдавала свекрови Савиту вместе с горстью розовых лепестков, и все три женщины были в слезах.

«В самом-то деле! – подумал Махеш Капур. – Еще, чего доброго, зальют огонь...»

Он гневно взглянул на виновницу этих слез, чьи рыдания были наиболее неистовыми.

Но госпожа Рупа Мера даже не потрудилась заправить платок в блузку. Ее глаза покраснели, нос и щеки покрылись пятнами от плача. Она вспоминала свою свадьбу. Аромат одеколona «4711» воскресил невыносимо счастливые воспоминания о ее собственном муже. А затем мысли вернулись на поколение позже, к ее любимой дочери Савите, которая скоро обойдет с Праном вокруг костра, чтобы начать жизнь в замужестве.

– Быть может, ее брак будет дольше, чем у меня, – молилась госпожа Рупа Мера. – Быть может, она наденет это сари на свадьбу собственной дочери...

Она мысленно обратилась и к старшему поколению в лице отца, что вызвало у нее новые слезы. Никто не знал, на что обиделся семидесятилетний радиолог доктор Кишен Чанд Сет. Видимо, что-то не то сказал или сделал его друг Махеш Капур, но, возможно, дело было и в его собственной дочери. Никто не мог сказать, что именно случилось. Мало того что он отказался от организации свадьбы, он также отказался прийти на свадьбу внучки и в бешенстве уехал в Дели, как он сам утверждал, «на конференцию кардиологов». И увез с собой несносную Парвати – свою тридцатипятилетнюю вторую жену, которая была на каких-то десять лет моложе самой госпожи Рупы Меры.

А еще возможно, хоть это и не приходило в голову его дочери, что доктор Кишен Чанд Сет просто свихнулся бы на свадьбе и фактически сбежал от такой вероятности. Маленький и сухонький, он тем не менее ужасно любил поесть, но из-за расстройства пищеварения в сочетании с диабетом его диета сейчас ограничивалась только вареными яйцами, некрепким чаем, лимонадом и печеньем из аррорута³³.

«Плевать, кто на меня пялится, у меня множество причин для слез, – с вызовом сказала про себя госпожа Рупа Мера. – Я сегодня так счастлива и убита горем».

Однако ее горе длилось всего пару минут. Жених и невеста обошли огонь семь раз, Савита покорно опустила голову, и ее ресницы увлажнились от слез. Теперь они с Праном стали мужем и женой.

После нескольких заключительных слов священников все поднялись. Молодоженов провели к увитой цветами скамье возле душистого дерева харсингар с шершавыми листьями и оранжево-белыми цветами. Поздравления обрушились на них, на их родителей и на всех прочих Мера и Капуров, которых было на свадьбе столько же, сколько опадающих на рассвете цветов.

Радость госпожи Рупы Меры не знала границ. Она поглощала поздравления так, словно это были запретные для нее гулаб-джамуны. Немного задумчиво она глянула на младшую дочь, которая, казалось, смеялась над ней издали. Или, может, она смеялась над своей сестрой? Ну что ж, скоро и она узнает, что такое слезы радости!

Мать Прана, которой столько людей выкрикивали поздравления, покорная, но счастливая, благословила сына и невестку и, не видя нигде своего младшего сына Мана, подошла к дочери Вине. Вина обняла ее. Госпожа Капур ничего не сказала от избытка чувств, но плакала и улыбалась одновременно. Ужасающий министр внутренних дел и его дочь Прийя присоединились к ним на несколько минут. В ответ на их поздравления госпожа Капур высказала

³³ *Аррорут* – собирательное торговое название крахмальной муки, получаемой из маранты тростниковой.

несколько теплых слов каждому из них. Прийя, которая несколько лет назад вышла замуж и которую родственники мужа практически замуровали в старой, тесной части Брахмпуре, с некоторой тоской в голосе сказала, что сад выглядит прекрасно. И это было действительно так, думала госпожа Капур с тихой гордостью. Сад был действительно красив. Трава здесь была зеленая, гардении сливочно-белые, а кое-где уже зацвели хризантемы и розы. И хоть она не могла счесть своей заслугой внезапное пышное цветение дерева харсингар, госпожа Капур была уверена, что его оранжево-белые цветы – благословение богов, чьим ценным и оспариваемым достоянием считалось это дерево с незапамятных времен.

1.6

Ее господин и повелитель, министр по налогам и сборам, тем временем принимал поздравления от главного министра штата Пурва-Прадеш shri³⁴ С. С. Шармы. Шармаджи³⁵ был довольно крупным человеком с сильной хромотой и неосознанным подергиванием головы, усиливавшимся – как сейчас, в конце долгого и утомительного дня. Он управлял штатом, используя смесь хитрости, харизмы и доброжелательности. Дели находился далеко и редко интересовался законодательными и административными делами главного министра. С. С. Шарма явно пребывал в хорошем настроении, однако умолчал о своем разговоре с министром внутренних дел. Заметив маленьких хулиганов из Рудхии, он слегка гнусаво обратился к Махешу Капуру:

– Значит, вы создаете сельский округ для предстоящих выборов?

Махеш Капур усмехнулся. С тридцать седьмого года он избирался от одного и того же городского округа в центре Старого Брахмпуре – округа Мисри-Манди, где сосредоточилась большая часть обувных торговых домов города. Несмотря на имеющуюся у него ферму и знание сельского дела, Махеш Капур был первым, кто продвигал законопроект об отмене владения крупными и непродуктивными земельными наделами. Так что было невообразимо, чтобы он покинул свой округ и сделал выбор в пользу сельской местности. В качестве ответа он показал на собственную одежду: красивый черный ачкан, плотную кремовую паджаму³⁶ и ярко расшитые белые джути³⁷ с загнутыми вверх носами. Все это мало сочеталось с рисовыми полями.

– Ну почему же, для политики нет ничего невозможного, – неторопливо произнес Шармаджи. – После того как ваш законопроект об отмене заминдари³⁸ будет принят, вы станете настоящим героем в деревнях. Если пожелаете, сможете претендовать на пост премьер-министра. А почему нет? – сказал Шармаджи великодушно и осторожно. Он огляделся, и его взгляд остановился на навабе-сахибе Байтара, который гладил бороду и недоуменно смотрел вокруг. – Конечно, в процессе велика вероятность потерять пару-тройку друзей, – добавил он.

Махеш Капур, не поворачивая головы, а лишь проследив за его взглядом, тихо сказал:

– Существуют разные заминдари³⁹. Не все из них связывают дружбу и землю. Наваб-сахиб знает, что я действую по своим принципам. – Он сделал паузу. – Некоторые из моих родственников в Рудхии тоже могут потерять свои земельные участки.

Премьер-министр кивнул в ответ на эти слова, а затем потер озябшие руки.

³⁴ *Шри* – господин (*хинди*); уважительное обращение к мужчине.

³⁵ Окончание «-джи» означает на хинди «уважаемый».

³⁶ *Паджама* – штаны, составляющие часть традиционного индийского костюма, курты-паджамы.

³⁷ *Джути* – традиционная кожаная обувь на низком ходу, характерная для северной Индии.

³⁸ Один из аграрных законов, принятых в 1950-е гг. и предусматривающих устранение за выкуп владельческих прав заминдаров и других рентополучателей на земли, находящиеся в пользовании арендаторов с закрепленными законом правами аренды, при этом помещики сохраняют значительные площади т. н. усадебных земель.

³⁹ *Заминдар* – феодальный наследственный держатель земли в государствах средневековой Индии.

– Что ж, он хороший человек, – снисходительно сказал он. – Как и его отец, – прибавил он.

Махеш Капур молчал. Шармаджи уж никак нельзя было упрекнуть в неосмотрительности, и все же заявление было слишком опрометчивым, если он действительно хотел этим что-то сказать. Было отлично известно, что отец наваба-сахиба, покойный наваб-сахиб Байтара, был активным членом Мусульманской лиги, и, хотя он и не дожил до образования Пакистана, именно ему он посвятил свою жизнь.

Высокий, седобородый наваб-сахиб, ощутив на себе взгляд двух пар глаз, поднял сложенную чашей ладонь ко лбу, вежливо приветствуя, а затем склонил голову набок с мягкой улыбкой, словно поздравляя старого друга.

– Ты не видел Фироза и Имтиаза? – спросил он Махеша Капура, неторопливо приблизившись.

– Нет-нет, но полагаю, я также не видел и своего сына...

Наваб-сахиб слегка поднял руки ладонями вверх в жесте беспомощности. Вскоре он сказал:

– Итак, Пран женат, Ман на очереди. Полагаю, ты считаешь его куда менее покладистым.

– Ну, покладист он или нет, а я уже приискал ему кое-кого в Варанаси, – ответил Махеш Капур решительно. – Ман встретился с ее отцом. Он тоже в текстильном деле. Мы наводим справки. Поглядим, как будет. А что там с твоими близнецами? Совместная женитьба на двух сестрах?

– Посмотрим, посмотрим, – сказал наваб-сахиб, с грустью думая о своей жене, похороненной уже много лет назад. – Довольно скоро все они остепенятся, иншалла⁴⁰.

1.7

– За закон! – сказал Ман, салютуя сидевшему на кровати Фирозу уже третьим стаканом скотча. Имтиаз разглядывал бутылку, развалившись в мягком кресле.

– Спасибо, – сказал Фироз. – Но надеюсь, что не за новые законы.

– О, не переживай, законопроект моего отца никогда не примут, – сказал Ман. – А даже если и примут, ты будешь намного богаче моего. Взгляни на меня, – мрачно добавил он. – Я вынужден тяжело трудиться, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

Так как Фироз был юристом, а его брат врачом, они явно не влезали в популярный шаблон праздных сынов аристократии.

– И вскоре, – продолжил Ман, – если мой отец не изменит решения, я буду вынужден работать за двоих. А позже и того больше. О боже!

– Что... твой отец ведь не заставляет тебя жениться, а? – спросил Фироз, и на улыбку его набежала тень.

– Ну, буферная зона исчезла сегодня вечером, – сказал Ман безутешно. – Добавить?

– Нет-нет, спасибо, у меня еще много, – ответил Фироз. Он наслаждался выпивкой, но с легким чувством вины: его отцу это понравилось бы еще меньше, чем отцу Мана.

– И когда же наступит этот счастливый миг? – неуверенно спросил он.

– Бог весть. Вопрос пока только на стадии изучения, – сказал Ман.

– В первом чтении, – вставил Имтиаз.

Почему-то его реплика развеселила Мана.

⁴⁰ *Иншалла* («если на то есть воля Божья», «если Бог пожелает») – ритуальное молитвенное восклицание, междометное выражение, используемое в арабских и других мусульманских странах, как знак смирения мусульманина перед волей Аллаха. Сопровождает высказывание верующего о его планах или событиях, которые должны произойти в будущем.

– В первом чтении! – повторил он. – Что ж, давайте надеяться, что до третьего чтения никогда не дойдет! А даже если и дойдет, президент наложит вето! – Он рассмеялся, сделав пару больших глотков. – А что насчет *твоей* женитьбы? – спросил он Фироза.

Фироз отвел взгляд, будто осматривая комнату. Она была такой же пустой и функциональной, как и большая часть комнат в Прем-Нивасе, которые выглядели так, словно вот-вот ожидали неизбежного нашествия стада избирателей.

– Моя женитьба! – сказал он со смехом.

Ман энергично кивнул.

– Сменим тему, – предложил Фироз.

– Почему? Ты ведь предпочел уединиться здесь и выпить, а не гулять по саду...

– Сложно назвать это уединением...

– Не перебивай, – произнес Ман, обнимая его. – Если бы молодой и красивый парень вроде тебя пошел в сад, то был бы окружен подходящими молодыми красотками. Да и неподходящими тоже. Они бы налетели на тебя, словно пчелы на лотосы. *Локон кудрявый, локон кудрявый, будешь ли ты моим?*

Фироз зарделся.

– Ты неверно понял метафору, – сказал он. – Мужчины – пчелы, а женщины – лотосы.

То, что процитировал Ман, было куплетом из газели на урду о том, что охотник мог стать жертвой. Имтиаз рассмеялся.

– Заткнитесь вы оба, – сказал Фироз, притворяясь более сердитым, чем на самом деле. Он устал от этих глупостей. – Пойду вниз. Абба⁴¹ будет голову ломать, куда это мы запропастились. Да и твоему отцу тоже будет интересно. И, кроме того, стоит узнать, женат ли уже твой брат и действительно ли у тебя теперь есть красивая невестка, которая станет журить вас и обуздывать ваши излишества.

– Ладно, ладно, мы все спустимся, – весело сказал Ман. – Может быть, некоторые пчелы начнут цепляться за нас. И если кого-то ужалят в самое сердце, рядом ведь есть доктор-сахиб, который непременно сможет нас вылечить. Верно, Имтиаз? Все, что нужно сделать, – это приложить лепесток розы к ране, да?

– Если нет противопоказаний, – серьезно сказал Имтиаз.

– Никаких противопоказаний, – весело засмеялся Ман, идя вниз по лестнице.

– Смейся сколько угодно, – сказал Имтиаз, – но у некоторых людей бывает аллергия даже на лепестки розы. Кстати, о лепестках: ты подцепил один своей шапкой.

– А, правда? – переспросил Ман. – Эти штуки сыплются отовсюду.

– Да уж, – сказал Фироз, шедший сразу позади него. И нежно смахнул лепесток.

1.8

Поскольку оставшийся без сыновей наваб-сахиб выглядел несколько растерянно, дочь Махеша Капура Вина вовлекла его в круг своей семьи, расспрашивая о старшем ребенке – его дочери Зайнаб. Вина и Зайнаб дружили с детства, но после замужества Зайнаб исчезла в мире женского затворничества, как предписывает пурда⁴². Старик говорил о ней с осторожностью, а о двух ее детях – с нескрываемым восторгом. Внуки были единственными существами в мире, которым позволялось прерывать его занятия в библиотеке. Но сейчас поместье Байтар, известное как Байтар-Хаус, – большой желтый фамильный особняк, находившийся всего в нескольких минутах ходьбы от Прем-Ниваса, сильно обветшал, и библиотека тоже пострадала.

⁴¹ Абба, абба-джан – отец (*урду*).

⁴² Пурда, или парда, – морально-этический кодекс, широко распространенный среди женского населения Афганистана, Пакистана, мусульманского населения северной Индии, а также среди некоторых высших каст индусов, в частности раджпутов.

– Чешуйница одолела, знаете ли, – сказал наваб-сахиб. – И мне необходима помощь в каталогизации. Задача стоит грандиозная и в каком-то смысле не очень обнадеживающая. Кое-что из ранних изданий Галиба⁴³ сейчас не отыскать, как и некоторые из ценных рукописей нашего поэта Маста⁴⁴. Мой брат так и не составил список того, что он увозил с собой в Пакистан...

Услышав слово «Пакистан», свекровь Вины, сухонькая, старая госпожа Тандон, вздрогнула. Три года назад ей и всей ее семье пришлось бежать от крови, пламени и незабываемого ужаса Лахора⁴⁵. Они были богатыми, что называется, имущими людьми, однако потеряли почти все, что имели. Им посчастливилось бежать и выжить. У ее сына Кедарната, мужа Вины, до сих пор не сошли шрамы на руках, оставшиеся после нападения погромщиков на колонну беженцев. Некоторые их друзья погибли тогда.

«Молодежь очень вынослива», – с горечью думала старая госпожа Тандон. Ее внуку Бхаскару было всего шесть лет, но даже Вина и Кедарнат не позволили тем страшным событиям испортить им жизнь. Они вернулись сюда, на родину Вины, и Кедарнат нашел себе небольшое дело – унижайшее, грязнейшее – занялся торговлей обувью. Для старой госпожи Тандон даже потеря прежнего благополучия была не настолько болезненной.

Она была готова терпеть разговоры с навабом-сахибом, пусть он и был мусульманином, но стоило ему упомянуть приезды и отъезды из Пакистана – и ее воображение не выдержало. Ей стало плохо. Приятная болтовня в саду в Брахмпуре потонула в криках толпы на улицах Лахора, обезумевшей от крови, и в разгорающемся пламени. Ежедневно, а порой ежечасно, она возвращалась мыслями к тому месту, которое все еще считала своим домом. Которое было прекрасно, прежде чем внезапно стало чудовищным. А ведь совсем незадолго до того, как она утратила его навсегда, он казался совершенно безмятежным и безопасным, ее дом.

Наваб-сахиб ничего не заметил, но заметила Вина, поспешив сменить тему, пусть даже рискуя показаться невежливой.

– Где Бхаскар? – спросила она мужа.

– Я не знаю. Кажется, я видел этого лягушонка возле еды, – ответил Кедарнат.

– Пожалуйста, не надо называть его так, – сказала Вина. – Он же тебе не чужой, он твой сын...

– Это не я ему прозвище придумал, а Ман, – сказал Кедарнат с улыбкой. Он любил, когда его слегка загоняли под каблук. – Но я буду звать его так, как тебе захочется.

Вина увела свекровь. Чтобы отвлечь ее, она действительно решила заняться поисками сына. Наконец они нашли Бхаскара. Однако он не поглощал все подряд, а просто стоял под огромным цветным тканевым навесом, накрывавшим столы с едой, с восторгом уставившись вверх, на сложные геометрические фигуры – красные ромбы, зеленые трапеции, желтые квадраты и синие треугольники, – из которых шатер был сшит воедино.

1.9

Толпа постепенно редела. Гости, пережевывая пан⁴⁶, прощались у ворот. Гора подарков выросла у скамьи, где сидели Пран и Савита. Наконец остались только они и члены семьи – да

⁴³ *Галиб* Мирза Асадулла-хан (1797–1869) – один из наиболее известных индийских поэтов, писавший на языках урду и фарси, авторитетный знаток Корана и суфизма.

⁴⁴ *Маст* (Мир Камар Удин) – индийский поэт-песенник XVIII в.

⁴⁵ *Лахор* – город и область на северо-востоке Пакистана, на левом берегу реки Рави. Административный центр провинции Пенджаб.

⁴⁶ *Пан* – индийская жвачка для дезинфекции полости рта, в которую добавляют гашеную известь, пряности, семена горчицы, тертый орех арековой (бетелевой) пальмы, мед, лимон, ментол и даже сусальное серебро; также популярна как стимулирующее средство.

зевающие слуги, которые убрали наиболее ценную мебель на ночь или упаковывали подарки по чемоданам под бдительным приглядом госпожи Рупы Меры.

Жених и невеста погрузились в собственные мысли. Они избегали смотреть друг на друга. Им предстояло провести ночь в заботливо обустроенной специально для них комнате в Прем-Нивасе, а затем они на неделю уезжали в Шимлу на неделю – праздновать медовый месяц.

Лата попыталась представить себе комнату новобрачных. Предположительно, в ней будет витать аромат туберозы. По крайней мере, в этом была уверена Малати.

«Теперь розы мне всегда будут напоминать о Пране», – подумала Лата. Было совсем неприятно следовать за собственным воображением далее. Мысли о том, что Савита будет спать с Праном, не упростили ситуацию. Это вовсе не казалось романтичным. «А вдруг они слишком устали», – с надеждой подумала она.

– О чем ты думаешь, Лата? – спросила ее мать.

– А, ни о чем, мама, – машинально ответила Лата.

– Ты поморщила нос. Я видела это.

Лата покраснела.

– Не думаю, что когда-нибудь захочу выйти замуж, – выпалила она.

Госпожа Рупа Мера была слишком утомлена свадьбой, слишком измождена эмоциями, слишком расслаблена санскритом и пресыщена поздравлениями. Короче говоря, она устала настолько, что не могла сделать ничего большего, кроме как смотреть на Лату в течение десяти секунд. Да что же вселилось в эту девчонку, скажите на милость? Что было хорошо для ее матери, и для матери ее матери, и для матери матери ее матери, должно было удовлетворить и ее. Однако Лата всегда была сложным человеком, обладала собственной волей, тихой, но непредсказуемой, – как во время учебы в монастыре Святой Софии, когда она вздумала стать монахиней! Но у госпожи Рупы Меры тоже была воля, и она была намерена поступать по своему, даже если не питала ни малейших иллюзий насчет податливости Латы.

Но все-таки Лату назвали в честь самой податливой вещи – виноградной лозы, приученной цепляться: сначала за семью, а после за мужа. Действительно, когда она была ребенком, то всегда крепко, ловко цеплялась за мать. Внезапно госпожа Рупа Мера разразилась вдохновенным поучением:

– Лата, ты – виноградная лоза! Ты должна будешь увиваться вокруг своего мужа!

Это не возымело успеха.

– Увиваться? – переспросила она. – Увиваться?

В слове прозвучало столько презрения, что мать не смогла удержаться от слез. Как ужасно иметь такую неблагодарную дочь! И до чего же непредсказуемым может быть родное дитя!

Теперь, когда по ее щекам текли слезы, госпожа Рупа Мера переключилась с одной дочери на другую. Она прижала к груди Савиту и громко рыдала.

– Ты должна писать мне, дорогая Савита, – говорила она. – Ты должна писать мне каждый день из Шимлы. Пран, ты теперь мне словно сын, ты обязан взять ответственность и проследить за этим. Скоро я буду одна в Калькутте – совершенно одна!

Это, конечно, было чистой неправдой. Арун, Варун, Минакши и Апарна будут всей толпой вместе с ней, в небольшой квартирке Аруна в Санни-Парке. Но госпожа Рупа Мера пребывала в абсолютном убеждении, что субъективная истина превалирует над истиной объективной.

1.10

Тонга постукивала по дороге, и тонга-валла⁴⁷ пел:

– Сердце разбилось на куски – один упал здесь, а другой упал там...

Варун начал тихо подпевать, затем запел громче, а потом внезапно умолк.

– Ох, пой дальше! – сказала Малати, мягко подталкивая Лату локтем в бок. – У тебя приятный голос, Варун. Как перезвон... Тарелок в посудной лавке, – прошептала она Лате на ухо.

– Хе-хе-хе, – нервно рассмеялся Варун. Понимая, что голос его звучит неуверенно, он попытался добавить зловещих ноток. Но не вышло.

Он чувствовал себя несчастным. А кроме того, зеленые глаза Малати и ее сарказм – поскольку это непременно был сарказм – ситуацию не улучшали.

Тонга была набита до отказа. Варун с юным Бхаскаром сидели спереди, рядом с извозчиком; спиной к ним устроились Лата и Малати, обе одетые в шальвар-камизы⁴⁸, и Апарна в измазанной мороженым кофточке и платье. Стояло солнечное зимнее утро.

Старый тонга-валла в белом тюрбане наслаждался сумасшедшей ездой по широким улицам этой малолюдной части города. Совсем не то, что безумная теснота старого Брахмпюра. Он начал покрикивать на лошадь, подгоняя ее. Теперь уже Малати сама стала напевать слова популярной песни из фильма. Ей не хотелось обескуражить Варуна. Приятно думать о разбитых сердцах таким безоблачным утром.

Варун не стал ей подпевать. Но чуть погодя он набрался смелости и сказал, обернувшись:

– У тебя... чудесный голос...

Чистейшая правда. Малати любила музыку и училась классическому вокалу. Ее преподавателем был сам устад⁴⁹ Маджид Хан – один из лучших певцов Северной Индии. Она даже Лату втянула, заинтересовав индийской классической музыкой, когда они еще жили вместе в студенческом общежитии. В результате Лата частенько ловила себя на том, что напевает мелодии любимых раг⁵⁰ Малати.

Малати благосклонно приняла комплимент Варуна.

– Ты так думаешь? – спросила она, повернувшись и заглядывая ему в самые глаза. – Очень приятно, что ты так считаешь.

Варун покраснел до кончиков ушей и ненадолго потерял дар речи. Но внезапно, когда они проезжали мимо брахмпурского ипподрома, он схватил тонга-валлу за руку и взмолился:

– Остановите!

– Что такое? – спросила Лата.

– Ох, ничего, ничего. Если мы торопимся, тогда давай поедем дальше.

– Конечно же нет, Варун-бхай, – сказала она. – Мы ведь просто едем в зоопарк. Давай остановимся, если хочешь.

Стоило им сойти вниз, как Варун, почти не контролируя себя, возбужденно рванул к белому частоколу и уставился сквозь него.

– Это единственный в Индии, кроме Лакхнау, ипподром с направлением против часовой стрелки, – выдохнул он почти про себя с благоговейным трепетом. – Говорят, что он построен

⁴⁷ Тонга – легкая повозка, запряженная лошадей; тонга-валла – извозчик.

⁴⁸ Шальвар-камиз – традиционная одежда в южной Азии, состоит из двух предметов: шальвар (брюк) и камиза (длинной рубахи). Шальвар-камизы могут носить и мужчины, и женщины, хотя их покрой зависит от пола.

⁴⁹ Устад – учитель (*хинди*).

⁵⁰ Рага – в классической индийской музыке изначальная мелодическая идея, пользующаяся по меньшей мере пятью тонами октавы. Каждая имеет строгие правила восхождения и нисхождения тона, предписанные места для пауз, характерные фразы и т. п.

специально для дерби, – добавил он, обращаясь к юному Бхаскару, случайно оказавшемуся рядом.

– Но в чем разница? – спросил Бхаскар. – Расстояние ведь такое же? Так какая разница – по часовой стрелке движение или против?

Варун пропустил мимо ушей вопрос Бхаскара. Он начал медленно, мечтательно прохаживаться в одиночку вдоль забора против часовой стрелки, чуть ли не загребая землю ногами.

Лата догнала его.

– Варун-бхай? – позвала она.

– Э-э... да?

– Насчет вчерашнего вечера.

– Вчерашнего вечера? – Варун спустился с небес на землю. – Что произошло?

– Наша сестра вышла замуж.

– А... о... да-да, я знаю. Савита, – добавил он, надеясь сконцентрироваться с помощью уточнения.

– Знаешь что, – сказала Лата, – не позволяй Аруну издеваться над тобой. Просто не позволяй – и все.

Она перестала улыбаться и внимательно посмотрела на него, когда тень пробежала по его лицу.

– Я это просто ненавижу, Варун-бхай. Ужасно видеть, как он тебя запугивает. Конечно же, я не говорю, что ты должен ругаться с ним, или грубить, или что-то еще в таком духе. Просто не позволяй, чтобы с тобой обращались так... ну... как я видела.

– Да, да, – неуверенно произнес он.

– То, что он тебя на несколько лет старше, не делает его твоим отцом, наставником и начальником в одном лице.

Варун печально кивнул, слишком хорошо понимая, что, пока он живет в доме старшего брата, он вынужден подчиняться его воле.

– В любом случае, я считаю, тебе стоит вести себя увереннее, – продолжила Лата. – Арун-бхай пытается всех раздавить, словно он паровой каток, и нам лучше убрать свои жалкие душонки подальше с его пути. Мне самой сейчас довольно сложно, и я даже не в Калькутте. Я просто решила, что лучше скажу это сейчас, поскольку дома у меня вряд ли появится возможность поговорить с тобой наедине. А завтра вы уедете.

Варун знал, что Лата говорит это, исходя из собственного горького опыта. Если уж Арун злился, то слов не выбирал. Когда Лате вздумалось стать монахиней – всего лишь глупое подростковое решение, но ее собственное, – Арун, взбешенный тем, что его грубые попытки отговорить не возымели успеха, сказал: «Отлично, делай что хочешь, становись монахиней и разрушай свою жизнь. Все равно на тебе никто не женился бы. Ты прямо как иллюстрация из Библии: плоская со всех сторон».

Лата была благодарна богу за то, что не училась в Калькуттском университете. По крайней мере, большую часть года она была недосыгаема для Аруновой муштры. Пусть подобных слов она и не слышала больше, воспоминания о них все равно больно саднили.

– Жалко, что тебя нет со мной в Калькутте, – сказал Варун.

– Само собой, тебе необходимы друзья, – сказала Лата.

– Ну, по вечерам Арун-бхай и Минакши-бхабхи⁵¹ часто куда-то уходят из дома, и я должен присматривать за Апарной, – слабо улыбаясь, сказал Варун. – Я не против.

– Варун, так никуда не годится. – Лата крепко взяла его за понурое плечо и сказала: – Я хочу, чтобы ты гулял с друзьями – с людьми, которые тебе действительно приятны и которым

⁵¹ *Бхабхи* – жена брата (*хинди*).

приятен ты. Хотя бы два вечера в неделю. Притворись, что тебе нужно сходить на тренировку или что-то в таком духе.

Лате было не важно, что это обман. Неизвестно, сумеет ли Варун вообще соврать, но она не хотела, чтобы все продолжалось по-прежнему. Она волновалась за Варуна. На свадьбе он казался еще более нервным, чем несколько месяцев назад, когда они виделись в последний раз.

Вдруг в опасной близости прогудел поезд, и лошадь испуганно шарахнулась.

– Как чудесно, – сказал сам себе Варун, не думая ни о чем другом. Он нежно похлопал лошадь, когда они вернулись в тонгу.

– Как далеко отсюда вокзал? – спросил он тонга-валлу.

– О, да прямо вон там, – ответил тонга-валла, неопределенно указывая на заросшую территорию за пределами ухоженных садов ипподрома. – Неподалеку от зоопарка.

«Интересно, дает ли это фору местным лошадям», – сказал себе Варун. Стали бы бежать другие? Какова разница в возможностях?

1.11

Когда они добрались до зоопарка, Бхаскар и Апарна дружно стали просить покататься на детской железной дороге, которая, как заметил Бхаскар, также ездил против часовой стрелки. Лате и Малати хотелось пройтись после поездки в тонге, но дети взяли верх. В итоге все пятеро, прижатые тесно-тесно, сидели в маленьком вагончике красного цвета – на этот раз, правда, лицом друг к другу, пока маленький зеленый паровозик плыл по рельсам шириной в один фут. Варун сел напротив Малати, их колени почти соприкасались. Малати это забавляло, но Варун был настолько смущен, что без конца отчаянно отворачивался, глядя то на жирафов, то на толпы школьников, облизывающих огромные, закрученные розовые конфеты на палочках. Глаза Апарны алчно поблескивали.

Поскольку Бхаскару было девять, а Апарне втрое меньше, у них было мало общих тем для разговора. Потому оба выбрали себе для общения наиболее приятного им взрослого. Апарна, которую светские родители воспитывали, попеременно то снисходя, то раздражаясь, нашла утешение в ровной и несомненной привязанности Латы. В компании Латы она вела себя вполне даже сносно. Бхаскар и Варун тоже отлично поладили, поскольку Бхаскару удалось увлечь Варуна – они обсуждали математику с особым уклоном в гоночные коэффициенты.

Они видели слона, верблюда, страуса эму, обыкновенную летучую мышь, коричневого пеликана, рыжую лисицу и всевозможных крупных кошек. Они даже увидели кота поменьше, леопардового окраса, нервно расхаживающего по полу клетки. Но самым интересным был экзотариум. Оба ребенка горели желанием увидеть змеиную яму, полную довольно медлительных питонов, и витрины со смертоносными гадюками, крайтами и кобрами. И конечно, холодных ребристых крокодилов, на чьи спины некоторые школьники и гости из деревни бросали монеты, пока другие посетители, наклонившись через перила слишком близко к белым разинутым зубастым пастьям, вздрагивали и визжали. К счастью, зловещее было по душе Варуну, и он повел детей внутрь.

Лата и Малати заходить отказались.

– Я ведь студентка-медик и уже достаточно жути повидала, – сказала Малати.

– Прошу тебя, не дразни Варуна, – чуть погодя сказала ей Лата.

– О, я его не дразнила, – сказала Малати. – Я просто слушаю его внимательно. Ему же лучше... – засмеялась она.

– Мм... ты его нервируешь.

– Ты очень заботишься о своем старшем братце.

– Он не... а, да... мой младший старший братец. Что ж, поскольку у меня нет младшего брата, я, видимо, поручила ему эту роль. А если серьезно, Малати, я за него переживаю. И

мама тоже. Мы понятия не имеем, что он собирается делать, когда через несколько месяцев закончит обучение. Он ничем особенно не увлечен. И Арун вечно запугивает его и издевается. Я бы очень хотела, чтобы какая-нибудь девушка взяла его под свое крыло.

– А я не подхожу? Стоит признать, в нем есть какое-то скромное обаяние. Хе-хе! – изобразила она смех Варуна.

– Не шути, Малати. Не знаю, как Варун, а вот мама была бы в ярости, – сказала Лата.

Чистая правда. Даже если не принимать во внимание, что подобное невозможно чисто географически, трудно даже вообразить в какой ужас привела бы госпожу Рупу Меру одна мысль об этом. Малати Триведи, помимо того, что она была одной из горстки девушек-студенток среди почти пятисот юношей в Медицинском колледже принца Уэльского, была известна своими свободными взглядами, участием в акциях Социалистической партии и своими амурными делами – хотя, стоит заметить, не с кем-то из этих пятисот юношей, которых она по большей части презирала.

– А по-моему, твоей маме я очень даже нравлюсь, – сказала Малати.

– Это к делу не относится, – сказала Лата. – И если честно, это меня страшно удивляет. Обычно она обо всех судит очень предвзято. На ее месте я бы решила, что ты плохо на меня влияешь.

Однако это было не так. Даже с точки зрения госпожи Рупы Меры. Малати, несомненно, помогла Лате обрести больше уверенности в себе с тех пор, как она, едва оперившись, выпорхнула из гнезда святой Софии. И Малати успешно увлекла Лату индийской классической музыкой, которую, в отличие от газелей, госпожа Рупа Мера вполне одобряла. А соседками по комнате девушки стали, потому что у государственного медицинского колледжа (обычно его называли просто «Принцем Уэльским») не было условий для размещения небольшого количества девушек, и колледж договорился с университетом Брахмпура, чтобы их поселили в университетском общежитии.

Малати была очаровательна, одевалась скромно, но со вкусом и могла поддержать разговор с госпожой Рупой Мерой обо всем, начиная с религиозных постов и заканчивая кулинарией и генеалогией (ее собственных прозападных детей эти темы не интересовали вовсе). Кроме того, Малати была белокожей, что являлось огромным плюсом в подсознательных калькуляциях госпожи Рупы Меры. Госпожа Рупа Мера также подозревала, что в жилах Малати Триведи, обладающей опасно привлекательными зеленоватыми глазами, течет кровь кашмирцев или синдхов⁵². Впрочем, ничего подобного она до сих пор не обнаружила.

А еще, хотя они нечасто говорили об этом, Лату и Малати сближала потеря. Обе рано остались без отцов.

Малати потеряла обожаемого отца, хирурга из Акры, когда ей было всего восемь лет. Он был успешным, красивым человеком с широким кругом знакомых. Где он только не работал – некоторое время он был прикомандирован к армии и уехал в Афганистан, преподавал в медицинском колледже Лакхнау, а кроме того, занимался частной практикой. На момент смерти, пусть его и нельзя было назвать экономным человеком, он обладал приличным состоянием. В основном в виде недвижимости. Каждые пять лет он полностью снимался с места и переезжал в новый город штата – в Меерут, в Барейли, в Лакхнау, в Агру. Куда бы он ни приехал, он строил новый дом, но и от старых не избавлялся. Когда он умер, мать Малати впала в депрессию, казавшуюся необратимой, и в таком состоянии провела два года.

⁵² *Кашмирцы* (кашмири) – основное население союзной территории Джамму и Кашмир в Индии, живут в основном в Кашмирской долине, вдоль реки Джелам; кроме того, некоторая часть кашмирцев покинула этот регион и проживает в настоящее время в Пакистане. Изначально кашмирцы были индуистами и буддистами. *Синдхи* – народ, проживающий в основном в исторической области Синд в Пакистане, а также в Индии; имеют собственный язык – синдхи, большинство исповедует ислам суннитского толка, но также зороастризм, индуизм, сикхизм и христианство. Индийские синдхи в основном исповедуют индуизм.

Затем ей удалось взять себя в руки. У нее была большая семья, о которой нужно было заботиться. Матери Малати волей-неволей пришлось думать о вещах с практической точки зрения. Она была очень простодушной идеалисткой, честной женщиной, и ее больше заботило то, что правильно, чем то, что принято, удобно или выгодно с финансовой точки зрения. И именно в таком ключе она была намерена воспитать свою семью.

И какую семью! Почти все – девочки. Старшая – суший сорванец шестнадцати лет, когда умер отец, – теперь была уже замужем за сыном деревенского помещика. Она жила милях в двадцати от Агры, в огромном доме с двадцатью слугами, садами личи⁵³ и бесконечными полями, но даже после замужества навещала сестер в Агре, приезжая на несколько месяцев. Вслед за старшей сестрой родилось еще двое сыновей, но оба они умерли в детстве, в возрасте пяти и трех лет.

После мальчиков на свет появилась Малати, которая была на восемь лет младше своей сестры. Она тоже росла как мальчишка, хоть и ни в коем случае не была сорванцом. Причин тому было несколько, и все связано с ее младенчеством: пронзительный взгляд ее необыкновенных глаз, ее мальчишеская внешность, тот факт, что мальчишеская одежда была под рукой и та печаль, которую испытали ее родители после смерти двоих сыновей. Следом за Малати одна за другой появились еще три девочки, затем снова мальчик, а потом отец умер.

Поэтому Малати почти всегда воспитывалась среди женщин. Ее младший брат рос словно младшая сестра. Он был слишком мал, чтобы воспитываться как-то иначе. (Некоторое время спустя, должно быть от недоумения, он последовал за братьями.) Девочек окружала атмосфера, в которой мужчины стали рассматриваться как угроза и эксплуататоры. Многие мужчины, с которыми пришлось общаться Малати, именно такими и оказались в итоге. Никто не смел посягнуть на память отца. Малати была полна решимости стать таким же врачом, как он, никогда не позволявшим своим инструментам пылиться на полке. Однажды она тоже возьмет их в руки.

Кем были эти мужчины? Одним из них был двоюродный брат, который присвоил многое из вещей ее отца. Отец собирал эти вещи, пользовался ими, а теперь, после его смерти, они лежали на складе. Мать Малати вычеркнула из их жизни то, что считала несущественным. Теперь уже не было обязательно обладать двумя кухнями – европейской и индийской. Фарфор и восхитительные столовые приборы для западной кухни были вместе с большим количеством мебели убраны в гараж. Двоюродный брат тут же заявился, взял ключи у скорбящей вдовы, пообещав, что сам все уладит, и вывез все, что лежало в гараже. Мать Малати в итоге не увидела ни рупии из вырученных денег.

– Ну что ж, – сказала она философски. – Зато грехи мои уменьшились.

Другим из посягавших был слуга, выступавший в качестве посредника при продаже домов. Он связывался с агентами по недвижимости или другими потенциальными покупателями в городах, где находились дома, и заключал с ними сделки. И оказался жуликом.

Еще одним пройдохой был младший брат ее отца, который так и жил в их доме в Лакхнау с женой на нижнем этаже и танцовщицей на верхнем. Он бы с радостью обманул их, если бы мог продать этот дом. На танцовщицу ему требовались деньги.

Затем был молодой – ну, двадцатилетний, – но весьма неряшливый учитель колледжа, живший внизу в съемной комнате, когда Малати было около пятнадцати. Мать Малати хотела, чтобы она выучила английский, и не видела ничего плохого в том, чтобы Малати брала у него уроки, что бы там ни говорили соседи (а говорили они многое и далеко не всегда в хорошем ключе) – хоть он и был холостяком. Возможно, в этом случае соседи были правы. Он очень скоро безумно влюбился в Малати и попросил у ее матери разрешения на женитьбу.

⁵³ *Личи* китайское – плодовое дерево семейства сапиндовых, известное также как личи, лиджи, китайская слива.

Когда мать спросила у Малати, что она думает об этом, дочь была потрясена, пришла в ужас и наотрез отказалась.

В медицинском колледже в Брахмпуре и до него, во время получения среднего образования в Агре, Малати приходилось несладко – ее дразнили, сплетничали о ней, дергали за светлый чуни⁵⁴, обернутый вокруг шеи, говорили: «Она хочет быть мальчишкой». Да ничего подобного!

Дразнили ее невыносимо и приутихли только тогда, когда, спровоцированная одним мальчиком, не выдержав, она вlepила ему затрещину на глазах у его друзей.

Мужчины поголовно влюблялись в нее, но она не считала, что они заслуживают ее внимания. Не то чтобы она действительно ненавидела мужчин. В большинстве случаев совсем наоборот. Просто ее стандарты были слишком высокими. Никто не мог приблизиться к тому идеалу, которым для нее и ее сестер оставался отец. По сравнению с ним большинство мужчин казались незрелыми. Кроме того, брак стал был помехой на пути девушки, избравшей карьеру врача, и потому она не слишком беспокоилась о том, что может так и не выйти замуж.

Малати слишком щедро заполняла каждую быстротечную минуту. Уже в двенадцать или тринадцать лет она была одиночкой даже в своей многодетной семье. Она любила читать, и домашние знали, что, если в руках у Малати книга, с ней лучше не заговаривать. Когда это случалось, мать не заставляла ее помогать с готовкой или работой по дому. Достаточно было фразы «Малати читает», чтобы люди избегали заходить в комнату, где она лежала или сидела, склонившись над книжкой, и сердито накидывалась на любого, кто осмеливался ее побеспокоить. Иногда она в самом деле пряталась от людей, выбирая угол, где ее будет невозможно найти. И довольно скоро ее поняли. Прошли годы, она воспитывала младших сестер. Ее старшая сестра-сорвиголова обучала их – вернее, руководила ими в остальных вопросах.

Мать Малати была примечательна тем, что хотела, чтобы ее дочери выросли независимыми. Она хотела, чтобы, помимо тех предметов, что преподавались в индийской средней школе, они выучились музыке, танцам и языкам (особенно английскому). И если это означало, что им нужно пойти за необходимыми знаниями в чей-то дом, то они пойдут, и не важно, что скажут люди. Если в дом к шести женщинам нужно было пригласить учителя, его приглашали. Молодые люди в восхищении заглядывались на первый этаж дома, когда слышали, как пятеро девочек беззаботно напевают. Если девочкам хотелось угоститься мороженым, они могли спокойно пойти и съесть его. Если соседи вдруг начинали возмущаться подобному бесстыдству, когда молодых девушек в одиночестве отпускали в Агру, они иногда ходили в магазин после наступления темноты, что было на самом деле куда хуже, пусть и менее заметно. Мать Малати дала понять дочерям, что они получают самое лучшее образование, какое только возможно, но мужей им придется искать самостоятельно.

Вскоре после переезда в Брахмпур Малати влюбилась в женатого музыканта, социалиста по убеждениям. Она тоже примкнула к соцпартии, продолжала свое участие в ней даже тогда, когда их роман с музыкантом закончился. После у нее вновь случился довольно неудачный роман. Сейчас же она была свободна.

Хоть у Малати энергия била через край, раз в несколько месяцев она заболела, и ее мать приезжала из Агры в Брахмпур, чтобы исцелить ее от сглаза – хвори, неподвластной достижениям западной медицины. Поскольку Малати обладала такими необычными глазами, она была легкой жертвой для сглаза.

Грязно-серый журавль с розовыми ногами окинул Малати и Лату презрительным взглядом, а потом его красные глаза обволокла серая пленка, и птица осторожно зашагала прочь.

⁵⁴ Чуни – длинный, универсальный шарф, который носят многие женщины в Южной Азии, подбирающие его под свою одежду.

– Давай обрадуем детей, купим им этих закрученных конфет, – сказала Лата, когда продавец прошел мимо. – Интересно, чего это они задерживаются. Что случилось, Малати? О чем ты задумалась?

– О любви, – отозвалась Малати.

– Ой, любовь такая скучная тема для раздумий, – сказала Лата. – Я никогда не влюблюсь. Знаю, с тобой это случается время от времени, но... – Она замолчала, снова с некоторым отвращением подумав о Савите и Пране, уехавшим в Шимлу. Предположительно они вернутся с холмов в глубочайшей любви. Это было невыносимо.

– Ну, тогда о сексе.

– Ой, пожалуйста, Малати, – сказала Лата, торопливо оглядываясь. – Это меня тоже не интересует, – добавила она, краснея.

– Что ж, тогда о браке. Интересно, за кого ты выйдешь замуж? И года не пройдет, как мать выдаст тебя замуж, можешь не сомневаться. И ты, словно покорная серая мышка, подчинишься ей.

– Так и будет, – сказала Лата.

Это порядком рассердило Малати, со злости она наклонилась и сорвала три нарцисса, растущие прямо под табличкой «Цветы не рвать». Один она оставила себе, а два других передала Лате, которой было жутко неловко держать в руках столь незаконно полученный подарок. Затем Малати купила пять палочек с розовыми конфетами, вручив четыре Лате в придачу к ее двум нарциссам, а сама принялась за пятую. Лата рассмеялась.

– А что же тогда с твоим намерением преподавать в маленькой школе для бедных? – спросила Малати.

– Ой, смотри, вот они! – сказала Лата.

Апарна с оцепенелым видом крепко держалась за руку Варуна. Дети управились с конфетами за несколько минут, пока шли к выходу. У турникетов мальчишка-оборванец с тоской глянул на них, и Лата быстро дала ему небольшую монету. Он собирался просить милостыню, но не успел – и потому удивился.

Один из ее нарциссов тут же вплели в гриву лошади. Тонга-валла снова запел о своем разбитом сердце, и в этот раз они все подхватили песню. Прохожие поворачивали головы, когда тонга проносилась мимо.

Крокодилы возымели на Варуна освобождающее действие. Но стоило им вернуться в дом Прана в университетском городке, где остались Арун, Минакши и госпожа Рупа Мера, ему пришлось отдуваться за возвращение на час позже. У матери и бабушки Апарны вид был крайне встревоженный.

– Ты чертов безответственный дурак, – при всех грубо отчитал его Арун. – Ты, как мужчина, – главный, и уж если пообещал, что будешь в двенадцать тридцать, то должен явиться в двенадцать тридцать, тем более что с тобой моя дочь. И моя сестра. Я не желаю слышать от тебя никаких оправданий. Проклятый идиот! – Он был в бешенстве. – А ты, – повернулся он к Лате, – ты сама должна была следить за временем, а не полагаться на Варуна. Ты знаешь, какой он.

Варун повесил голову, усиленно глядя себе под ноги. Он думал о том, как же приятно было бы скормить старшего брата (причем сперва голову) самому крупному крокодилу.

1.12

Лата училась в Брахмпуре еще и потому, что здесь жил ее дед, доктор Кишен Чанд Сет. Он обещал дочери Рупе, когда Лата впервые приехала сюда, что будет очень хорошо заботиться о ней. Однако обещание не сдержал. Доктор Кишен Чанд Сет был слишком занят то бриджем в клубе «Сабзипор», то враждой со сторонниками министра финансов, то страстью к своей

молодой жене Парвати, чтобы выполнять какие-либо обязанности опекуна по отношению к Лате. Учитывая, что ужасный характер Арун унаследовал именно от собственного деда, возможно, это было и к лучшему. В любом случае Лата ничего не имела против того, чтобы жить в общежитии университета. «Там моя учеба пойдет гораздо лучше, – думала она, – чем под крылом вспльчивого наны»⁵⁵.

Когда-то, сразу после смерти Рагубира Меры, госпожа Рупа Мера вместе с семьей переехала жить к своему отцу, который тогда еще не был женат. Учитывая ее финансовые затруднения, это казалось единственным верным решением. Кроме того, она думала, что отцу может быть одиноко, и надеялась помочь ему в домашних делах. Эксперимент длился несколько месяцев и закончился катастрофой. Доктор Кишен Чанд Сет оказался невозможным для совместного проживания человеком. Маленький, сухонький, он был той силой, с которой считались не только в медицинском колледже, из коего он ушел на пенсию в должности директора, но и во всем Брахмпуре, – все боялись его, трепетали перед ним и подчинялись ему. Доктор Кишен Чанд Сет ожидал, что его семейная жизнь пойдет по тому же пути. Он не принимал во внимание распоряжения Рупы Меры в отношении ее собственных детей. Он внезапно уходил из дома на несколько недель, не оставляя денег или инструкций для прислуги. Наконец, он обвинил свою дочь, которая хорошо выглядела, хоть и была вдовой, в том, что она строит глазки его коллегам, которых он приглашал к себе домой. Для убитой горем, пусть и общительной Рупы это было шокирующее обвинение. Подросток Арун грозился поколотить деда. Было много слез, криков, и доктор Кишен Чанд Сет что есть силы стучал своей тростью по полу. Тогда госпожа Рупа Мера ушла, плачущая, но непоколебимая, со своим выводком из четырех человек, и обрела убежище у сочувствующих друзей в Дарджилинге.

Примирение свершилось годом позже, с новым потоком слез. С тех пор дела пошли своим чередом. Брак с Парвати (который из-за разницы в возрасте потряс не только семью доктора, но и весь город), поступление Латы в университет Брахмпуре, помолвка Савиты (которую доктор Кишен Чанд Сет помог организовать), свадьба Савиты (которую он чуть не сорвал и которую осознанно пропустил). Все это было вехами на очень ухабистой дорожке. Но семья есть семья, и, как неустанно повторяла себе госпожа Рупа Мера, ласковое слово и буйную голову смиряет.

Прошло несколько месяцев со свадьбы Савиты. Зима кончилась, питоны в зоопарке пробудились от спячки. Отцвели нарциссы, раскрылись розы, а тем на смену пришли соцветия пурпурных лиан, чьи пятилепестковые цветы, вращаясь, точно лопасти вертолета, мягко спускались на землю, подгоняемые горячим ветром.

Широкий, илесто-бурый Ганг, текущий на восток мимо уродливых труб кожевенного завода и мраморного здания Барсат-Махала, мимо старого Брахмпуре с его оживленными базами и аллеями, мимо купальных и кремационных гхатов⁵⁶, мимо форта Брахмпуре, мимо белоснежных колонн клуба «Сабзипор» и просторного здания университета, обмелел с наступлением лета, но лодки и пароходы все так же деловито сновали взад-вперед, как и поезда по идущей параллельно железной дороге, что обозначала границу Брахмпуре на юге.

Лата переехала из общежития к Савите и Прану, которые вернулись из Шимлы на равнину. Вернулись, окутанные любовью. Малати, часто бывавшая у Латы, в итоге прониклась симпатией к долговязому Прану, о котором у нее сперва сложилось неблагоприятное впечатление. Лате тоже нравились его порядочность и доброжелательность, так что она не слишком огорчилась, узнав, что Савита беременна. Госпожа Рупа Мера писала дочерям длинные письма

⁵⁵ *Нана* – отец матери, дед по материнской линии (*хинди*).

⁵⁶ *Гхат* – каменное ступенчатое сооружение, служащее для ритуального омовения индуистов или как место кремации. Гхаты постепенно строились и перестраивались в течение нескольких тысяч лет.

из квартиры Аруна в Калькутте и постоянно жаловалась, что дочери отвечают на ее письма недостаточно быстро и недостаточно часто.

И хоть она и не упоминала об этом ни в одном из писем, опасаясь рассердить свою младшую дочь, в Калькутте Рупа Мера безуспешно пыталась найти пару для Латы.

Возможно, она недостаточно постаралась, утешала она себя, в конце концов, она же все еще не оправилась от волнений и забот, связанных со свадьбой Савиты. Но теперь наконец она собиралась вернуться в Брахмпур на три месяца – в свой второй дом. Под вторым домом она подразумевала дом дочери, а не отца. Когда поезд помчался навстречу Брахмпuru, чудесному городу, подарившему ей зятя, госпожа Рупа Мера пообещала себе, что предпримет еще одну попытку. Через день-другой после прибытия она сходит к отцу за советом.

1.13

Хотя в этом случае идти к доктору Кишену Чанду Сету за советом не пришлось. Он сам на следующий день в ярости приехал в университет и заявился прямо в дом к Прану Капуру.

Было три часа пополудни, стояла удушающая жара. Пран был занят на факультете. Лата слушала лекцию о поэтах-метафизиках, Савита отправилась за покупками. Молодой слуга Мансур пытался успокоить доктора Кишена Чанда Сета, предложив ему чай, кофе или свежий лаймовый сок. Однако тот все это довольно грубо отверг.

– Есть кто-нибудь дома? Где все? – злобно осведомился доктор Кишен Чанд Сет.

Маленькое, сплющенное скуластое лицо его с внушительным упрямым подбородком малость смахивало на свирепую морщинистую морду тибетского сторожевого пса (госпожа Рупа Мера внешностью пошла в мать). В руке он держал резную кашмирскую трость, которую использовал скорее для устрашения, чем для опоры. Мансур поспешил внутрь.

– Бурри-мемсахиб?⁵⁷ – позвал он, постучав в дверь комнаты госпожи Рупы Меры.

– Что... кто?

– Бурри-мемсахиб, здесь ваш отец.

– Ой, ох! – Госпожа Рупа Мера, которая наслаждалась дневным сном, в ужасе пробудилась. – Скажи ему, что я сейчас выйду, и предложи ему чаю.

– Да, мемсахиб.

Мансур вошел в гостиную. Доктор Сет разглядывал пепельницу.

– И? Ты не только полоумный, но еще и язык проглотил? – спросил доктор Кишен Чанд Сет.

– Она сейчас выйдет, сахиб.

– Кто сейчас выйдет, идиот?

– Бурри-мемсахиб, сахиб. Она отдыхала.

То, что его маленькую дочку Рупу вознесли не просто до мемсахиб, а до бурри-мемсахиб, озадачивало и раздражало доктора Сета. Мансур спросил:

– Желаете чаю или кофе, сахиб?

– Только что ты предлагал мне нимбу-пани⁵⁸.

– Да, сахиб.

– Стакан нимбу-пани.

– Сию минуту, сахиб. – Мансур собрался выполнить поручение.

– И еще...

– Да, сахиб?

⁵⁷ *Бурри* – обозначение человека, старшего по возрасту или обладающего авторитетом, высшего в иерархии. *Мемсахиб* – госпожа, обращение к женщине, хозяйке, образованное от обращения «мэм» и слова «сахиб» (господин).

⁵⁸ *Нимбу-пани* – напиток из воды и лимонного или лаймового сока, с добавлением сахара и розовой воды.

– Есть ли в этом доме печенье из аррорута?

– Полагаю, да, сахиб.

Мансур направился в сад за домом, чтобы сорвать пару лаймов, затем вернулся на кухню – выжать из них сок. Доктор Кишен Чанд Сет предпочел вчерашний выпуск «Стейтсмена», отвергнув свежую «Брахмпурскую хронику», и сел в кресло читать. В этом доме все слабоумные.

Госпожа Рупа Мера поспешно оделась в черно-белое хлопковое сари и вышла из своей комнаты. Она зашла в гостиную и рассыпалась в извинениях.

– Ох, хватит, прекрати всю эту чушь, – нетерпеливо перебил ее доктор Кишен Чанд Сет на хинди.

– Да, баоджи.

– Прождав неделю, я решил тебя навестить. Что ты за дочь такая?

– Неделю? – блекло переспросила госпожа Рупа Мера.

– Да-да, неделю, вы правильно поняли, бурри-мемсахиб.

Госпожа Рупа Мера не знала, что хуже: гнев ее отца или его же сарказм.

– Но я только вчера приехала из Калькутты...

Ее отец от этих глупостей, казалось, был готов уже взорваться, когда Мансур вошел со стаканом нимбу-пани и тарелкой печенья из аррорута. Он заметил выражение лица доктора Сета и нерешительно замер в дверях.

– Да-да, поставь здесь, чего ты ждешь?

Мансур поставил поднос на небольшую стеклянную столешницу и повернулся, чтобы уйти. Доктор Сет сделал глоток и яростно завопил:

– Негодяй!

Мансур повернулся, дрожа.

Ему было всего шестнадцать, и он заменял своего отца, взявшего короткий отпуск. Ни один из его бывших учителей за все пять лет обучения в деревенской школе не внушал ему такого животного ужаса, какой вселял в его душу сумасшедший отец бурри-мемсахиб.

– Ты, негодяй... отравить меня вздумал?

– Нет, сахиб.

– Что ты мне дал?

– Нимбу-пани, сахиб.

Доктор Сет, тряся челюстью, внимательно взглянул на Мансура. Уж не пытался ли этот щенок дерзить ему?

– Конечно нимбу-пани, я, по-твоему, решил, что это виски?

– Сахиб... – пробормотал Мансур, совершенно сбитый с толку.

– Что ты в него положил?

– Сахар, сахиб.

– Ты, паяц! Я всегда пью нимбу-пани с солью, а не с сахаром, – прорычал доктор Кишен Чанд Сет. – Сахар для меня – яд. У меня диабет, как и у твоей бурри-мемсахиб. Сколько раз я говорил тебе об этом?

Мансура так и подмывало ответить: «Ни разу», но он остерегся. Обычно доктор Сет пил чай, и он приносил ему молоко и сахар отдельно. Доктор Кишен Чанд Сет грохнул тростью об пол.

– Иди. Что ты вылупился на меня, словно сова?

– Да, сахиб, я приготовлю еще один стакан.

– Оставь этот. Нет. Да, сделай другой.

– С солью, сахиб, – рискнул улыбнуться Мансур. У него была довольно приятная улыбка.

– Над чем ты смеешься, словно осел? – спросил доктор Сет. – С солью, конечно!

– Да, сахиб.

– И еще, дурак...

– Да, сахиб?

– И с перцем тоже.

– Как вам угодно, сахиб.

Доктор Кишен Чанд Сет повернулся к своей дочери. Она поникла перед ним.

– Какая у меня дочка? – риторически спросил он. Ждать ответа Рупе Мере пришлось недолго. – Неблагодарная! – Ее отец откусил печенье, чтобы подчеркнуть сказанное. – Непропеченное! – добавил он с отвращением.

Госпожа Рупа Мера предпочла не перечить. Доктор Кишен Чанд Сет продолжил:

– Приехала из Калькутты неделю назад и ни разу не навестила меня! Ты настолько ненавидишь меня или мачеху?

Поскольку ее мачеха Парвати была значительно моложе ее самой, госпоже Рупе Мере было очень трудно думать о ней иначе, чем о медсестре своего отца, а позже – как о его любовнице. Несмотря на то что госпожа Рупа Мера была очень придирчива, Парвати не так уж и сильно ее возмущала. Отец в течении трех десятков лет после смерти матери был одинок. Парвати хорошо относилась к нему, и (предположительно) ему тоже было с ней хорошо. Во всяком случае, думала госпожа Рупа Мера, именно так все и происходит в этом мире. Лучше со всеми поддерживать хорошие отношения.

– Но я приехала сюда только вчера, – повторила она. Она говорила об этом минуту назад, но, очевидно, он ей не поверил.

– Хмх, – снисходительно произнес доктор Сет.

– Брахмпурским почтовым.

– В своем письме ты сообщала, что должна была приехать на прошлой неделе.

– Но я не смогла забронировать билет, баоджи, потому решила остаться в Калькутте еще на неделю.

Сушая правда, однако немаловажную роль в решении задержаться сыграло также удовольствие еще немного пообщаться с трехлетней внучкой Апарной.

– Ты когда-нибудь слышала о телеграммах?

– Я хотела отправить ее тебе, баоджи, но я не подумала, что это может быть так важно.

И потом, это дорого...

– С тех пор как ты стала Мерой, ты стала ужасно изворотливой.

Это был удар по больному месту, и он не мог не задеть. Госпожа Рупа Мера повесила голову.

– Вот – съешь печеня, – примирительно сказал ее отец.

Госпожа Рупа Мера покачала головой.

– Ешь, дуреха! – с грубой нежностью произнес он. – Или ты все еще соблюдаешь эти идиотские посты, которые вредят твоему здоровью?

– Сегодня экадаши⁵⁹.

В память о муже госпожа Рупа Мера постилась на одиннадцатый день каждые две лунные недели.

– Меня не волнует, пусть это будет хоть десять раз экадаши, – с жаром сказал ее отец. – С тех пор как ты угодила под влияние семейства Мера, ты стала такой же религиозной, как и твоя злосчастная мать. В этой семье слишком много неподходящих браков.

Комбинация из двух связанных вместе предложений оказалась для госпожи Рупы Меры слишком обидной. Ее нос слегка покраснел. Семья ее мужа не была ни излишне религиозной, ни изворотливой. Братья и сестры Рагубира приняли его шестнадцатилетнюю молодую жену с трогательной, утешительной заботой. И до сих пор, спустя восемь лет после смерти мужа,

⁵⁹ Экадаши – одиннадцатый день после полнолуния и новолуния каждого лунного месяца в индуистском календаре.

она навещала всех, кого могла, во время своего, как величали это ее дети, «Ежегодного трансиндийского железнодорожного паломничества». Если она и становилась «такой же религиозной», как ее мать (хотя госпожа Рупа Мера такой не была, по крайней мере пока что), это было очевидным влиянием именно ее матери, которая умерла во время эпидемии гриппа после Первой мировой войны, когда Рупа была еще очень юной. Перед глазами возник блеклый образ: нежная душа первой жены доктора Кишена Чанда Сета была безмерно далека от его собственного мятежного, аллопатического духа. Отцовское замечание о неподходящих браках омрачало память о двух ее любимых душах и, наверно, имело целью оскорбить астматика Прана.

– Ох, не будь такой размазней! – сказал сурово доктор Кишен Чанд Сет. Он давно решил, что большинство женщин проводит две трети своего времени в хныканьях и слезах. Какую пользу могли принести все эти сопли? Он немного подумал и прибавил: – Ты должна поскорее выдать Лату замуж.

Госпожа Рупа Мера вскинула голову.

– О, ты так думаешь? – спросила она. Ее отец нынче был полон сюрпризов даже больше, чем обычно.

– Да. Ей почти двадцать. Поздновато уже для брака. Парвати вышла замуж в тридцать, и погляди, что ей досталось. Нужно найти подходящего парня для Латы.

– Да-да, я как раз думала о том же... но не представляю, что скажет на это Лата.

Доктор Кишен Чанд Сет нахмурился, считая это неуместным.

– И где же я найду подходящего парня? – продолжила она. – Нам очень повезло в случае с Савитой.

– Везение ни при чем. Я свел вас. Она уже беременна? Никто мне ничего не рассказывает, – сказал доктор Кишен Чанд Сет.

– Да, баоджи.

Доктор Сет на минуту замолчал, чтобы переварить ответ. Затем сказал:

– Давно пора. Надеюсь, в этот раз я получу правнука. – Он вновь умолк. – Как она?

– Ох, ничего особого, легкое утреннее недомогание... – начала госпожа Рупа Мера.

– Нет, дурочка, я имею в виду свою правнучку, дочку Аруна, – нетерпеливо оборвал ее доктор Кишен Чанд Сет.

– Ой, Апарна? Чудесная девочка. Она очень ко мне привязалась, – радостно сказала она. – Арун и Минакши передают большой, горячий привет.

На миг это, кажется, удовлетворило доктора Сета, и он аккуратно надкусил печенье из аррорута.

– Мягкое, – посетовал он. – Слишком мягкое.

Госпожа Рупа Мера знала, что все должно быть именно так, как хочет отец. Когда она была ребенком, ей запрещалось пить воду во время еды. Каждый кусок нужно было жевать двадцать четыре раза, чтобы улучшить пищеварение. Грустно было наблюдать, как человек, который преданно любит еду, вынужден довольствоваться печеньем и вареными яйцами.

– Я подумаю о том, что можно сделать для Латы, – продолжил ее отец. – Есть один молодой рентгенолог в колледже принца Уэльского. Не могу вспомнить его имени. Если бы мы подумали об этом раньше, можно было бы захомутать младшего брата Прана, и состоялась бы двойная свадьба. Но по слухам, сейчас он обручился с какой-то девушкой из Варанаси. Возможно, оно и к лучшему. – Доктор вдруг вспомнил о том, что с министром он вроде как должен был враждовать.

– Но ты же не можешь уйти прямо сейчас. Все скоро вернуться домой, – возразила госпожа Рупа Мера.

– Я не могу? Не могу? Где они все тогда, когда они нужны *мне*? – спросил доктор Кишен Чанд Сет, нетерпеливо цокнув языком. – Не забудь, что на следующей неделе у твоей мачехи день рождения, – сказал он, подходя к двери.

Госпожа Рупа Мера, стоя в дверном проеме, с печалью и тревогой смотрела в удаляющуюся спину отца. По пути к машине он остановился перед клумбой из желтых и красных канн в палисаднике Прана, и она заметила, как его возбуждение усилилось. Бюрократические цветы, к которым он также причислял бархатцы, бугенвиллеи и петунии, приводили его в бешенство. Будучи верховной властью в медицинском колледже принца Уэльского, он запретил их, но теперь они постепенно возвращались. Одним взмахом своей кашмирской трости он снес голову желтой канны. Пока дочь, трепеща, провожала его взглядом, доктор забрался в свой старенький серый «бьюик». Этот благородный автомобиль, раджа среди толп «остинов» и «моррисов», которые разъезжали по индийским дорогам, был все так же слегка помят с тех времен, когда десять лет назад Арун, навещая деда во время школьных каникул, отправился на нем на прогулку, закончившуюся аварией. Арун единственный в семье мог бросить своему деду вызов и избежать наказания, за что и был любимчиком. Уезжая, доктор Кишен Чанд Сет решил для себя, что это был приятный визит, давший ему повод подумать и разработать план действий.

Госпоже Рупе Мере потребовалась пара минут, чтобы прийти в себя после бодрящего нашествия отца. Внезапно осознав, насколько она голодна, она начала думать о том, чтобы поужинать на закате. Прерывать свой пост зерном она не могла, потому молодой Мансур был отправлен на рынок, чтобы купить плантанов⁶⁰ для котлет. Когда он проходил через кухню за ключом от велосипеда и сумкой для покупок, то заметил отвергнутый стакан с нимбу-пани – прохладным, кислым, манящим, и тут же опустошил его.

1.14

Все, кто был знаком с госпожой Рупой Мерой, знали, насколько сильно она любит розы, а особенно картинки с розами, потому большую часть поздравительных открыток, полученных ею, украшали розы всех цветов и сортов, разной степени пышности и нахальства. Нынче после обеда, водрузив на нос очки для чтения, она сидела за столом в их совместной с Латой комнате и просматривала старые открытки с целью практической, хотя сочетание на картинках грозило подавить ее отзвуками старинных сантиментов. Красные, желтые и даже синяя розы тут и там сочетались с лентами, изображениями котят и одним щенком с виноватой мордочкой. Яблоки, виноград и розы в корзине, поле со стадом овец и розами на переднем плане, розы в тусклой оловянной кружке рядом с миской клубники. Лилово-красные розы, украшенные неровными листьями без зубрин и неострыми, не лишенными даже некоторого обаяния зелеными шипами. Поздравительные открытки от семьи, друзей и разных доброжелателей со всей Индии, некоторые даже из-за границы. Все напоминало ей обо всем, как точно подметил ее старший сын.

Госпожа Рупа Мера бегло просмотрела стопки старых новогодних открыток, прежде чем вернулась к открыткам с розами, подаренным на день рождения. Из недр своей бездонной черной сумки она вынула ножницы и стала выбирать, которой из карточек придется пожертвовать. Независимо от того, насколько человек был близок или дорог ей, госпожа Рупа Мера крайне редко покупала открытку. Привычка экономить глубоко засела в ее голове, но восемь лет лишений не могли преуменьшить для нее важность поздравления с днем рождения. Она не могла позволить себе покупные открытки, потому делала их сама. На деле ж ей нравился сам творческий процесс изготовления. Кусочки картона, ленточки, полоски цветной бумаги, маленькие серебряные звездочки и клейкие золотистые циферки лежали в пестрой сокровищнице на дне самого большого из трех чемоданов и теперь сослужили свою службу. Ножницы раскрылись, а затем щелкнули. Три серебряные звездочки отделились от своих товаров и были

⁶⁰ *Плантаны* – овощные бананы, которые в сыром виде съедобны только при полной зрелости. Обычно их варят, жарят или запекают.

прикреплены при помощи позаимствованного клея – единственной вещи, которую госпожа Рупа Мера не взяла с собой в дорогу, опасаясь протечки, – к трем углам лицевой части сложенного вдвое куска белого картона. Четвертый угол заняли две золотые циферки, указывающие возраст получателя.

Однако теперь госпожа Рупа Мера сделала паузу и задумалась, поскольку возраст получателя был в этом положении дел неоднозначной деталью. Ее мачеха, об этом госпожа Рупа Мера никогда не забудет, была моложе ее на десять лет, и обвиняющие «35», к тому же или даже *особенно* золотого цвета, могли быть восприняты – и наверняка так и случится – как указание на неприемлемую разницу в возрасте, а возможно, даже как неллицеприятные побуждения. Золотые цифры были убраны, и четвертая серебряная звездочка присоединилась к своим подругам, образуя безобидную симметрию.

Отложив решение насчет сопроводительной картинки, госпожа Рупа Мера теперь выискивала подходящий стишок. Открытка с розами и оловянной посудой содержала следующие вирши:

Ах, лучи добра и света!
Их на жизненном пути
излучаешь ты – примета —
всем всегда с тобой идти.
Если счастье щедро льется
на других всю жизнь – его
пусть тебе стократ вернется
в день рожденья твоего!⁶¹

Это не годится для Парвати, решила госпожа Рупа Мера. Взор ее устремился к открытке с яблоками и виноградом.

Сегодня день объятий,
восторгов и цветов,
всяк тысячу симпатий
отдать тебе готов!
Опять любовь вернется,
сияя и дразня,
чтоб все тебе желали
прекраснейшего дня!

Это уже выглядело многообещающе, но госпожа Рупа Мера почувствовала, что третья и четвертая строчка не очень-то подходят. Кроме того, придется заменить «опять любовь вернется» на «день сладких грез настанет». Парвати вполне могла заслуживать объятий и любви, но госпожа Рупа Мера не могла подарить их ей.

А кто вообще прислал ей эту открытку? Куинни и Пусси Кападиа, две незамужние сестры, с которыми она не виделась уже много лет.

Незамужние. Это слово походило на дурное предзнаменование. Госпожа Рупа Мера на миг задумалась, а затем решительно продолжила поиск.

Щенок тьякал нерифмованный и, соответственно, неподходящий текст – обычное: «С днем рождения, счастья и благополучия!», зато овцы блеяли в рифму, стишок был похож на все прочие, но чуточку отличался по настроению:

⁶¹ Все стихи в романе, если не указано иное, даны в переводе А. Олсара.

О, здесь не поздравленье
С одним лишь славным днем —
Вся жизнь да будет ярким
Блистательным путем!
Нам пожелать приятно
Всего, что хочешь ты,
Чтоб круглый год из года в год
Сбывались все мечты.

Вот оно! Концепция блистательного жизненного пути, столь милая сердцу госпожи Рупы Меры, была отшлифована здесь до зеркального блеска. Строки не вынуждали ее выражать глубочайшую любовь ко второй жене мужа, но в то же время поздравление не казалось слишком отстраненным. Она достала свою черную с золотом перьевую ручку «Монблан», подаренную ей Рагубиром, когда родился Арун.

«Прошло двадцать пять лет, а она все как новенькая», – подумала госпожа Рупа Мера, грустно улыбнувшись, и принялась писать.

Госпожа Рупа Мера привыкла писать очень мелким почерком, что стало проблемой в этой ситуации. Она выбрала слишком большую открытку – пропорционально теплоте ее отношения к адресату. Но серебряные звезды уже присохли и менять размер было слишком поздно. Теперь она старалась заполнить рифмованными строчками столько места, чтобы не пришлось писать от себя больше нескольких слов, дополняя стихотворение. Потому первые три строфы были изложены двустихиями – с настолько большим количеством пробелов между ними, насколько было возможно написать, не делая все слишком очевидно, – слева, с многоточием из семи точек, пересекающих страницу, создавая видимость неизвестности, а заключительная строфа должна была обрушиться справа с громогласной вежливостью.

«Дорогой Парвати – счастливейшего дня рождения, большой любви, Рупа», – написала госпожа Рупа Мера с выражением покорности долгу на лице. Затем, раскаявшись, она исправила «дорогой» на «дражайшей». Теперь текст казался немного тесновато расположенным, но только очень внимательный взгляд мог бы распознать в нем запоздалую мысль.

Теперь пришло время для самой душераздирающей части. Придется не просто переписать стишок, а фактически пожертвовать целой открыткой. Какую же из роз подвергнуть трансплантации? Поразмыслив, госпожа Рупа Мера решила, что не желает расставаться ни с одной из них. Что же, тогда собака? Она казалась печальной, даже виноватой. Кроме того, изображение собаки, пусть даже самой симпатичной, могло быть превратно истолковано.

Остаются овцы. Пожалуй, они подойдут. Они пушистые и безэмоциональные. С ними и расстаться не жаль. Госпожа Рупа Мера была вегетарианкой, а ее отец и Парвати были закоренелыми мясоедами. Розы с переднего плана открытки были сохранены на будущее, а три стриженные овечки разместились на новых пастбищах.

Прежде чем запечатать конверт, госпожа Рупа Мера достала небольшой блокнот и написала несколько строк отцу:

Дорогой баоджи!

Невозможно описать словами, насколько вчерашний твой визит осчастливил меня. Пран с Савитой и Лата очень огорчились. У них не было возможности присутствовать, но такова жизнь. Что касается рентгенолога или любой другой перспективы для Латы – продолжай, пожалуйста, расспросы. Лучше бы, конечно, это был юноша-кхатри, но после женитьбы Аруна я задумываюсь и о других. Светлый или темный – перебирать не приходится.

Я оправилась от поездки и остаюсь, с величайшей привязанностью, навечно твоей любящей дочерью Рупой.

В доме стояла тишина. Она попросила у Мансура чашку чая и решила написать письмо Аруну. Развернув зеленый бланк для письма, она аккуратно вывела дату и написала своим мелким и разборчивым почерком:

Мой дорогой Арун!

Я надеюсь, ты чувствуешь себя намного лучше и боль в спине, так же как и зубная, значительно уменьшились. Я была очень расстроена и опечалена, что в Калькутте у нас было недостаточно времени для того, чтобы провести его вместе на станции, из-за пробок на мостах Стенд и Хора, и что тебе пришлось уехать прежде, чем поезд тронулся, поскольку Минакши хотела, чтобы ты вернулся пораньше. Ты даже не представляешь, как много я о тебе думаю – гораздо больше, чем можно описать словами. Я думала, что приготовления к вечеринке могли бы быть отложены на десять минут, но этого не произошло. Минакши лучше знать. Как бы там ни было, мы пробыли на вокзале совсем недолго, и по моим щекам текли слезы разочарования. Мой дорогой Варун тоже должен был вернуться, поскольку он приехал провожать меня с тобой на твоей машине. Что ж, такова жизнь, не всегда случается так, как хочется. Теперь я лишь молюсь за то, чтобы ты поскорее поправился и сохранил крепкое здоровье, где бы ты ни был, и у тебя больше не было проблем со спиной, и ты мог сыграть в гольф, который так любишь. Если на то воля божья, то мы вскоре увидимся вновь. Я тебя очень люблю и желаю всех благ и заслуженных успехов. Как гордился бы папа, что ты служишь в «Бентсене и Прайсе» и что у тебя теперь жена и ребенок.

Передавай милой Апарне мои поцелуи.

Поездка прошла спокойно, как и планировалось, но, честно говоря, я не удержалась и попробовала немного михидана⁶² в Бурдване. Будь ты там, ты бы отругал меня, но я не смогла воспротивиться искушению. Дамы в моем женском купе были очень дружелюбными. Мы играли в рамми, в «три-два-пять»⁶³ и мило болтали. Одна из них оказалась знакомой госпожи Пал, которую мы навещали в Дарджилинге. Ту, что была помолвлена с армейским капитаном, что погиб на войне. У меня с собой была колода карт, подаренная Варуном на последний день рождения. Она пришлась очень кстати в поездке. Каждый раз, когда я путешествую, я вспоминаю наши салонные дни с вашим папой. Пожалуйста, передай Варуну, что я его люблю, и скажи, чтобы он усердно учился, в добрых традициях своего отца.

Савита выглядит очень хорошо, а Пран – замечательный муж, если не считать его астму и чрезмерную заботу. Думаю, у него проблемы на факультете, но он не любит об этом говорить.

Ваш дедушка приходил вчера и мог бы дать ему врачебные рекомендации, но, к сожалению, дома была только я. Кстати, на следующей неделе день рождения твоей приемной бабушки, так что тебе стоит отправить ей открытку. Лучше поздно, чем никогда.

⁶² *Михидан* – сладкое блюдо из рисового порошка, муки и шафрана, смешиваемых с водой; смесь затем выливают через ковш-сито и жарят во фритюре, а мелкие частицы обжаренного теста затем вымачиваются в сахарном сиропе и высушиваются.

⁶³ *Рамми* – карточная игра, цель которой – как можно скорее избавиться от своих карт, составляя из них комбинации (аналог «пьяницы»). «*Три-два-пять*» – карточная игра наподобие бриджа, но с участием троих игроков вместо четырех.

У меня слегка побаливает ступня, но это ожидаемо. Муссоны начнутся здесь через два-три месяца, и тогда мои суставы будут ныть. К сожалению, Пран на свою зарплату преподавателя не может позволить себе машину, и транспортная ситуация не слишком хорошая. Я езжу туда-сюда на автобусе или тонге и иногда хожу. Как известно, неподалеку от дома находится Ганг, и Лата довольно часто там гуляет. Кажется, ей это нравится. Здесь безопасно, поскольку дхоби-гхат⁶⁴ находится прямо возле университета, хотя, конечно, обезьяны и здесь озорничают.

Оправила ли уже Минакши папины золотые медали? Хорошо бы одну повесить на шею, как кулон, а другую вставить в крышку шкатулки с кардамоном. Так можно будет прочитать, что написано на обеих сторонах медали.

Арун, дорогой мой, не сердись на меня за то, что я говорю, но я много думала о Лате в последнее время, и мне кажется, тебе стоит укрепить ее уверенность, которой ей не хватает, несмотря на ее отличную успеваемость. Она очень переживает по поводу твоих замечаний в ее адрес. Иногда даже я этого боюсь. Я знаю, ты не планируешь быть строгим, но она чувствительная девушка, и теперь, когда она достигла брачного возраста, она слишком ранимая. Я напишу Кальпане – дочери господина Гаура в Дели, – она всех знает и может помочь нам найти для Латы подходящую пару. Также я думаю, что пора и тебе подсобить нам в этом деле. Я видела, что ты очень занят работой, поэтому я редко говорила об этом, пока была в Калькутте, но много об этом думала. Юноша из хорошей семьи, пусть он будет и не кхатри, стал бы настоящим подарком судьбы. Теперь, когда учебный год в колледже почти закончен, у Латы наконец-то будет время. Возможно, у меня много недостатков, но я любящая мама, и я очень хочу увидеть, что все мои дети хорошо устроились. Скоро апрель, и я опасаюсь, что вновь буду очень одинока и подавлена в глубине души, поскольку этот месяц вернет воспоминания о болезни и смерти вашего отца, словно это произошло лишь вчера, а не восемь долгих, насыщенных лет назад. Я знаю, что в мире существуют тысячи людей, у которых гораздо больше причин страдать, но каждому человеческому существу свои страдания кажутся большими, а я все еще человек и не слишком возвысилась над обычными чувствами печали и разочарования. Хотя, поверь, я очень стараюсь преодолеть все это, и я (D. V.)⁶⁵ преодолею.

На этом месте на бланке закончилось, и госпожа Рупа Мера стала заполнять пустоты на лицевой стороне письма:

В любом случае места осталось мало, дорогой Арун, так что я закончу сейчас. Не переживай за меня, мой уровень сахара в крови в порядке, я уверена. Завтра утром по настоянию Прана сдам анализ в университетской клинике, и я была очень внимательна к своей диете, за исключением стакана очень сладкого нимбу-пани, когда вернулась уставшая после поездки.

И уже напоследок на неклеяком участке конверта она приписала:

⁶⁴ Дхоби-гхат – прачечная (хинди), обычно у реки под открытым небом.

⁶⁵ Deo Volente (лат.) – с Божьей помощью.

После того как напишу Кальпане, я разложу пасьянс картами Варуна. Очень-очень люблю вас с Варуном, шлю вам крепкие объятия и поцелуи моей маленькой милой Апарне и, конечно же, Минакши.

Ваша вечно любящая ма

Опасаясь, что чернила в ручке могут закончиться во время следующего письма, госпожа Рупа Мера открыла сумку и достала уже початую бутылку с чернилами. Смываемые синие чернила «Паркер Квинк Ройял» были тщательно отделены от остального содержимого сумки несколькими слоями тряпок и целлофана. Флакон клея, который она обычно с собой носила, однажды протек через неплотно закрытую резиновую пробку с катастрофическими последствиями, и с тех пор клей был выдворен из ее сумки, однако чернила до сих пор вызывали у нее лишь незначительные проблемы.

Госпожа Рупа Мера достала еще один бланк письма, решив, что экономить в данном случае не имеет смысла, и начала писать на хорошо подготовленной подкладке из батистовой бумаги кремового цвета:

Дорогая Кальпана!

Ты всегда была мне словно дочь, поэтому я буду честна с тобой. Тебе известно, насколько я беспокоилась о Лате весь прошлый год или около того. Как ты знаешь, с тех пор как ваш дядя Рагубир умер, мне пришлось нелегко во многом, и ваш отец, который был очень близок с вашим дядей в течение всей его жизни, очень хорошо относился ко мне и после его печальной кончины. Когда бы я ни приехала в Дели, что в последнее время происходит нечасто, я счастлива проводить время с тобой, несмотря на шакалов, что лают по ночам позади твоего дома, и с тех пор, как умерла твоя дражайшая мать, я чувствую себя твоей матерью. Пришло время устроить Лату получше, и я вынуждена изо всех сил искать подходящего юношу. Арун должен взять на себя определенную часть ответственности за этот вопрос, но ты же знаешь, как это бывает, он очень занят работой и семьей. Варун же слишком молод и к тому же очень ненадежен. Ты, моя дорогая Кальпана, на несколько лет старше Латы, и я надеюсь, что ты сможешь предложить пару кандидатов среди твоих старых друзей по колледжу или других людей в Дели. Может быть, в октябре, на Дивали⁶⁶, или в декабре, на праздники по случаю Рождества и Нового года, мы могли бы приехать с Латой в Дели, чтобы осмотреться? Я просто спрашиваю об этом. Скажи, пожалуйста, что ты думаешь на этот счет?

Как твой дорогой отец? Я пишу из Брахмпура, где живу у Савиты и Прана. Все хорошо, но уже слегка жарковато, и страшно представить, какими будут апрель, май и июнь. Жаль, что ты не смогла приехать на свадьбу, но я понимаю, что Пимми вырезали аппендицит. Я так волновалась, когда узнала, что ей было плохо. Надеюсь, что все уже позади. С моим здоровьем все в порядке, и уровень сахара в крови в норме. Я последовала твоему совету и купила новые очки, так что теперь могу писать и читать, не напрягаясь.

Пожалуйста, напиши по этому адресу как можно скорее. Я буду здесь весь март и апрель. Возможно, задержусь до мая, пока не будут объявлены отметки Латы за этот год.

С самыми добрыми чувствами,
всегда твоя ма (госпожа Рупа Мера)

⁶⁶ *Дивали* – главный индийский и индуистский праздник; отмечается как «Фестиваль огней», символизируя победу добра над злом, и в знак этой победы повсюду зажигаются свечи и фонарики.

Р. С. Лате иногда приходит в голову мысль о том, что она не выйдет замуж. Я надеюсь, что ты сможешь вылечить ее от подобных замыслов. Я знаю, как ты относишься к ранним бракам после того, что случилось с твоей помолвкой, но я также уверена, что лучше любить и терять, и т. д. Любовь – это не всегда лишь чистое благословение. Р. С. На Дивали нам было бы удобнее приехать, поскольку это вписывается в мой график путешествий, но любое время, которое ты укажешь, также подойдет.

С любовью, ма

Госпожа Рупа Мера перечитала письмо и взглянула на свою подпись. Она настаивала на том, чтобы все молодые люди называли ее «ма». Затем она аккуратно сложила его пополам и запечатала в подходящий по размеру конверт. Выудив из сумки марку, она задумчиво лизнула ее, наклеила на конверт и по памяти написала адрес Кальпаны и адрес Прана на обороте. Затем, прикрыв глаза, она на несколько минут неподвижно замерла. В воздухе висело послеполуденное тепло. Спустя некоторое время она достала из сумки игральные карты. Когда Мансур вернулся, чтобы забрать чай и отчитаться, то обнаружил, что бурри-мемсахиб задремала над пасьянсом.

1.15

«Имперский книжный развал» – один из двух лучших книжных магазинов города – располагался на Набигандже – фешенебельной улице, являющейся последним оплотом современности, за которым следовали лабиринты переулков и древних, захламленных кварталов Старого Брахмпура. Несмотря на то что магазин находился в паре миль от университета, поклонников среди студентов и преподавателей у него было больше, чем у «Союзного» и «Университетского» книжных, вместе взятых, построенных к тому же всего в двух минутах ходьбы от кампуса. «Имперским книжным развалом» заправляли двое братьев – Яшвант и Балвант. Оба почти не понимали английского, но (несмотря на сытую округлость их фигур) были настолько предприимчивыми и энергичными, что их малограмотность почти не играла роли. У братьев был лучший товар в городе, и они всегда стремились помочь клиенту. Если книги в магазине не оказывалось, они просили покупателя самостоятельно записать нужное название в бланк заказа. Дважды в неделю бедным студентам университета платили за сортировку новых поступлений по нужным полкам. Поскольку книжный магазин славился учебной литературой так же, как и обыкновенной, владельцы не стеснялись затаскивать преподавателей, пришедших взглянуть на книги, и усаживать их за чашку чая и списки издательств, упростав отметить названия, которые, по их мнению, книжный магазин должен рассмотреть для возможного заказа. Эти преподаватели были рады убедиться, что необходимые для их курсов книги будут доступны для студентов. Многие из них возмущались вялостью, равнодушием и своеобразием «Университетского» и «Союзного» книжных магазинов.

После занятий Лата и Малати, обе простенько одетые в обычные шальвар-камизы, пошли на Набигандж, чтобы побродить, выпить чашечку кофе в кофейне «Голубой Дунай». Это занятие, известное среди студентов под названием «ганжинг»⁶⁷, они могли себе позволить раз в неделю. Когда они проходили мимо «Имперского книжного развала», их затянуло внутрь, словно магнитом. Каждая из них направилась к своим любимым жанрам. Малати остановилась у полок с романами, а Лата устремилась к поэзии. Однако по пути она задержалась у полок с научными исследованиями. Не потому, что она хорошо разбиралась в них, а, скорее, наоборот, – потому, что совершенно в них не смыслила. Всякий раз, открывая научную

⁶⁷ *Ганжинг* – аналог «шоппинга» у индийских студентов.

книгу и видя целые абзацы непонятных слов, она испытывала удивление от того, насколько огромны масштабы образования, находящегося за пределами ее понимания. Столько благородных, целенаправленных попыток сделать понятнее все сущее. Ей нравилось это ощущение серьезности. И сегодня она чувствовала себя серьезной как никогда. Она наугад взяла книгу и прочла первый попавшийся абзац:

...Из формулы Муавра⁶⁸ следует, что $z^n = r^n (\cos n + i \sin n)$. Таким образом, если комплексное число «z» описывает круг радиусом «r» вокруг начала координат, «zⁿ» опишет ровно «n» раз круг с радиусом «rⁿ», подобно тому как «z» описывает круг один раз. Стоит помнить также, что «r» – модуль «z», записываемый как |z|, – дает расстояние от точки «z» до начала координат и что если $z' = x' + iy'$, тогда $|z - z'|$ – расстояние между z и z'. Теперь можно перейти к доказательству теоремы...

Что именно ей нравилось в этих предложениях, она не знала, но они внушали ощущение весомости, комфорта, неизбежности.

Мысли Латы невольно обратились к Варуну и его математическим исследованиям. Она надеялась, что ее слова, сказанные на следующий день после свадьбы, пошли ему на пользу. Надо бы писать ему почаще, чтобы укрепить его храбрость, однако с приближением экзаменов у нее оставалось очень мало времени для чего-либо еще. Она пошла на ганджинг только потому, что ее уговорила Малати, у которой времени было еще меньше.

Лата с серьезным лицом снова перечитала абзац. «Следует также помнить» и «теперь можно перейти» устанавливали между ней и автором этих истин и тайн незримую связь. Все эти слова были уверенными и – посему – обнадеживающими: дела обстоят именно так, даже в этом неопределенном мире, и от этих слов можно отталкиваться и двигаться дальше.

Она улыбнулась самой себе, не обращая внимания на окружение. Все еще держа в руках книгу, она подняла взгляд. И вот молодой человек, стоявший неподалеку, попал в ауру ее улыбки. Он был приятно ошеломлен и улыбнулся ей в ответ. Лата нахмурилась и взглянула на страницы вновь. Но она уже не могла сосредоточиться и через несколько мгновений поставила книгу на полку и направилась в раздел «Поэзия».

Что бы Лата ни думала о самой любви, она тепло относилась к любовной поэзии. «Мод» было одним из самых любимых ее стихотворений. Она принялась листать том Теннисона⁶⁹.

Высокий молодой человек со слегка вьющимися черными волосами и приятным, как отметила Лата, почти орлиным профилем, кажется, интересовался поэзией наравне с математикой, поскольку пару минут спустя Лата увидела, что он переместил свое внимание к полкам с поэзией и предался просмотру антологий. Время от времени она чувствовала на себе его взгляд. Это раздражало ее, и она старалась не поднимать глаз. Когда же она все-таки не выдержала, то невинно подметила, как он погружен в чтение. Любопытство взяло верх, и Лата посмотрела на обложку его книги. Это был сборник «Современная поэзия» издательства «Пингвин». Он поднял взгляд и поймал ее с поличным. Прежде чем она успела вновь отвернуться, он сказал:

- Неожиданно, когда кто-то интересуется сразу и поэзией, и математикой.
- Вот как? – строго сказала она.
- Курант и Роббинс⁷⁰ – блестящая работа.
- А? – удивилась Лата.

⁶⁸ *Муавр*, Абрахам де (1667–1754) – английский математик французского происхождения.

⁶⁹ *Теннисон*, Альфред (1809–1892) – английский поэт, наиболее отчетливо выразивший воззрения и надежды Викторианской эпохи.

⁷⁰ Классическая популярная книга «Что такое математика? (Элементарный очерк идей и методов)», написанная Рихардом Курантом и Гербертом Роббинсом и впервые выпущенная в 1941 г.

Затем она поняла, что молодой человек имел в виду ту книгу по математике, которую она наугад сняла с полки.

– Неужели? – отрезала она, желая завершить разговор.

Но молодой человек был настроен продолжить беседу.

– Так говорит мой отец, – продолжил он. – Не как текст сам по себе, а как широкое введение в разные, так сказать, грани предмета. Он преподает математику в университете.

Лата огляделась, чтобы проверить, не слушает ли их Малати. Но Малати была полна решимости осмотреть переднюю часть магазина. Больше никто не подслушивал, народу в магазине в это время года – или в это время суток – было мало.

– На самом деле мне неинтересна математика, – решительно сказала Лата.

Молодой человек казался несколько подавленным, прежде чем радостно признаться:

– Вы знаете, мне тоже. Я изучаю историю.

Лату поражала его решительность, и, глядя на него в упор, она сказала:

– Мне нужно идти. Меня подруга ждет.

Впрочем, говоря это, она не могла не заметить, насколько чувствительным, даже ранимым выглядел этот молодой человек с волнистыми волосами. Это как будто противоречило той решительности и смелости, с которой он заговорил с незнакомой девушкой, даже не представившись.

– Прошу прощения, полагаю, я вас побеспокоил? – извинился он, словно прочитав ее мысли.

– Нет, – сказала Лата.

Она собиралась пойти к выходу из магазина, когда он с нервной улыбкой быстро добавил:

– В таком случае могу я узнать ваше имя?

– Лата, – коротко ответила она, хоть и не понимала, о каком «таком случае» идет речь.

– Разве вам не хотелось бы узнать мое? – спросил парень с дружелюбной улыбкой.

– Нет, – довольно мягко сказала Лата и присоединилась к Малати, держащей в руках несколько романов в мягкой обложке.

– Кто это? – заговорщицки прошептала она.

– Кто-то, – сказала Лата, чуть тревожно оглянувшись. – Понятия не имею. Он просто подошел и начал разговор. Ладно, не важно, давай скорее, а? Я есть хочу, и пить тоже. Здесь жарко.

Мужчина за стойкой смотрел на Лату и Малати с энергичным дружелюбием, которым он одаривал постоянных клиентов. Ковыряясь мизинцем в ухе, он покачал головой и с укоряющей доброжелательностью обратился к Малати на хинди:

– Скоро экзамены, Малатиджи, а ты все покупаешь романы? Двенадцать анн⁷¹ плюс одна рупия и четыре анны, итого две рупии. Мне не стоит поощрять это, вы мне словно дочери.

– Балвантджи, если бы мы не покупали у тебя романы, ваш бизнес потерпел бы крах. Мы жертвуем результатами наших экзаменов во имя вашего процветания, – сказала Малати.

– Я ничем не жертвую, – сказала Лата. Молодой парень, должно быть, скрылся за книжными полками, поскольку она нигде не видела его.

– Хорошая девочка. Молодчинка, – сказал Балвант, возможно подразумевая обеих девушек.

– Собственно, мы планировали выпить кофе, а в твой магазин зашли случайно, – сказала Малати. – Поэтому я не захватила... – Она оборвала предложение, не закончив, и победно улыбнулась Балванту.

– Нет-нет, это не срочно, ты можешь отдать позже, – сказал Балвант.

⁷¹ *Анна* – разменная индийская колониальная монета, равная $\frac{1}{16}$ рупии.

Он и его брат предоставляли многим студентам льготный кредит. На вопрос, не вредит ли это бизнесу, они отвечали, что никогда не теряли денег, доверившись тем, кто покупал книги. И конечно, дела у них шли очень хорошо. Они напоминали Лате священников богатого храма, и то, как братья почитали книги, как поклонялись им, только усиливало это ощущение.

– Так как ты внезапно проголодалась, мы пойдем прямо в «Голубой Дунай», – решительно заявила Малати, когда они вышли из магазина. – И вот там-то ты мне и расскажешь, что именно происходило между этим кэдом и тобой!

– Ничего, – ответила Лата.

– Ха! – снисходительно произнесла Малати. – Так о чем вы тогда разговаривали?

– Ни о чем, – сказала Лата. – Серьезно, Малати, он просто подошел и начал болтать о какой-то ерунде, а я или ничего не говорила, или отвечала коротко. Не поливай соусом чили вареный картофель.

Они продолжали идти по Набиганджу.

– Довольно рослый, – спустя пару минут заметила Малати.

Лата промолчала.

– Не очень темный, – продолжила она. Лата подумала, что и на это не стоит отвечать. «Темный», насколько она понимала, в романах обычно относилось к цвету волос, а не кожи. – Но очень красивый.

Лата скривилась, глядя на подругу, но, к своему собственному удивлению, с удовольствием слушая описание.

– Как его зовут? – продолжила Малати.

– Не знаю, – сказала Лата, глядя на свое отражение в стеклянной витрине обувного магазина. Малати поразила Латиной никчемности.

– Вы с ним болтали минут пятнадцать, а ты даже не знаешь его имени?

– Мы не разговаривали пятнадцать минут, – снова сказала Лата. – Я вообще почти ничего не говорила. Если тебе так интересно, можешь вернуться в «Имперский книжный развал» и спросить его! Как и ты, он не испытывает неловкости, заговаривая с посторонними.

– Так он тебе не нравится?

Лата помолчала, а затем сказала:

– Нет. У меня нет никаких причин симпатизировать ему.

– Знаешь, мужчинам непросто с нами разговаривать, – сказала Малати. – Нам не стоит быть с ними слишком жестокими.

– Надо же, невиданное дело! Малати защищает слабый пол! – воскликнула Лата.

– Не меняй тему, – сказала Малати. – Он не показался мне наглцом. Уж я-то знаю, поверь моему опыту.

Лата покраснела.

– Кажется, ему было легко заговорить со мной, – сказала она. – Как будто я из тех девушек, с которыми...

– С которыми что?

– С которыми можно поболтать, – неуверенно закончила девушка. Она постаралась избавиться от возникшего перед глазами образа недовольной матери.

– Что ж, – сказала Малати чуть тише обыкновенного, когда они зашли в «Голубой Дунай», – он и вправду красавец.

Они сели.

– С красивыми волосами, – продолжала она, изучая меню.

– Давай сделаем заказ? – попросила Лата.

Казалось, Малати влюбилась в слово «красивый». Они заказали кофе и выпечку.

– И красивыми глазами, – спустя пять минут сказала Малати, смеясь над показным безразличием Латы.

Лата вспомнила, как нервничал этот парень, стоило ей взглянуть прямо на него.

– Да, – согласилась она. – И что с того? У меня тоже красивые глаза, и одной пары глаз мне достаточно.

1.16

Пока его теща развлекалась, раскладывая пасьянс, а свояченица отвечала на уклончивые вопросы Малати, доктор Пран Капур, первоклассный муж и зять, разобрался с ведомственными проблемами, не обременяя ими свою семью.

Пран, будучи в целом спокойным и добрым человеком, смотрел сейчас на заведующего кафедрой английского языка и литературы с почти болезненной ненавистью. Профессор О. П. Мишра – громадная, блеклая, сальная туша – был политиком и манипулятором до мозга костей. Четверо членов программной комиссии кафедры английского языка сидели за овальным столом в преподавательской. Стоял необычайно теплый день. Единственное окно было распахнуто, открывая вид на пыльный бобовник, но ветра не было. Все чувствовали себя неуютно, а профессор Мишра потел обильными каплями, которые собирались на лбу и стекали на его тонкие брови и крылья его мясистого носа. Приязненно поджав губы, он добродушно произнес высоким голосом:

– Доктор Капур, ваша идея вполне понятна, однако, я думаю, нам нужна бо́льшая убедительность...

Дело касалось включения Джеймса Джойса⁷² в программу по современной британской литературе. Вот уже два семестра Пран Капур настаивал на этом – с тех пор, как его назначили членом комиссии, – и наконец комиссия согласилась рассмотреть это предложение.

Казалось бы, почему Прану так сильно не нравился профессор Мишра? Хоть Пран и был зачислен на должность лектора пять лет назад под руководством своего предшественника, профессор Мишра, как старший из сотрудников кафедры, обладал правом голоса при найме Прана. Когда Пран впервые пришел на кафедру, профессор Мишра всячески его обхаживал и даже пригласил к себе домой на чай. И госпожа Мишра – маленькая, хлопотливая, взволнованная женщина – понравилась Прану. Но, несмотря на добродушие профессора Мишры, его фальстафовское телосложение и очаровательность, Пран заметил нечто тревожное – профессорская жена и двое маленьких сыновей определенно боялись главу семейства.

Пран никогда не мог постичь, почему люди так любят власть, но он принимал это как жизненный факт. Его собственный отец, к примеру, очень этим увлекался – его удовольствие от самого пребывания у власти превосходило удовольствие от возможности реализовать свои идеологические принципы. Махешу Капуру нравилось быть министром по налогам и сборам, и он, вероятно, с радостью стал бы главным министром Пурва-Прадеш или же занял бы какой-нибудь пост в кабинете премьер-министра Неру⁷³ в Дели. Головные боли, переутомление, ответственность, отсутствие контроля над своим временем, полная невозможность смотреть на мир с позиции обывателя – все это не имело для отца большого значения. Может, справедливо было сказать, что Махеш Капур достаточно долго смотрел на мир из спокойного наблюдательного пункта своей камеры в тюрьме Британской Индии и теперь нуждался в том, что, собственно, и обрел, – в чрезвычайно активной руководящей роли. Отец и сын словно разделили между собой второй и третий этапы индуистского образа жизни – отец погряз в мирской суете, сын же стремился к отрешенной от мира, философской, аскетичной жизни.

⁷² *Джеймс Джойс* (1882–1941) – англо-ирландский писатель, классик международного модернизма.

⁷³ *Неру*, Джавахарлал (1889–1964) – один из лидеров левого крыла индийского национально-освободительного движения и партии Индийский национальный конгресс, ставший первым премьер-министром Индии после обретения страной независимости 15 августа 1947 г.

Пран тем не менее, нравилось ему или нет, по сути был тем, кого священные книги величают домохозяином. Ему нравилось общество Савиты, он купался в ее тепле, заботе и красоте. И с нетерпением ждал рождения своего ребенка. Он был твердо намерен не зависеть от отца в финансовом плане, хотя небольшой зарплаты преподавателя кафедры – двухсот рупий в месяц – едва хватало на «спокойную жизнь», как он говорил сам себе в минуты особого цинизма. Но он подал заявку на должность доцента, открывшуюся недавно на факультете. Зарплата на этой должности была не такой мизерной, и с точки зрения академической иерархии это был бы шаг вперед. Пусть Прана и не волновал его статус, но он понимал, что это спасло бы положение. У него имелись определенные чаяния, и должность доцента могла ему в этом помочь. Он считал, что заслужил эту работу, но также узнал, что его заслуги были лишь одним из критериев.

Повторяющиеся приступы астмы, мучившие Прана с детства, вынуждали его сохранять спокойствие. Волнение нарушало его дыхание, причиняло ему боль и делало недееспособным, потому он старался не поддаваться своей природной возбудимости. Простая логика, но сам путь к этому был нелегким. Он учился терпению и медленно, но верно обрел его. Но профессор О. П. Мишра выводил его из себя до такой степени, что Пран просто не мог предвидеть последствий.

– Профессор Мишра, – сказал Пран, – я рад, что комиссия решила рассмотреть это предложение, и я также рад, что оно указано вторым пунктом в нынешней повестке дня и наконец наступил момент обсуждения. Мой главный довод весьма прост. Вы читали мою заметку по этой теме, – кивнул он доктору Гупте и доктору Нараянану, – и, я уверен, вы поймете: в моем предложении нет ничего радикального. – Он взглянул на бледно-синий шрифт напечатанных под копирку листов перед ним. – Как видите, у нас двадцать один писатель, произведения которых мы считаем важными для чтения студентами нашего бакалавриата, чтобы у них сложилось верное представление о современной британской литературе. Но среди них нет Джойса. И, могу также добавить, Лоуренса⁷⁴. Эти два писателя...

– Разве не лучше, – прервал его профессор Мишра, смахивая ресницу в углу глаза, – разве не лучше нам в данный момент сосредоточиться на Джойсе? Мы поговорим о Лоуренсе на нашем заседании в следующем месяце, перед выходом на летние каникулы.

– Эти два вопроса, несомненно, взаимосвязаны, – сказал Пран, оглядывая стол в поисках поддержки.

Доктор Нараянан собирался было что-то сказать, когда профессор Мишра произнес:

– Не в этот раз, доктор Капур, не в этот раз. – Он сладко улыбнулся Прану, и его глаза блеснули. Затем он положил огромные бледные руки на стол и сказал: – Но о чем вы говорили, когда я так грубо прервал вас?

Пран взглянул на широкие бледные руки, под стать всей массе округлого тела профессора Мишры, и подумал: «Быть может, я и выгляжу худощавым и подтянутым, однако я не обладаю выносливостью этого пузатого, бледного, грузного человека. Если я хочу добиться своей цели, я должен оставаться спокойным и собранным».

Он улыбнулся и сказал:

– Джойс – великий писатель. Это общепризнанный факт. Он, к примеру, весьма активно изучается в Америке. Думаю, его следует включить и в нашу программу.

– Доктор Капур, – ответил высокий голос, – необходимо мнение всех сторон во вселенной, чтобы признать что-то универсальным. Мы в Индии гордимся своей независимостью – независимостью, завоеванной огромной ценой, поколениями лучших людей. Это факт, который я не должен объяснять выдающемуся сыну еще более выдающегося отца. Нам стоит задуматься

⁷⁴ Лоуренс, Дэвид Герберт (1885–1930) – английский писатель, один из самых известных романистов начала XX в., автор таких книг, как «Сыновья и любовники» (1913), «Радуга» (1915), «Влюбленные женщины» (1920), «Любовник леди Чаттерли» (1928) и др.

матся, прежде чем слепо позволить себе ставить в приоритет американские трактаты. Что скажете, доктор Нараянан?

Доктор Нараянан, который был приверженцем романтического возрождения, казалось, заглянул вглубь собственной души.

– Это хороший вопрос, – осмотрительно заметил он, тряхнув головой для пущей важности.

– Если мы не шествуем следом за нашими соратниками, – продолжил профессор Мишра, – возможно, это потому, что мы слышим бой иных барабанов⁷⁵. Танцуем под музыку, что звучит здесь, в Индии, если цитировать американцев, – добавил он.

Пран взглянул на стол и тихо сказал:

– Я говорю, что Джойс великий писатель, потому что я так считаю, а вовсе не потому, что так говорят американцы.

Он вспомнил свое первое знакомство с Джойсом – друг одолжил ему «Улисса» за месяц до устного экзамена в докторантуре в Аллахабадском университете. И он в результате до такой степени увлекся чтением, напрочь позабыв о предмете, что серьезно рискнул своей академической карьерой.

Доктор Нараянан посмотрел на него и вдруг выступил с неожиданной поддержкой.

– «Мертвые», – сказал доктор Нараянан. – Превосходная повесть. Я дважды прочитал ее.

Пран взглянул на него с благодарностью. Профессор Мишра почти одобрительно уставился на маленькую лысую голову доктора Нараянана.

– Очень, очень хорошо, – сказал он, словно поощряя маленького ребенка. Но его голос звучал довольно пронзительно. – У Джойса есть кое-что помимо «Мертвых». Есть «Улисс», которого невозможно читать, и еще менее читабельные «Поминки по Финнегану». Такая писанина вредна для умов наших студентов. Это поощряет их небрежность и безграмотность. И что насчет финала «Улисса»? Есть молодые впечатлительные женщины, которых на наших курсах мы обязаны знакомить с высшими вещами в этой жизни, доктор Капур. Вот, к примеру, ваша очаровательная свояченица. Вы бы дали книгу вроде «Улисса» ей в руки? – мягко улыбнулся профессор Мишра.

– Да, – просто ответил Пран.

Доктор Нараянан выглядел заинтересованным. Доктор Гупта, в основном интересующийся англосаксонской и среднеанглийской литературой, разглядывал собственные ногти.

– Отрадно встретить молодого человека – молодого преподавателя, – профессор посмотрел на прилежного читателя доктора Гупту, – способного, скажем так, настолько прямо выражать свое мнение и быть готовым поделиться им со своими коллегами, пусть даже и намного старше его по возрасту. Это трогательно. Мы можем и не соглашаться с ним, однако Индия – это демократия, и каждый вправе высказывать свое суждение... – Он на несколько мгновений остановился, взглянув на пыльный бобовник в окне. – Демократия. Да. Но даже демократы стоят перед трудным выбором. К примеру, руководить факультетом может лишь один человек. Когда пост освобождается, из достойных кандидатов выбирается только один. Нам уже сложно изучить двадцать одного писателя за то время, которое мы уделяем всем этим бумагам. Если включить Джойса, что тогда стоит убрать из программы?

– Флеккера, – без минутного колебания ответил Пран.

Профессор Мишра снисходительно рассмеялся:

– Ох, доктор Капур, доктор Капур... – Он нараспев процитировал:

Не проходи под ними, караван, или пройди без песни и молвы. Слыхали ль вы тот слабый свист в тиши, где птицы все мертвы?

⁷⁵ Ср.: «Если человек не шагает в ногу со своими спутниками, может быть, это оттого, что ему слышны звуки иного марша» (Г. Д. Торо. Уолден, или Жизнь в лесу. Перев. З. Александровой).

– Джеймс Элрой Флеккер, Джеймс Элрой Флеккер...⁷⁶ – Эта мысль словно засела у него в голове.

Лицо Прана стало совершенно непроницаемым. Он думал: действительно ли он верит? Действительно ли он верит в то, что подразумевает? А вслух сказал:

– Если Флетчер... то есть Флеккер обязателен, я предлагаю включить Джойса в программу в качестве нашего двадцать второго писателя. Я с удовольствием поставлю этот вопрос на голосование.

Разумеется, Пран считал, что с позорным отказом от Джойса (а это совсем не то же самое, что отложить решение касательно него в долгий ящик) программная комиссия едва ли была готова столкнуться лицом к лицу.

– Ах, доктор Капур, вы злитесь. Не стоит кипятиться. Вы хотите надавить на нас, – игриво сказал профессор Мишра. Он опустил ладони на стол, демонстрируя собственную беспомощность. – Мы ведь не соглашались решить это сегодня. Лишь собрались, чтобы решить, стоит ли решать этот вопрос.

Для Прана в его теперешнем настроении это было уже чересчур, хотя он и знал, что это правда.

– Прошу понять меня правильно, профессор Мишра, – сказал он, – этот аргумент должен быть использован теми из нас, кто плохо разбирается в более тонких формах парламентских игр. Это лишь разновидность придирок.

– Разновидность придирок... разновидность придирок...

Профессор Мишра пришел в восторг, тогда как его коллег потрясла строптивость Прана. (Прану подумалось, что это действие напоминает игру в бридж с двумя «болванами».) Профессор Мишра продолжил:

– Я велю принести кофе, а мы соберемся и рассмотрим эти вопросы спокойно, как и следует.

При упоминании кофе доктор Нараянан оживился. Профессор Мишра хлопнул в ладоши, и вошел тощий прислужник в поношенном зеленом одеянии.

– Кофе готов? – спросил профессор Мишра на хинди.

– Да, сахиб.

– Хорошо.

Профессор Мишра сделал знак, что пора подавать.

Прислужник внес поднос с кофейником, небольшой кувшин горячего молока, мисочку с сахаром и четыре чашки. Профессор Мишра указал, что в первую очередь он должен обслужить другим. Прислужник привычно так и сделал, а затем предложил кофе и профессору. Пока профессор Мишра наливал напиток в свою чашку, прислужник почтительно отступил с подносом назад. Профессор захотел поставить кофейник, и прислужник тут же выдвинул поднос вперед, а затем, когда профессор стал наливать себе молоко в кофе, вновь убрал поднос. Так же он поступал на каждой из трех ложек сахара, которые профессор клал в чашку. Это было похоже на комический балет. Было бы просто смешно, как подумалось Прану, если бы подобное неприкрытое подобиострастие слуги по отношению к заведующему кафедрой проявлялось где-нибудь на другом факультете, в другом университете. Но это был факультет английского языка в университете Брахмпуре – и именно от этого человека зависела судьба его заявки на должность доцента, которую Пран так хотел получить и в которой так нуждался.

«Почему тот самый человек, которого я считал веселым, шутливым, открытым и очаровательным в первом семестре, превратился в моем воображении в карикатурного злодея? – думал Пран, глядя в свою чашку. – Он ненавидит меня? Нет, его сила в том, что он просто без-

⁷⁶ Джеймс Элрой Флеккер (1884–1915) – английский поэт, писатель и драматург. Как поэт особо был вдохновлен Парнасской школой. Автор популярной поэмы «Хасан... Золотое путешествие в Самарканд».

действует. Он хочет поступать по-своему. В эффективной политике ненависть просто бесполезна. Для него все это словно игра в шахматы на слегка трясущейся доске. Профессору пятьдесят восемь – до выхода на пенсию у него еще два года. Как я смогу так долго терпеть его?»

Внезапная жажда убийства охватила Прана, который никогда не испытывал подобной кровожадности, и он ощутил, что его руки слегка дрожат.

«И все это из-за Джойса! – сказал он про себя. – По крайней мере, у меня не случилось приступа астмы». Пран взглянул в блокнот, где он, будучи младшим членом комиссии, вел протокол заседаний. Там было написано:

Присутствующие: профессор О. П. Мишра (председатель), доктор Р. Б. Гупта, доктор Т. Р. Нараянан, доктор П. Капур.

1. Зачитан и утвержден протокол последнего собрания.

«Мы ни к чему не пришли и не придем», – подумал он. Несколько известных строк из Тагора⁷⁷ в его собственном переводе на английский пришли Прану на ум:

Там, где кристальный поток разума не утерял
русла в унылой пустыне мертвых традиций;
где ум, вдохновленный Тобою, спешит к горизонту —
мыслью и делом к небу Свободы,
Отец наш, дай моей родине повторить этот путь!

По крайней мере, как считал Пран, отец привил ему принципы, даже если в детстве он почти не уделял сыну времени. Его мысли возвращались домой – в маленький белый домик, к Савите, ее сестре, ее матери – семье, которую он принял всем сердцем и которая впустила его в свои сердца, – а затем к протекающему неподалеку от дома Гангу (когда он думал на английском, для него это был Ганг, а не Ганга), вниз по течению до Патны⁷⁸ и Калькутты, затем вверх по течению, мимо Варанаси, до самой дельты у Аллахабада⁷⁹, где он выбрал Ямуну⁸⁰ и последовал в Дели.

«Неужели в столице такое же узкое мышление? – подумал он. – Такое же злое, подлое, глупое и косное? Не могу же я прожить в Брахмпуре всю жизнь. И профессор Мишра даст мне отличные рекомендации, лишь бы избавиться от меня».

1.17

Однако сейчас доктор Гупта смеялся над замечанием доктора Нараянана, и профессор Мишра говорил:

– Консенсус. Консенсус – это цель. Цивилизованная цель. Как мы можем голосовать – а вдруг наши голоса разделятся два против двух? Пандавов⁸¹ было пять, и они могли проголосовать, если хотели, но даже им требовалось достичь соглашения. Они даже жену брали по общему соглашению, ха-ха-ха! И доктор Варма, как всегда, болен, так что нас всего четверо.

⁷⁷ Тагор, Рабиндранат (1861–1941) – индийский писатель, поэт, композитор, художник, общественный деятель. Его творчество сформировало литературу и музыку Бенгалии. Первым среди неевропейцев был удостоен Нобелевской премии по литературе (1913). Переводы его поэзии рассматривались как духовная литература и вместе с его харизмой создали образ Тагора-пророка на Западе.

⁷⁸ Патна – город в северной части Индии, порт на реке Ганг, административный центр штата Бихар.

⁷⁹ Аллахабад (Праяградж с 2018 г.) – город в Индии в штате Уттар-Прадеш, у слияния рек Ганг и Ямуна.

⁸⁰ Ямуна (Джамна) – река в Индии общей протяженностью 1376 км. Является самым длинным и многоводным притоком Ганга.

⁸¹ Пандавы («потомки Панду») – герои индуистского эпоса «Махабхарата», воины-братья, сыновья царя Панду, правившего в Хастинапуре, и его двух жен – Кунти и Мадри: Юдхистхира, Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева (близнецы).

Пран с невольным восхищением взглянул на мерцающие глаза, большой нос и сладко поджатые губы. Устав университета требовал, чтобы комиссии, утверждающие программы, как и другие ведомственные комиссии, состояли из нечетного количества участников. Но профессор Мишра, как заведующий кафедрой, назначил членов каждой комиссии в пределах его компетенции таким образом, чтобы в каждую вошел кто-то, кто по состоянию здоровья или из-за исследований мог бы часто отсутствовать. При четном количестве присутствующих членов комиссии при всем желании не могли добиться чего-либо голосованием. И руководитель, с его контролем над повесткой дня и темпом обсуждения мог в подобной ситуации сконцентрировать в своих руках еще более действенную власть.

– Я думаю, что мы уже потратили достаточно времени на второй пункт, – сказал профессор Мишра. – Перейдем к хиазму⁸² и анаколуфу?⁸³ – Он ссылаясь на выдвинутое им самим предложение об устранении слишком подробного изучения традиционных фигур речи для работ по теории литературы и критики. – И тогда возникает вопрос касательно вспомогательных аналогий, предложенных младшим членом комиссии. Хотя, конечно, это будет зависеть от того, согласятся ли с нашими предложениями другие ведомства. И наконец, поскольку уже темнеет, – продолжал профессор Мишра, – я думаю, нам следует закончить собрание без ущерба для пунктов пять, шесть и семь. Мы можем рассмотреть эти пункты в следующем месяце.

Но Пран не хотел, чтобы его отговаривали от продолжения обсуждения нерешенных вопросов касательно Джойса.

– Я думаю, мы собрались, – сказал он, – и можем подойти к обсуждаемому вопросу достаточно спокойно. Если я соглашусь с тем, что «Улисс» может быть немного сложным для студентов-бакалавров, согласится ли комиссия включить «Дублинцев» в программу в качестве первого шага? Доктор Гупта, что вы думаете?

Доктор Гупта, рассматривал медленно вращающийся вентилятор. Его возможность получить приглашенных лекторов по староанглийскому и среднеанглийскому периоду на факультетский семинар зависела от доброй воли профессора Мишры: сторонние преподаватели влекли за собой непредвиденные расходы, и эти расходы должен был одобрить руководитель кафедры.

Доктор Гупта также знал, как и все, *что* подразумевалось под «первым шагом». Он взглянул на Прана и сказал:

– Я бы хотел...

Но его слова мгновенно прервали, что бы они в итоге ни означали.

– Мы забываем, – вмешался профессор Мишра, – то, что, признаюсь, даже у меня вылетело из головы во время нашей дискуссии. Я имею в виду, что по традиции курс современной британской литературы не должен включать писателей, которые жили во время Второй мировой войны.

Это стало новостью для Прана – он, должно быть, выглядел настолько удивленным, что профессор Мишра ощутил необходимость объяснить:

– Это вовсе не повод изумляться. Нам нужна объективная дистанция во времени, чтобы оценивать статус современных писателей, как бы включая их в наши каноны. Напомните мне, доктор Капур... когда умер Джойс?

– В тысяча девятьсот сорок первом году, – резко сказал Пран. Было ясно, что огромному белому киту это прекрасно известно.

⁸² *Хиазм* – риторическая фигура, заключающаяся в крестообразном изменении последовательности элементов в двух параллельных рядах слов.

⁸³ *Анаколуф* – отсутствие связности, логичности в выводах и построении речи, риторическая фигура, солецизм, состоящая в неправильном грамматическом согласовании слов в предложении, допущенная по недосмотру или как стилистический прием.

– Итак, что и требовалось доказать, – беспомощно сказал профессор Мишра. Его палец двинулся вниз по списку.

– Элиот, конечно, все еще жив, – тихо прибавил Пран, глядя на список предписанных авторов.

Заведующий кафедрой выглядел так, словно его ударили по лицу. Он слегка приоткрыл рот, затем поджал губы. Его глаза весело блеснули.

– Ну Элиот, Элиот – разумеется. У нас есть объективные критерии, которым он соответствует... ведь даже доктор Льюис...

«Профессор Мишра явно слышит бой иных барабанов, нежели американцы», – подумал Пран. А вслух заметил:

– Доктор Льюис, как мы знаем, также очень одобряет и Лоуренса...

– Мы решили обсудить Лоуренса в следующий раз, – возмутился профессор Мишра.

Пран взглянул в окно. На улице темнело, и листья бобовника теперь казались не пыльными, а холодными. Он продолжил, не глядя на профессора Мишру:

– ...и, кроме того, Джойс в большей мере британский писатель в современной британской литературе, чем Элиот. Итак, если мы...

– Это, мой юный друг, если можно так выразиться, – вставил профессор Мишра, – тоже может считаться разновидностью придирок.

Он быстро оправлялся от потрясения. Через минуту он уже будет цитировать «Пруфрока»⁸⁴.

«Что такого в Элиоте, – совершенно некстати подумал Пран, отвлекаясь от темы, – что делает его священной коровой для нас, индийских интеллектуалов?»

Вслух же он сказал:

– Будем надеяться, что у Т. С. Элиота впереди еще годы продуктивной жизни. Я очень рад, что, в отличие от Джойса, он не умер в тысяча девятьсот сорок первом году. Но у нас на дворе год тысяча девятьсот пятьдесят первый, а это означает, что упомянутое вами доведенное правило, даже если оно – традиция, не может быть слишком древней традицией. Если мы не можем с ним покончить, почему бы не обновить его? Несомненно, цель этого правила состоит в том, чтобы мы почитали мертвых на земле живых. Или, выражаясь точнее, ценить мертвых больше живых. От живущего Элиота не отказались, потому я предлагаю подарить место Джойсу. Дружественный компромисс. – Пран сделал паузу, а затем добавил: – Как бы там ни было, – он улыбнулся, – доктор Нараянан, вы за «Мертвых»?⁸⁵

– Полагаю, что да, – ответил доктор Нараянан с едва заметной улыбкой, прежде чем профессор Мишра успел прервать.

– Доктор Гупта? – спросил Пран.

Тот не смог взглянуть профессору Мишре в глаза.

– Я согласен с доктором Нараянаном, – сказал профессор Гупта.

На несколько секунд воцарилась тишина.

«Поверить не могу! – воскликнул про себя Пран. – Я победил. Я победил! Просто не верится!»

И в самом деле, похоже, что так оно и было. Всем было известно, что одобрение ученым советом университета не более чем формальность, если комиссия решила вопрос с учебной программой.

Как ни в чем не бывало заведующий кафедрой снова взял на себя контроль над собранием. Огромные, мягкие руки пробежались по цикличной писанине.

⁸⁴ «Любовная песня Дж. Альфреда Пруфрока» (1915) – первое профессионально опубликованное стихотворение британского поэта американского происхождения Т. С. Элиота (1888–1965).

⁸⁵ «Мертвые» – повесть, завершающая сборник Дж. Джойса «Дублинцы» (1914).

– Следующий пункт, – сказал с улыбкой профессор Мишра, а затем, сделав паузу, продолжил: – Но прежде чем мы перейдем к следующему пункту, я должен сказать, что лично я всегда восхищался Джеймсом Джойсом как писателем. Излишне говорить о моем восторге...

Непрощенные строки пришли Прану в голову:

Бледные руки моей Шалимар, как я любил вас...

Где вы сейчас? И кто теперь в вашей власти?

И от этого он разразился внезапным смехом, который не мог объяснить даже он сам. Он длился секунд двадцать и закончился спазмирующим кашлем. Пран содрогался, по его щекам текли слезы. Профессор Мишра окинул его взглядом полным ярости и ненависти.

– Прошу прощения, – бормотал Пран, приходя в себя; доктор Гупта энергично лупил его по спине, что несколько не помогало. – Пожалуйста, продолжайте... я справлюсь... иногда случается...

Однако объясняться дальше стало невозможно. Встреча была продолжена, и следующие два пункта обсудили быстро. Там не было реальных разногласий. Теперь, когда совсем стемнело, заседание было закрыто. Когда Пран вышел из комнаты, профессор Мишра по-дружески приобнял его за плечо:

– Мальчик мой, это было прекрасное выступление.

Пран вздрогнул от одного воспоминания.

– Очевидно, вы человек большой честности, ума, и не только.

«Ох, куда это он клонит?» – подумал Пран.

Профессор Мишра продолжил:

– Проктор с прошлого вторника уговаривает меня отправить сотрудника моей кафедры – сейчас наша очередь, знаете ли, – в комиссию по социальному обеспечению студентов...

«О нет, – подумал Пран, – это каждую неделю пропадет целый день...»

– ...и я решил послать вас добровольцем.

«Разве можно добровольцем *послать*?» – подумал Пран. Они шли по темному кампусу. Профессору Мишре было сложно полностью замаскировать нешуточную неприязнь, звучавшую в его высоком голосе. Пран так и видел поджатые губы и лицемерное поблескивание. Он молчал, что для главы кафедры английского языка и литературы означало согласие.

– Я понимаю, что вы перегружены, мой дорогой Капур, своими дополнительными занятиями, дискуссионным клубом, коллоквиумом, постановкой пьес и так далее... – продолжал профессор Мишра. – Подобные вещи приносят заслуженную популярность среди студентов. Но вы здесь сравнительно недавно, дорогой мой. Пять лет – не особо долгое время, с точки зрения такого старика, как я. И если позволите, я дам вам совет. Сократите свою неакадемическую деятельность. Не утомляйте себя без необходимости. Не стоит так серьезно воспринимать некоторые вещи. Что за чудесные строки были у Йейтса:

«Живи, – она просила, – легко, как лист растет».

Но я был глуп и молод – сам знал все наперед⁸⁶.

Я уверен, ваша очаровательная жена поддержит это. Не нагружайте себя так сильно, от этого зависит ваше здоровье. И ваше будущее, осмелюсь сказать... В какой-то мере вы сами себе – злейший враг.

«Однако я всего лишь метафорический враг себе, – подумал Пран. – И то, что я стоял на своем, принесло мне настоящую вражду со стороны грозного профессора Мишры».

Но был или не был опасен для него профессор Мишра в вопросе обретения Праном должности доцента теперь, когда Пран завоевал его ненависть?

«О чем думает профессор Мишра?» – размышлял Пран.

⁸⁶ Перевод Е. Калявиной.

Он представил себе примерное течение его мысли:

«Не следовало приглашать этого наглого молодого лектора участвовать в программной комиссии. Однако сожалеть теперь уже слишком поздно. Но по крайней мере, присутствуя здесь, он хотя бы не причиняет вреда, к примеру, в приемной комиссии. Там доктор Капур мог бы выдвинуть всевозможные возражения против тех студентов, которых я хотел бы зачислить, если бы они не были приняты на основе заслуг. Что до отборочной комиссии по вакансии доцента, я должен как-то подготовиться, прежде чем позволю...»

Однако больше никаких ключей к разгадке принципа работы этого загадочного интеллекта у Прана не было. В этот момент пути коллег разошлись, и они, вызвав взаимное уважение, расстались и направились каждый восвояси.

1.18

Минакши, жена Аруна, изнемогала от скуки и потому решила послать за дочерью. Выглядела Апарна даже красивее обычного – круглое белое личико, обрамленное черными волосами, изумительные глаза – пронзительные, как у матери. Минакши дважды нажала на электрический зуммер (сигнал для вызова дочкиной айи)⁸⁷ – и покосилась на книгу, лежащую у нее на коленях. Это был роман «Будденброки» Томаса Манна⁸⁸, неописуемо, невообразимо скучный. Она не могла заставить себя пролистать еще хоть пять страниц. Арун, который в основном восхищался женой, имел досадную привычку подбрасывать ей время от времени книгу «для интеллектуального развития», и Минакши было не избавиться от ощущения, что его якобы советы больше смахивают на утонченные приказы.

– Чудесная книга, – сказал однажды вечером Арун, смеясь в окружении на редкость легкомысленной толпы, с которой они смешались и которую, как была уверена Минакши, «Будденброки» или еще какая-то створожившаяся немецкая кислятина интересовали еще меньше, чем саму Минакши. – ...Я читал эту чудесную книгу Манна, а теперь вот Минакши приобретаю...

Кое-кто из присутствующих, особенно томный Билли Ирани, на мгновенье перевел удивленный взгляд с Аруна на Минакши, а затем разговор перетек к служебным делам, светской жизни, скачкам, танцам, гольфу, «Калькуттскому клубу», жалобам на «этих чертовых политиков» или «этих пустоголовых бюрократов», и о Томасе Манне совершенно забыли. Но Минакши теперь чувствовала себя обязанной прочитать достаточную часть романа, чтобы ознакомиться с ее содержанием, и, кажется, Арун был рад видеть эту книгу у нее в руках.

Минакши думала, какой Арун чудесный и как же приятно жить с ним здесь, в красивой квартире в Санни-Парке, недалеко от дома ее отца на Баллиганджской кольцевой дороге. И к чему им все эти яростные ссоры? Арун был невероятно вспыльчив и ревнив, и ей достаточно было томно взглянуть на томного Билли, чтобы Арун начал тлеть где-то глубоко внутри. Она думала, как чудесно бы было придержать этот мужнин огонь, чтобы он вспыхнул позже – в постели, но это не всегда срабатывало, как планировалось. Частенько Арун впадал в мрачную угрюмость, перегорал и становился совершенно непригоден для любовных утех. У Билли Ирани была девушка Ширин, но это абсолютно не волновало Аруна, который подозревал (и небезосновательно), что Минакши испытывает непроизвольное плотское влечение к его другу. Ширин, в свою очередь, время от времени вздыхала между коктейлями и сетовала, что Билли неисправим.

⁸⁷ Айя – индийская няня.

⁸⁸ «Будденброки. История гибели одного семейства» (1900) – роман немецкого писателя, мастера эпического романа Томаса Манна (1875–1955), описывающий жизнь и упадок четырех поколений известной и богатой семьи торговцев из Любека.

Когда в ответ на звук зуммера прибыла айя, Минакши сказала на ломаном хинди:
– Детка лао!

Престарелая айя, не отличавшаяся быстротой реакции, заторможенно повернулась со скрипом, чтобы исполнить приказ хозяйки. Принесли Апарну. Девочка была только-только после дневного сна. Она зевнула, когда ее поставили перед матерью, и потеряла кулачками глаза.

– Мамочка! – сказала Апарна по-английски. – Я хочу спать, а Мириам разбудила меня.

Айя Мириам не понимала по-английски, но, услышав свое имя, беззубо и добродушно усмехнулась ребенку.

– Я знаю, куколка моя драгоценная, – сказала Минакши. – Но маме было нужно тебя увидеть, ей было так скучно. Иди сюда и покажись-ка со всех сторон!

Апарна была одета в лиловое пышное платье с воланчиками и выглядела, по мнению ее матери, непростительно прелестно. Минакши скосила глаза в сторону зеркала на туалетном столике и с радостью отметила, какая же они восхитительная парочка – мама и дочка.

– Ты такая хорошенькая, – сказала она Апарне, – что, пожалуй, заведу-ка я себе целую коллекцию маленьких девочек: Апарна, Бибека, Чарулата и...

Взгляд Апарны заставил ее прикусить язык.

– Если в этом доме появится другой ребенок, – заявила Апарна, – я выброшу его прямо в корзину для бумаг.

– О! – сказала Минакши, потрясенная, и даже не слегка.

Окруженная со всех сторон столькими своевольными личностями, Апарна довольно рано развила весьма богатый словарный запас. Трехлеткам не положено так четко изъясняться, да еще и условными конструкциями.

Минакши взглянула на Апарну и вздохнула:

– Ты потрясающий ребенок! А теперь выпей молочка, – сказала она, а затем обратилась к айе: – Дух лао. Эк дум!

И Мириам заскрипела за стаканом молока для малышки.

Почему-то медленно удаляющаяся спина айи раздражала Минакши, и она подумала: «Нам и в самом деле нужно заменить Б. К. Абсолютно бесполезная рухлядь».

«Б. К.» – так они с Аруном частенько называли престарелую няньку. Минакши с удовольствием смеялась, вспоминая тот случай за завтраком, когда Арун оторвался от кроссворда в «Стейтсмене», чтобы сказать:

– Ох, прогони эту беззубую каргу из комнаты. Она весь аппетит отбивает.

С тех пор Мириам стала «Б. К.».

«Жизнь с Аруном полна подобных внезапных, восхитительных моментов, – подумала Минакши. – Если бы так было всегда...»

Беда в том, что ей приходилось вести хозяйство, а она это терпеть не могла. Раньше за нее все делала старшая дочь господина судьи Чаттерджи. И теперь она постигала, насколько сложно хозяйствовать самостоятельно. Управлять челядью (айя, слуга-повар, подметальщик и садовник, работающие неполный день. Шофером, который числился в штате компании, командовал Арун), вести счета, делать самостоятельно покупки, которые нельзя доверить слуге или айе, следить, чтобы все это укладывалось в бюджет. Последнее она считала самой сложной задачей. Минакши воспитывалась в роскоши, и хотя она настояла (вопреки совету родителей) на романтическом приключении, которое означало, что после свадьбы надо непременно стоять на своих четырех ногах, оказалось, что она неспособна обуздать привязанность к некоторым вещам (например, заграничному мылу или маслу), которые были неотъемлемой частью цивилизованной жизни. Ей не давал покоя тот факт, что Арун помогал всем и каждому в своей семье, и она частенько ему об этом напоминала.

– Ну, – сказал недавно Арун, – теперь, когда Савита вышла замуж, стало на одного меньше, согласись, дорогая.

Минакши вздохнула и ответила двустушием:

Вышла замуж, и, поверь,
Меры все при мне теперь.

Арун нахмурился. Ему в очередной раз напомнили, что старший брат Минакши – поэт. Самый зрелый плод давней и близкой дружбы с рифмами, настоящей одержимости импровизированными двустушиями, которые почти все Чаттерджи научились складывать с младых ногтей. Порой стишки получались чрезмерно ребячливые.

Айя принесла молоко и ушла. Минакши снова обратила свои прекрасные очи к «Будденброкам», пока Апарна сидела на кровати и пила молоко. С нетерпеливым стоном она отбросила Томаса Манна на кровать, повалилась следом, закрыла глаза и немедленно уснула. Проснулась она спустя двадцать минут от внезапной боли, когда Апарна ущипнула ее за грудь.

– Не будь злокой, Апарна, сокровище мое. Мама пытается поспать, – сказала Минакши.
– Не спи, – ответила Апарна. – Я хочу играть.

В отличие от других детей ее возраста Апарна никогда не говорила о себе в царственном третьем лице, хотя ее мать постоянно грешила этим.

– Лапочка, мама устала, она читала книгу и не хочет играть. Не сейчас, во всяком случае. Позже, когда папа придет домой, он поиграет с тобой. Или можете поиграть с дядей Варуном, когда он вернется из колледжа... Что ты сделала со своим стаканом?

– Когда папа придет домой?

– Я бы сказала, примерно через час, – ответила Минакши.

– «Я бы сказала, примерно через час», – задумчиво повторила Апарна, словно ей понравилась фраза. – Я тоже хочу кулон! – добавила она, потянув золотую цепочку матери.

Минакши обняла дочку.

– Будет и у тебя такой, – сказала она, меняя тему, – а теперь иди к Мириам.

– Нет.

– Тогда оставайся, если хочешь, но веди себя тихонечко.

Какое-то время Апарна молчала. Она посмотрела на «Будденброков», на свой пустой стакан, на спящую мать, на стеганое одеяло, на зеркало, на потолок. Затем позвала:

– Мам?

Ответа не последовало.

– Мама? – попыталась снова достучаться Апарна, чуть повысив голос.

– Ммм?

– МАМА! – крикнула Апарна во все горло.

Минакши резко села и встряхнула Апарну.

– Ты хочешь, чтобы я отшлепала тебя? – спросила она.

– Нет, – решительно ответила Апарна.

– Тогда почему ты кричишь? Что ты хочешь сказать?

– У тебя был тяжелый день, дорогая? – спросила Апарна, надеясь смягчить мать очарованием.

– Да, – коротко ответила Минакши. – Родная, возьми стакан и иди к Мириам сейчас же.

– Можно мне заплести твои волосы?

– Нет.

Апарна неохотно слезла с кровати и направилась к двери, проворачивая в голове идею пригрозить: «Я расскажу папе!» – хотя она никак не могла сформулировать ябеду. Тем временем ее мать вновь сладко уснула. Ее губы чуть приоткрылись, длинные черные волосы разметались по подушке. Вечер стоял жаркий, и все склоняло ее провалиться в долгий, томный сон. Грудь ее мягко вздымалась и опускалась. Ей снился Арун – красивый, энергичный, уступчи-

вый, который должен был всего через час приехать домой. А некоторое время спустя ей стал сниться Билли Ирани, с которым они встретятся позже тем же вечером.

Приехал домой Арун, оставил портфель в гостиной, вошел в спальню и закрыл дверь. Увидев спящую Минакши, он прошелся туда-сюда по комнате, а потом снял пиджак и галстук и лег рядом с ней, не тревожа ее сна. Но вскоре его рука легла ей на лоб, затем опустилась по лицу вниз, поползла к груди. Минакши открыла глаза и сказала:

– О! – Она растерялась на мгновение, но вскоре взяла себя в руки и спросила: – Который час?

– Полшестого. Я пришел домой пораньше, как обещал, а ты, оказывается, спишь.

– Я не могла поспать до этого, дорогой. Апарна будила меня каждые две минуты.

– Какие планы на вечер?

– Ужин и танцы с Билли и Ширин.

– О да, конечно. – Сделав небольшую паузу, Арун продолжил: – Если честно, милая, я довольно сильно устал. Может стоит отменить планы на этот вечер?

– Ничего, ты сразу оживешь после пары бокалов, – сказала Минакши беспечно. – И пары взглядов Ширин, – добавила она.

– Думаю, ты права, милая. – Арун потянулся к ней. Месяц назад у него были небольшие проблемы со спиной, но сейчас он полностью восстановился.

– Нехороший мальчишка, – сказала Минакши и убрала руку. Через некоторое время она добавила: – Б. К. обжужливает нас на «Остермилке»

– А? – равнодушно протянул Арун, а затем перешел к теме, которая была интересна ему: – Сегодня я выяснил, что местный делегата зависил расценки по нашему новому бумажному проекту на шестьдесят тысяч. Мы попросили его, конечно, пересмотреть свои расчеты, но это все шокирует... Нет ни чувства деловой этики – ни личной этики, в конце концов. На днях он заявился к нам в офис и заверил, что делает нам особое предложение, якобы по причине наших давних взаимоотношений. Теперь я обнаружил, после разговора с Джоком Маккеем, что в точности то же самое он предложил им, но взял с них на шестьдесят тысяч меньше, чем с нас.

– Что ты будешь делать? – прилежно спросила Минакши.

Она перестала вникать несколько предложений назад. Минут пять, пока Арун говорил, ее мысли лениво копошились. Когда он остановился, вопросительно взглянув на нее, она сказала, позевывая от остаточной сонливости:

– Как ваш босс отреагировал на это все?

– Сложно сказать. С Бэзилем Коксом сложно что-либо сказать, даже если он доволен. В этом случае, я думаю, он еще и настолько же раздражен возможной задержкой, насколько доволен определенной экономией. – Арун изливал душу еще минут пять, а Минакши тем временем начала полировать ногти.

Дверь спальни была заперта, чтобы их не отвлекали, но, когда Апарна увидела портфель отца, она поняла, что тот вернулся и потребовала, чтобы ее впустили. Арун открыл дверь и обнял ее, и в течение следующего часа они вместе занимались головоломкой с изображением жирафа, которую Апарна увидела в магазине игрушек через неделю после того, как ее свозили в Брахмпурский зоопарк. Они уже складывали эту головоломку несколько раз, но Апарне она еще не надоела. И Аруну тоже. Он обожал свою дочь, и иногда ему было жаль, что они с Минакши гуляют почти каждый вечер. Но нельзя же было позволить жизни остановиться из-за того, что у них ребенок? В конце концов, для чего нужны айи? И, раз уж на то пошло, младшие братья?

– Мама обещала мне кулон, – сказала Апарна.

– Да, милая? – спросил Арун. – Как она, интересно, собирается его купить? Мы не можем себе сейчас его позволить.

Апарна выглядела настолько разочарованной, особенно последней новостью, что Арун и Минакши посмотрели друг на друга с нескрываемым обожанием.

– Но она обещала, – тихо и решительно сказала Апарна. – А сейчас я хочу собирать головоломку.

– Но мы только что закончили, – возразил Арун.

– Я хочу сложить другую.

– Займись с ней, Минакши, – сказал Арун.

– Займись ты, милый, – сказала Минакши. – Мне нужно подготовиться. И пожалуйста, уберите за собой все с пола в спальне.

Некоторое время Арун и Апарна, в этот раз изгнанные в гостиную, лежали на ковре, собирая мозаику Мемориала Виктории, пока Минакши купалась, одевалась, поливалась духами и обвешивалась украшениями. Варун вернулся из колледжа, проскользнул мимо Аруна в свою крохотную комнатку и сел за книги. Но он очень нервничал и не мог сосредоточиться, учеба не клеилась. Когда Арун пошел собираться, он вручил брату Апарну, и остаток вечера Варун провел дома в попытках развлечь племянницу.

Длинношеяя Минакши заставила множество голов повернуться в ее сторону, когда их группа из четырех человек вошла в «Фирпо» поужинать. Арун сказал Ширин, что она выглядит великолепно, а Билли с томлением души посмотрел на Минакши и сказал, что она выглядит божественно, и все прошло потрясающе, и затем последовали приятно возбуждающие танцы в «Клубе 300». Минакши и Арун действительно не могли себе позволить всего этого. А вот Билли Ирани – мог. Но казалось недопустимым, чтобы они, для кого такая жизнь словно и была придумана, лишились ее из-за какого-то досадного отсутствия средств. Но Минакши не могла отвести взгляда (и за обедом, и после него) от маленьких золотых сережек Ширин, которые красиво свисали из ее аккуратных бархатистых мочек.

Был теплый вечер. В машине, по дороге домой, Арун сказал Минакши:

– Дай руку, дорогая.

И Минакши, положив кончик указательного пальца с лакированным красным ноготком на тыльную сторону его ладони, сказала:

– Вот!

Арун подумал, как это восхитительно элегантно и кокетливо. Но вот Минакши думала совсем о другом.

Позже, когда Арун лег спать, Минакши открыла свой футляр для драгоценностей (Чаттерджи не доверили своей дочери большого количества драгоценностей, дав достаточно для возможных потребностей) и достала две золотые медали, столь дорогие сердцу госпожи Рупы Меры. Она подарила их Минакши в день свадьбы – чувствуя, что это уместный дар для невесты ее старшего сына. И еще она чувствовала, что муж одобрил бы ее поступок. На обратной стороне медалей были выгравированы надписи: «Инженерный колледж Томасона, Рурки. Рагубир Мера. Гражд. Инж. Первое. 1916» и «Физика. Первое. 1916» соответственно. Два льва сурово восседали на пьедесталах на обеих медалях. Минакши взглянула на них, прикинула на вес в ладонях, затем приложила прохладные, драгоценные диски к щекам. Она гадала, сколько они весят. Из головы не шла мысль о золотой цепочке, обещанной Апарне, и золотых каплях, которые фактически уже пообещала сама себе. Она довольно внимательно успела изучить их, пока они болтались на маленьких ушах Ширин. Висячие серьги имели форму крохотных груш.

Когда Арун нетерпеливо позвал ее спать, она пробормотала:

– Сейчас иду.

Но прошла минута или две, прежде чем она присоединилась к нему.

– О чем ты думаешь, дорогая? – спросил он ее. – Ты, похоже, озабочена не на шутку.

Но Минакши инстинктивно поняла, что посвящать мужа в свои свежие планы насчет этих безвкусных медалей – не самая лучшая идея, и она уклонилась от темы, прикусив мочку его уха.

1.19

В десять часов на следующее утро Минакши набрала номер своей младшей сестры Каколи.

– Куку, одна моя подруга, ну, ты знаешь – по клубу «Авантюристки», – ищет, где бы ей переплавить немного золота, но так, чтобы об этом никто не узнал. У тебя нет хорошего ювелира?

– Ну, Сатрам Дас, к примеру, или Лиларам, как тебе? – ответила Куку, позевывая спр-сонок.

– Нет, я не о ювелирах с Парк-стрит – или им подобных, – вздохнула Минакши. – Я хочу пойти куда-нибудь, где меня никто не знает.

– Ты хочешь пойти куда-нибудь?

На том конце повисло недолгое молчание.

– Что ж, тебе я могу сказать, – продолжила Минакши. – Запали мне в душу одни сережки – ну прелесть что такое, крохотные такие золотые груши. Так вот я и хочу переплавить те уродливые грубые медали, которые мать Аруна подарила мне на свадьбу.

– Ой, не стоит тебе этого делать, – несколько тревожно прошептала Куку.

– Куку, мне нужен твой совет насчет места, я не спрашиваю: стоит или не стоит.

– Ну, можно пойти к Саркару. Или нет – загляни лучше в мастерскую Джаухри на Раш-бехари-авеню. Арун знает?

– Медали были подарены мне, – сказала Минакши. – Если Арун захочет переплавить свои ключки для гольфа, чтобы сделать себе медный корсет для спины, я возражать не стану.

Добравшись до ювелира, она, к своему глубочайшему удивлению, и тут наткнулась на возражения.

– Мадам, – произнес на бенгали⁸⁹ господин Джаухри, взглянув на медали, которые в свое время заслужил покойный свекор Минакши. – Это очень красивые медали. – Пальцы ювелира, темные и грубые, слегка неуместные для того, кто руководил и сам занимался такой тонкой и красивой работой, любовно касались рельефных львов, обводили гладкие, чуть неровные края.

Минакши погладила свою шею длинным, ярко-красным ногтем среднего пальца правой руки.

– Да, – сказала она безразлично.

– Мадам, могу ли я посоветовать вам заказать серьги и цепочку и заплатить за них отдельно? А плавить медали нет никакой нужды.

Такая нарядная и богатая с виду дама, конечно, не испытала бы никаких затруднений в связи с этим предложением.

Минакши посмотрела на ювелира с холодным интересом.

– Теперь, когда мне известен приблизительный вес медалей, я предлагаю вам переплавить одну из них, – сказала она. Несколько раздосадованная – эти лавочки иногда слишком много себе позволяют, – она продолжила: – Я пришла сюда, чтобы работа была выполнена. Обычно я обратилась бы к своему ювелиру. Как много времени это у вас займет?

Господин Джаухри решил больше не дискутировать на эту тему.

– Две недели, – ответил он.

– Довольно долго.

⁸⁹ Бенгали – наречие санскритского языка в Индии.

– Ну, вы же знаете, как это бывает, мадам. Хорошие мастера на вес золота, и у нас очень много заказов.

– Но теперь март. Свадебный сезон практически кончился.

– И тем не менее, мадам.

– Ну что ж, тогда пусть так и будет, – сказала Минакши, забирая с прилавка одну медаль – за физику, как потом оказалось, – и бросая ее в сумочку.

Ювелир с некоторой грустью поглядел на медаль за инженерное дело, лежавшую на бархатном квадратике на прилавке. Он не осмелился спросить, чья она, но, когда Минакши заполнила квитанцию, после того как медаль была тщательно взвешена, старик догадался по фамилии, что, скорее всего, это была медаль ее свекра. Ювелир не мог знать, что Минакши своего свекра никогда в жизни не видела и не питала к нему никаких родственных чувств.

Когда Минакши повернулась, чтобы уйти, он сказал:

– Мадам, если вдруг вы передумаете...

Минакши резко повернулась к нему и отбрила:

– Когда мне нужен будет ваш совет, господин Джаухри, я спрошу его у вас. Я пришла именно к вам, потому что вас мне рекомендовали.

– Совершенно верно, мадам, совершенно верно. Конечно, как вы пожелаете. Значит, через две недели.

Господин Джаухри печально нахмурился, глядя на медаль, прежде чем кликнуть своего мастера-ремесленника.

Две недели спустя из-за случайной оговорки во время беседы Аруну открылось, что надеялась Минакши. Он пришел в негодование.

– Бессмысленно разговаривать с тобой, когда ты такой бешеный, – вздохнула Минакши. – Ты ведешь себя бессердечно. Пойдем, Апарна, солнышко мое, папочка злится на нас. Пойдем в другую комнату.

Несколько дней погодя Арун написал, вернее, нацарапал письмо матери:

Дорогая ма!

Прости, что раньше не ответил на твое письмо о Лате. Да, безусловно, будем искать. Но не обольщайся: договорники тут чуть ли не как дважды рожденные⁹⁰ и получают в приданое десятки тысяч, а то и сотни. Впрочем, ситуация небезнадежна. Будем искать, но я предлагаю Лате приехать на лето в Калькутту. Так легче ее познакомить и пр. Но она сама должна сотрудничать. Варун разгильдяйствует, начинает учиться как следует, когда я уже приложу руку. Девушками совершенно не интересуется, как обычно, разве что теми, которые на четырех копытах. По-прежнему увлекается жуткими песенками. Апарна весела и здорова, постоянно спрашивает о своей *дади*, так что, по всему видно, скучает по тебе. Папину инж. медаль М. расплавил ради пары висюлек в уши и цепочки, но на физ. я наложил вето, не беспокойся. В остальном все хорошо, спина норм., Чаттерджи в основном как обычно, напишу подробнее, будет время.

Привет и поцелуи от всех.

Арун

Эта короткая записка в излюбленном телеграфном стиле Аруна, написанная неразборчивым почерком (поперечные линии букв беспорядочно торчали в разные стороны под углом в тридцать градусов), прибыла в Брампур со второй почтой однажды пополудни и возымела эффект разорвавшейся гранаты. Прочитав ее, госпожа Рупа Мера разразилась рыданиями

⁹⁰ *Дважды рожденные* – представители первых трех каст (варн) в Древней Индии (брахманы, кшатрии, вайши). Вторым их рождением считался совершаемый в детстве специальный обряд посвящения.

даже без обычного (как не преминул бы отметить Арун, оказись он рядом) предварительного покраснения носа. На самом-то деле, если не рассматривать событие взглядом циника, она была расстроена до глубины души и по вполне очевидным причинам.

Ужас оттого, что медаль безвозвратно расплавлена, бессердечие ее невестки, пренебрежение последней к самым нежным чувствам, о чем свидетельствовал сей акт мелкого тщеславия, расстроили госпожу Рупу Меру сильнее, чем что-либо за много-много лет, даже сильнее, чем сама женитьба Аруна на этой Минакши. Она буквально воочию увидела, как золотое имя ее мужа физически истаивало в тигле. Госпожа Рупа Мера любила своего мужа и восхищалась им почти до самозабвения. И мысль о том, что одна из немногих вещиц, связанных с его земным присутствием, была теперь злобно – ибо подобное ранящее равнодушие нельзя назвать иначе как злобой – и безвозвратно уничтожена, изливалась теперь горячими, гневными, бесильными слезами.

Рагубир, ее муж, был блестящим выпускником колледжа Рурки, и это воспоминание о его студенческих днях было одним из счастливейших. Он никогда не зубрил, но все экзамены сдавал чрезвычайно успешно. Его одинаково любили и однокашники, и преподаватели. Единственным предметом, в котором он не преуспел, было рисование. Тут он еле-еле получил зачет. Госпожа Рупа Мера вспомнила его зарисовки в детских книжках для автографов и почувствовала, что экзаменаторы были невежественны и несправедливы к нему.

Некоторое время спустя, кое-как взяв себя в руки и протерев лоб одеколоном, она вышла в сад. Стоял теплый день, но от реки веял ветерок. Савита спала, а все прочие отсутствовали. Она оглядела неубранную дорожку возле клумбы с каннами. Молодая метельщица болтала с садовником в тени под шелковицей. «Надо бы ей сказать», – безучастно подумала госпожа Рупа Мера.

Матин, отец Мансура, человек весьма прозорливый и хитрый, вышел на веранду с бухгалтерской книгой в руках. Госпожа Рупа Мера была не в том настроении, чтобы вести подсчеты, но чувствовала себя обязанной этим заняться. Усталыми шагами она вернулась на веранду, вынула из черного футляра очки и заглянула в книгу.

Метельщица взяла метлу и принялась сметать с дорожки пыль, сухие листья, веточки и осыпавшиеся цветы. Госпожа Рупа Мера невидящим взглядом смотрела на открытую страницу бухгалтерской книги.

– Желаете, чтобы я пришел попозже? – осведомился Матин.

– Нет. Займусь ими сейчас. Погоди минутку.

Она достала синий карандаш и посмотрела на списки покупок. С той поры, как Матин вернулся из деревни, вести счета стало куда тяжелее. Если не считать довольно странного варианта хинди, Матин куда более умело мухлевал с бухгалтерией, нежели его сын.

– Это что? – спросила госпожа Рупа Мера. – Еще одна банка масла гхи⁹¹ в четыре сира?⁹² Ты считаешь нас миллионерами? Когда мы заказывали нашу предыдущую банку?

– Месяца два назад, наверное, бурри-мемсахиб.

– А разве Мансур не покупал еще одну банку, пока ты прохлаждался в деревне?

– Может, и покупал, бурри-мемсахиб. Я не видел.

Госпожа Рупа Мера принялась перелистывать страницы бухгалтерской книги, пока не отыскала запись, сделанную более разборчивой рукой Мансура.

– Вот же, он купил банку месяц назад. Почти за двадцать рупий. Что с ней стало? Нас не двенадцать человек в семье, чтобы в таком темпе уничтожить целую банку.

– Я ведь только вернулся, – осмелился вставить Матин, бросив взгляд на метельщицу.

⁹¹ Гхи – разновидность очищенного топленого масла, которое широко используется в Южной Азии для приготовления пищи, лечения и проведения религиозных ритуалов.

⁹² Сир – 1) традиционная мера веса в Индии и Южной Азии, равная прим. 2 фунтам или 0,93 кг; в Пакистане сир равен 1 кг; 2) традиционная индийская мера объема сыпучих веществ, равная приблизительно литру.

– Дай тебе волю, ты бы покупал нам шестнадцать сиров гхи каждую неделю, – сказала госпожа Рупа Мера. – Выясни, куда делось оставшееся масло.

– Ушло на пури, паратхи и дал⁹³. А еще мемсахиб любит положить сахибу немного гхи в чапати⁹⁴ и в рис каждый день... – начал Матин.

– Да-да, – перебила его хозяйка. – Я могу представить, сколько его ушло на все эти нужды. Мне хочется выяснить, что стало с остальным маслом. Мы не держим дверь нараспашку, у нас не лавка торговца сладостями.

– Да, бурри-мемсахиб.

– Но похоже, юному Мансуру кажется, что это так.

Матин промолчал, но нахмурился с явным неодобрением.

– Он подъедает сласти и пьет нимбу-пани, которые оставлены на случай прихода гостей, – продолжала госпожа Рупа Мера.

– Я поговорю с ним, бурри-мемсахиб.

– Насчет сластей я не уверена, впрочем, – уточнила добросовестная госпожа Рупа Мера. – Он мальчик своевольный. А ты – ты никогда не приносишь мне чай вовремя. Почему никто в этом доме не заботится обо мне? Когда я жила в доме Аруна-сахиба в Калькутте, его слуга постоянно приносил мне чаю. А здесь никто даже не предложит. Живи я в собственном доме, все было бы иначе.

Матин, понимая, что со счетами на сегодня покончено, вышел, чтобы приготовить чай для госпожи Рупы Меры.

Минут через пятнадцать появилась трогательно-прекрасная Савита, пробудившись после дневного сна. Она вышла на веранду и застала мать за перечитыванием Арунова письма. Заливаясь слезами, она произнесла:

– Висялек в уши! Он даже назвал это «висюльки в уши»!

Когда Савита узнала, в чем дело, ее охватил прилив сострадания к матери и негодования из-за поступка Минакши.

– И как она только могла? – воскликнула она.

За мягким характером Савиты скрывалась ее способность яростно защищать тех, кого она любит. Она была духовно независима, но в таком сдержанном ключе, что только самые близкие люди, хорошо ее знавшие, понимали, что ее желания и ее жизнь не определяются всецело тихим течением обстоятельств. Савита приголубила мать и сказала:

– Я поражена поступком Минакши. И обязательно прослежу, чтобы со второй папиной медалью ничего не случилось. Память о папе мне дороже, чем ее недалекие прихоти. Не плачь, ма. Я напишу ей немедленно. Или можем вместе написать, если хочешь.

– Нет-нет. – Госпожа Рупа Мера печально глядела в свою пустую чашку.

Когда вернулась Лата, новость потрясла и ее. Она была папочкиной дочкой и любила разглядывать его академические медали. Конечно, Лата ужасно расстроилась, когда их отдали Минакши. Что они могут для нее значить, недоумевала тогда Лата, по сравнению с тем, что они значат для его дочерей? И теперь ее правота подтвердилась таким ужасным образом. Арун тоже вызывал в ней негодование. Мало того что это случилось – с его ли согласия или из-за его попустительства, так он еще легкомысленно сообщает об этом в глупом и небрежном своем письме. Его грубые, мелкие попытки шокировать или задеть мать возмущали ее. Что до его предложения, чтобы она приехала в Калькутту и «сотрудничала», – тут уж Лата решила, что это она сделает в самую распоследнюю очередь на свете.

⁹³ *Паратха* – индийская лепешка, заменяющая хлеб. *Дал* – традиционный вегетарианский индийский пряный суп-пюре из разваренных бобовых.

⁹⁴ *Чапати* – разновидность индийской лепешки, тонкий хлеб, наподобие лаваша.

Пран пришел поздно, задержавшись на первом заседании комиссии по социальному обеспечению студентов, и застал свое семейство в полном раздрае, однако он слишком утомился, чтобы немедленно начать расспрашивать, что же произошло. Он сел в свое любимое кресло-качалку, реквизированную из Прем-Ниваса, и несколько минут предавался чтению. Чуть погодя он спросил Савиту, не хочет ли она прогуляться, и во время прогулки был вкратце посвящен в причину кризиса. Он попросил Савиту дать ему прочесть письмо, которое та написала Минакши. Не потому, что он не доверял суждениям своей жены, – совсем наоборот. Но он надеялся, что, не будучи Мерой и посему не испытывая слишком сильной боли от содеянного, мог бы удержать жену от необдуманных слов, способных спровоцировать необратимые действия. Семейные ссоры – из-за собственности или оскорбленных чувств – очень горькие события, и предотвращение их – почти гражданская обязанность.

Савита с радостью показала ему письмо. Пран прочитал его, кивая время от времени.

– Отлично, – сказал он совершенно серьезно, словно одобряя студенческое эссе. – Дипломатично, но наповал! Нежная сталь, – прибавил он уже совсем другим тоном и посмотрел на жену с удивлением и любопытством. – Я прослежу, чтобы оно ушло завтра.

Позднее пришла Малати. Лата пожаловалась ей насчет медали. Малати рассказала об опытах, которые им пришлось ставить в медицинском колледже, и госпожа Рупа Мера испытала достаточно сильное отвращение, чтобы отвлечься от своей обиды – хотя бы ненадолго.

За обедом Савита впервые заметила, что Малати влюблена в Прана. Это было очевидно: девушка украдкой смотрела на него поверх тарелки с супом, но избегала напрямую встречаться с ним взглядом. Савиту это несколько не возмутило. Она приняла эту данность, поскольку знала, что муж преданно ее любит. Увлечение Малати было одновременно естественно и невинно. И совершенно очевидно, что Пран о нем ни сном ни духом. Он рассказывал о пьесе, которую поставил в прошлом году на День посвящения в студенты: «Юлий Цезарь» – типично университетский выбор (по выражению Прана), поскольку мало кто из родителей захотел бы, чтобы их дочери играли на сцене... но, с другой стороны, темы жестокости, патриотизма и смены власти в нынешнем историческом контексте звучали свежо как никогда. Недалекость умных мужчин, думала Савита, составляет половину их привлекательности. Она на секунду закрыла глаза и мысленно помолилась за его здоровье, за свое и за здоровье их еще не рожденного малыша.

Часть вторая

2.1

Утром в день Холи⁹⁵ Ман проснулся, улыбаясь. Он выпил не один, а несколько бокальчиков тхандая⁹⁶, сдобренного бхангом⁹⁷, и вскоре воспарил, точно воздушный змей. Он чувствовал, как потолок наплывает на него, – или это он сам плывет под потолок? Будто в тумане он увидел своих друзей Фироза и Имтиаза вместе с навабом-сахибом, прибывших в Прем-Нивас поздравить семейство Капур. Он вышел вперед, чтобы пожелать гостям счастливого Холи. Но смог только смеяться без умолку. Они вымазали его лицо краской, а он все хохотал и хихикал. Его усадили в уголок, и он смеялся, пока слезы градом не покатились по лицу. Потолок к тому времени уплыл на свое место, зато стены пульсировали чрезвычайно загадочно. Внезапно он вскочил, обхватил Фироза и Имтиаза за плечи и потащил к выходу.

– Куда мы? – спросил Фироз.

– К Прану, – ответил Ман. – Я должен отпраздновать Холи со своей невесткой.

Он сгрел два пакета с цветной пудрой и засунул их в карман курты⁹⁸.

– В таком состоянии тебе лучше не садиться за руль отцовской машины, – заметил Фироз.

⁹⁵ Холи (Пхагвах, или Бходжпури, Фестиваль красок) – ежегодный индуистский праздник весны.

⁹⁶ Тхандай – традиционный напиток для праздника Холи, смесь молока с сухими фруктами и ароматными специями: семенами фенхеля и лепестками роз.

⁹⁷ Бханг – съедобная форма каннабиса, является подношением для богов во время многих индуистских праздников.

⁹⁸ Курта-паджама – костюм, который состоит из простой или праздничной свободной рубахи до колен (курты) и штанов, называемых паджама. Наиболее распространены широкие паджама из хлопчатобумажной ткани белого цвета. Разновидностью паджамы являются узкие штаны – чуридхар.

– А, мы поедем на тонге, на тонге, – пропел Ман, размахивая руками, а потом снова обнял Фироза. – Но сперва выпейте тхандая. Вставляет потрясающе.

Им повезло. В то утро было немного свободных тонга, но одна из них катила мимо шагом, едва они вышли на Корнвалис-роуд. Все дорогу до университета лошадь нервничала, когда они проезжали мимо орущих праздничных толп. Тонга-валла получил от них вдвое против обычной стоимости поездки, а заодно они щедро вымазали розовой краской его лицо и зеленой – морду лошади.

Едва завидев, как они высаживаются из повозки, Пран радушно вышел им навстречу и повел в сад. Сразу за дверью веранды стояла широкая ванна, наполненная розовой краской, в которой плавало несколько футовых медных спринцовок. Прановы курта и паджама были насквозь мокрыми, а лицо измазано розовым и желтым порошком.

– А где моя бхабхи? – заорал Ман.

– Я не выйду! – сказала Савита из-за двери.

– Отлично! Тогда мы войдем внутрь! – крикнул Ман.

– О нет, не войдете, если у вас нет с собой нового сари для меня.

– Получишь ты свое сари, а теперь все, что мне нужно, – это фунт плоти, – сказал Ман.

– Очень смешно, – ответила Савита. – Можешь играть в Холи с моим мужем сколько душе угодно, но пообещай, что меня покрасишь только чуть-чуть.

– Да-да! Обещаю! Всего чуточку пудры, а потом – самую малость пудры для прекрасного личика твоей сестрички, и я буду удовлетворен – до самого следующего года.

Савита опасливо приоткрыла дверь. На ней был старый вылинявший шальвар-камиз, а вид у нее был премилый – смеющаяся, осторожная, каждую минуту готова броситься наутек.

Ман держал пакет с розовой пудрой в левой руке. Он покрасил немного лоб своей невестки. Она потянулась к пакету, чтобы покрасить его в ответ.

– И чуточку на щечки, – сказал Ман, продолжая обмазывать ее лицо.

– Хорошо, славно, – сказала Савита. – Очень хорошо. Счастливого Холи!

– И вот здесь еще капельку, – не унимался Ман, втирая пудру ей в шею, плечи и спину, крепко держа ее и слегка поглаживая, когда она пыталась вырваться.

– Ты настоящий хулиган, я больше никогда тебе не поверю! Пожалуйста! – взвизгнула Савита. – Хватит, отпусти меня, Ман, прошу – не в моем положении...

– Ах я хулиган? Вот как, значит? – Ман потянулся за кружкой и погрузил ее в ванну.

– Нет-нет-нет! Я не то хотела сказать. Пран, спаси меня! – крикнула Савита, смеясь и плача; госпожа Рупа Мера в тревоге выглянула в окно. – Только не жидкой краской, Ман, пожалуйста... – завизжала Савита что есть силы.

Но, несмотря на все ее мольбы, Ман выплеснул три или четыре полных кружки холодной розовой водицы ей на голову и размазал мокрую пудру по ее камизу на груди, хохоча без умолку.

Лата тоже смотрела в окно, потрясенная дерзким, фривольным нападением Мана, который явно воспользовался вседозволенностью праздничного дня. Она прямо почувствовала руки Мана на своем теле и затем холодную воду. К ее удивлению, да и к удивлению ее матери, стоящей рядом с ней, она ахнула и содрогнулась. Но ничто не могло заставить ее выйти на улицу, где Ман продолжал предаваться полихромным удовольствиям.

– Хватит! – крикнула Савита в гневе. – Что вы за трюсы? Почему не поможете мне? Он же под бхангом – я видела его зрачки, – только гляньте ему в глаза!

Прану и Фирозу удалось отвлечь Мана, вылив на него несколько полных спринцовок цветной водицы, и тот побежал в сад. Ноги у него заплетались, и он рухнул в клумбу желтых канн. Затем высунул голову из цветов, чтобы пропеть одну строчку: «Кутилы, это Холи в стране Браджд!» – и снова присел, исчезнув из виду. Минуту спустя он выпрыгнул, словно кукушка из часов, повторил строчку еще раз и снова спрятался. Савита, горя жадной мщенья, наполнила

медную лоту цветной водой и сбежала по лестнице в сад. Она подкралась к клумбе. В этот самый момент Ман снова встал, чтобы запеть. Как только его голова показалась среди цветов, он увидел Савиту и кувшин с водой, но было уже слишком поздно. Савита, решительная и яростная, выплеснула все содержимое ему в лицо и на грудь.

При виде ошарашенного выражения на его физиономии Савита начала хихикать. Но Ман снова сел, на этот раз уже рыдая:

– Бхабхи меня не любит! Моя бхабхи меня не любит!

– Конечно не любит! – подтвердила Савита. – А за что мне тебя любить?

Ман заливался слезами, он был безутешен. Когда Фироз попытался поднять его на ноги, он прижался к нему.

– Ты мой единственный дружок! – всхлипывал он. – А сласти где?

Теперь, когда Ман был нейтрализован, Лата решила выйти и сдержанно поиграть в Холи с Праном, Фирозом и Савитой. Госпоже Рупе Мере тоже досталось немножко краски.

Но Лата не переставала думать, каково это, когда тебя вот так страстно, открыто и интимно вымазывает краской расшалившийся Ман. И это человек, который уже помолвлен! Она никогда не встречала никого, кто вел бы себя так, как Ман, – а Пран даже не рассердился. Странная семья эти Капуры, подумал Лата.

Тем временем Имтиаз, который, как и Ман, перебрал бханга, сидел на крыльце, мечтательно улыбаясь миру, и непрерывно бубнил себе под нос какое-то слово, очень напоминающее «миокардический». Он его то бормотал, то пропевал, а иногда казалось, что он задает миру вопрос – величайший и одновременно не имеющий ответа.

Время от времени он с глубокой задумчивостью трогал маленькую родинку у себя на щеке.

Группка из двадцати студентов или около того – разукрашенных почти до неузнаваемости – показалась на дороге. Среди них даже было несколько девушек, и у одной из них была теперь фиолетовая кожа, но по-прежнему зеленые глаза Малати. Молодежь уговорила профессора Мишру, жившего неподалеку, через пару домов от Прана и его семейства, присоединиться к ним. Не узнать его китоподобное пузо было невозможно, и к тому же краски на профессоре было совсем немного.

– Какая честь, какая честь! – воскликнул Пран. – Но это я должен был прийти к вашему дому, а не вы к моему.

– Оставьте церемонии, не терплю условностей в подобных случаях, – ответил профессор Мишра, поджав губы и прищутив глаза. – Лучше скажите, где очаровательная госпожа Капур?

– Привет, профессор Мишра! Как приятно, что вы пришли поиграть с нами в Холи, – приблизилась Савита с горсткой цветной пудры в руке. – Добро пожаловать! Добро пожаловать, все вы! Привет, Малати, мы все гадали, что с тобой стряслось, – ведь уже почти полдень. Проходите, проходите...

Немножко краски легло на широкий профессорский лоб, профессор поклонился.

Но тут Ман, который до этого безвольно висел на плече Фироза, отбросил соцветие канны, с которым он забавлялся, и с широкой доброй улыбкой направился к профессору Мишре.

– Так это вы и есть тот самый пресловутый профессор Мишра, – приветливо и восторженно произнес он. – До чего приятно познакомиться с таким гнусным типом! – Он тепло обнял профессора. – Скажите мне, а вы и вправду Враг Человечества? – ободряюще спросил Ман. – До чего примечательное у вас лицо, а мимика какая подвижная! – промурлыкал он в благоговейном восхищении, когда у профессора отвисла челюсть.

– Ман! – предостерег Пран.

– И мерзкая! – сказал Ман с искренним одобрением.

Профессор Мишра уставился на него.

– Мой брат называет вас «Моби Дик, великий белый кит», – продолжал Ман в совершенно дружеском тоне. – Теперь я понимаю почему. Пойдемте же поплаваем, – великодушно пригласил он профессора, указывая на ванну с розовой водой.

– Нет-нет, я не думаю, что... – начал профессор, оторопев.

– Имтиаз, дружище, помоги мне, – позвал Ман.

– Миокардический, – сказал тот, выражая тем самым свою полную готовность; они подняли профессора под руки и поволокли к ванне.

– Нет-нет, я схвачу воспаление легких! – завопил профессор Мишра гневно и ошеломленно.

– Прекрати, Ман! – потребовал Пран.

– Что скажете, доктор-сахиб? – спросил Ман у Имтиаза.

– Противопоказаний нет, – заверил Имтиаз, и они вдвоем затолкали профессора в ванну.

Он поднимал волны в ванне и расплескивал вокруг розовую жижу, пытаясь выбраться, мокрый до нитки, ошалевший от злости и стыда. Ман, глядя на него, не удержался от радостного смеха. Имтиаз тем временем благостно ухмылялся. Пран сел на ступеньку, уронив голову на руки. У всех прочих на лицах застыл ужас.

Выбравшись из ванны, профессор Мишра постоял секунду на веранде, дрожа от влаги и прилива эмоций, а потом удалился, капая розовым, по ступеням в сад. Пран был настолько потрясен, что не в силах был даже извиниться. С негодующим достоинством громадная розовая фигура вышла из калитки и исчезла на дороге.

Ман поглядел на собравшихся, ища поддержки. Савита старалась не смотреть на него, все остальные стояли притихшие и подавленные, и Ман смутно почувствовал, что снова почему-то впал в немилость.

2.2

Переодевшись в чистую курту-падجامу после долгого отмокания в ванне, пребывая под счастливым воздействием бханга и теплого вечера, Ман уснул в своей постели в Прем-Нивасе. И снился ему необычный сон: он собирался сесть на поезд до Варанаси, чтобы поехать к своей невесте. Он понимал, что если он не уедет на поезде, то его посадят в тюрьму, только не знал – за какое преступление. Большой отряд полицейских – дюжина констеблей во главе с генеральным инспектором Пурва-Прадеш – сформировал вокруг него кордон, и его вместе с многочисленными селянами в заляпанной грязью одежде и двумя десятками нарядных студенток загнали в вагон. Но он, Ман, забыл что-то и молил, чтобы его выпустили и позволили забрать забытое. Никто не слушал его, и он все больше ожесточался и расстраивался. А потом он рухнул к ногам начальника полиции и билетного контролера и умолял их дать ему возможность выйти: он что-то забыл – не то дома, не то еще где-то – может, на другой платформе, и ему кровь из носу необходимо выйти и вернуть пропажу. Но тут раздался свисток, и его затолкали обратно в поезд. Некоторые женщины смеялись над ним, а он все больше отчаивался. «Прошу, дайте мне сойти», – настаивал он, но поезд, отъехав от станции, набирал ход. Ман поднял глаза и увидел красно-белую табличку: «Для остановки потянуть за цепь. Штраф за ненадлежащее использование – 50 рупий». Он запрыгнул на полку. Селяне попытались ему помешать, но он вырвался от них, схватил цепь и дернул ее что было сил. Но стоп-кран не сработал. Поезд ускорялся, и женщины хохотали над ним уже в открытую. «Я кое-что оставил там», – без устали повторял он, указывая туда, откуда они все уезжали, как будто поезд мог прислушаться к его объяснениям и остановиться. Вынув из кармана бумажник, Ман взывал к кондуктору: «Вот пятьдесят рупий. Только остановите поезд. Умоляю вас – вернемся назад. Я не против отправиться в тюрьму!» Но кондуктор продолжал проверять билеты у других пассажиров, отмахиваясь от Мана, словно тот был безобидным прилипчивым сумасшедшим.

Ман проснулся в поту и испытал облегчение при виде знакомых предметов обстановки своей комнаты в Прем-Нивасе – мягкое кресло, вентилятор под потолком, красный ковер на полу и пять-шесть триллеров в мягкой обложке.

Немедленно выбросив дурной сон из головы, он пошел умываться. Но, увидев в зеркале свою ошарашенную физиономию, живо припомнил лица тех женщин из сна. «Почему они надо мной смеялись? – спросил он сам себя. – И был ли тот смех недобрый?.. Это всего лишь сон», – убеждал он себя. Но сколько бы ни плескал он себе воду в лицо, он никак не мог избавиться от мысли, что объяснение существует, но где-то за пределами его понимания. Он закрыл глаза, стараясь воскресить в памяти обрывки сна, но тот внезапно померк, и теперь от него осталось лишь тоскливое, щемящее чувство, что он где-то что-то забыл. Лица женщин, селян, кондуктора, полицейского стерлись начисто. «Но что же я мог забыть-то? Почему они все надо мной смеялись?»

Откуда-то из недр дома он услышал резкий окрик своего отца:

– Ман! Ман, ты проснулся? Через полчаса гости начнут прибывать на концерт.

Он не ответил и посмотрел на себя в зеркало. Недурственное лицо: живое, свежее, с правильными, сильными чертами. Вот только залысины на висках – как-то это несправедливо в его двадцать пять. Через несколько минут пришел слуга и сообщил, что отец ждет его во внутреннем дворе. Ман осведомился у слуги, не приехала ли еще его сестра Вина, и узнал, что она с семейством приезжала и уже отбыла. Вина, вообще-то, заходила к нему в комнату, но, увидев, что он спит, не велела своему сыну Бхаскару его беспокоить.

Ман нахмурился, зевнул и открыл дверцу платяного шкафа. Его не интересовали ни концерты, ни гости, ему хотелось снова улечься спать, на этот раз без всяких там снов. Так он обычно и проводил вечер Холи в Варанаси – отсыпаясь после бханга.

Внизу начали собираться гости. Большинство из них были в новых нарядах и, не считая легкой красноты под ногтями и под волосами, полностью избавились от разноцветных последствий утреннего веселья. Но все находились в прекрасном расположении духа, и не только благодаря воздействию бханга. Концерты в доме Махеша Капура были ежегодным ритуалом и проходили в Прем-Нивасе с незапамятных времен. Еще его отец и мать устраивали их, и всякий помнил, что концерты отменялись только в те годы, когда хозяин дома сидел в тюрьме.

Сегодня вечером, как и предыдущие два года, пела Саида-бай⁹⁹ Фирозабади. Она жила неподалеку от Прем-Ниваса и происходила из семьи певцов и куртизанок. Голос у нее был красивый, глубокий и чувственный. Ей было около тридцати пяти, но слава ее как певицы распространилась за пределы Брахмпура, и теперь ее приглашали участвовать в концертах даже в таких отдаленных городах, как Бомбей и Калькутта. Нынче вечером многие гости Махеша Капура пришли не столько затем, чтобы насладиться радушием хозяев – или, точнее, ненавязчивой и скромной хозяйки, – сколько для того, чтобы послушать Саиду-бай. Ман, который предыдущие праздники Холи провел в Варанаси, слышал ее имя, но никогда не слышал ее пения.

Ковры и белые покрывала были расстелены по всему полукруглому внутреннему двору, который был огражден белостенными комнатами и открытыми коридорами вдоль всего изгиба, а прямой стороной выходил в сад. Не было ни сцены, ни микрофона, ни какой-либо видимой границы или рампы, отделявшей певицу от публики. Не было и кресел – только подушки или валики, на которые можно было облокотиться, да несколько больших горшков с цветами по краям зрительской зоны. Первые гости стояли повсюду, потягивая фруктовый сок или тхандай, грызли кебабы, или орешки, или традиционные сладости праздника Холи. Махеш Капур лично встречал прибывающих гостей, но с нетерпением ждал, когда его сменил Ман, чтобы он мог побеседовать с некоторыми гостями, вместо того чтобы просто обменяться с ними поверхност-

⁹⁹ *Бай* – уважительный суффикс, используется при обращении к женщине.

ными любезностями. «Если он не спустится в течение пяти минут, – сказал сам себе Махеш Капур, – я пойду наверх и лично его стащу с кровати. С таким же успехом он мог бы сидеть сейчас и в Варанаси, бесполезный сын. Где этот мальчишка? За Саидой-бай уже отправили автомобиль».

2.3

Вообще-то, машину за Саидой-бай и ее музыкантами отправили уже с полчаса тому, и Махеш Капур начал беспокоиться. Большая часть публики расселась на подушках, но некоторые гости по-прежнему стояли вокруг и разговаривали. Широко известно, что порой Саида-бай, будучи приглашенной выступить в одном месте, могла под воздействием сиюминутного порыва уехать куда-нибудь еще – навестить старую или новую пассию, увидеться с родней или даже спеть для узкого круга друзей. Она вела себя сообразно своим собственным желаниям. Эта политика или, точнее, тенденция могла бы сильно навредить ей в профессиональном плане, не будь ее голос и артистическая манера настолько пленительными и завораживающими. Была даже некоторая таинственность в этой ее безответственности, если поглядеть на нее в определенном свете. Впрочем, этот свет начал меркнуть для Махеша Капура, едва он слышал восклицания и рокот голосов у двери: Саида-бай и три ее аккомпаниатора наконец прибыли.

Выглядела она потрясающе. Даже если бы она не спела ни звука, а просто улыбалась бы знакомым, приветливо оглядывая собравшихся и задерживая взгляд на красивом мужчине или красивой (то есть современной) девушке, уже этого хватило бы большинству присутствующих мужчин. Но очень скоро она направилась к открытой стороне двора – той, что выходила в сад, и села рядом с фисгармонией¹⁰⁰, которую слуга принес для нее из машины. Она натянула паллу¹⁰¹ своего шелкового сари побольше на голову – накидка так и норовила соскользнуть, и одним из очаровательнейших жестов во время всего вечера стали эти изящные попытки поправить сари, чтобы голова не осталась непокрытой.

Музыканты – исполнители на табла, саранги и человек, брэнчавший на танпуре¹⁰², – сели и принялись настраивать инструменты, когда она нажала черную клавишу унизанной кольцами правой рукой, мягко нагнетая воздух через мехи левой, также украшенной драгоценностями. Таблаист маленьким серебряным молоточком подтянул кожаные ремешки на правом барабане, сарангист подкрутил колки и взял несколько аккордов смычком на струнах. Публика устраивалась поудобнее, сдвигалась, давая место вновь прибывшим слушателям. Несколько мальчиков, кое-кому едва исполнилось шесть, сели рядом с отцами или дядями. В воздухе чувствовалось радостное предвкушение. Неглубокие чаши с лепестками роз и жасмина пустили по кругу: те, кто, подобно Имтиазу, все еще не отошел от бханга, с наслаждением склонялись над ними, вдыхая мощный аромат.

Наверху, на балконе, две менее современные женщины смотрели вниз сквозь щели в тростниковой ширме и обсуждали наряд Саиды, узоры на нем, ее лицо, манеры, предысторию и голос:

– Хорошее сари, но ничего особенного. Она всегда носит шелка из Варанаси. Сегодня красный. В прошлом году был зеленый. Светофор прямо.

¹⁰⁰ *Фисгармония* – клавишно-пневматический музыкальный инструмент семейства гармоник, имеет фортепианную клавиатуру и располагается на полу или на столе.

¹⁰¹ *Паллу* – наголовная накидка, часть сари.

¹⁰² *Табла* – небольшой парный барабан; основной ударный инструмент индийской классической музыки. *Саранги* – индийский струнный смычковый инструмент лютневого типа, распространен в практике классического музицирования традиции хиндустани. *Танпура* (также тампура, тамбура) – индийский струнный щипковый музыкальный инструмент, используется для создания фонового аккомпанемента (бурдона) при исполнении раги.

- Посмотри, какое шитье зари¹⁰³.
- Весьма пышное, весьма – но, я полагаю, все это необходимо, при ее-то профессии, бедняжка.
- Ну уж не скажи. Тоже мне «бедняжка» – погляди на драгоценности. Это тяжелое золотое ожерелье, эта эмаль тонкой работы...
- Как по мне, немного отдает дурным вкусом.
- Ну и что, говорят, что это ей подарили люди из Ситагарха.
- О!
- И многие кольца тоже. Я думаю, она в любимицах у наваба Ситагарха. Говорят, он обожает музыку.
- И музыкантш?
- Естественно. Теперь она приветствует Махешджи и его сына Мана. Он, кажется, очень доволен собой. А это же губернатор, который...
- Да-да, все они, эти конгресс-валлы, одинаковы. Разглагольствуют о простоте и скромной жизни, а сами приглашают подобных людей развлекать своих друзей.
- Ну. Она ведь не танцовщица или что-то подобное.
- Не танцовщица. Но ты не станешь отрицать ее профессию.
- Но твой муж тоже пришел.
- Мой муж!
- Обе дамы, одна из которых была женой врача-отоларинголога, а вторая – супругой важного комиссионера обувной торговли, посмотрели друг на дружку с выражением раздраженной покорности обычаям мужчин.
- Теперь она здоровается с губернатором. Гляди, как он ухмыляется. Такой толстый коротышка – но, говорят, очень влиятелен.
- Арэ¹⁰⁴, а что этот губернатор делает, кроме как ленточки разрезает да роскошествует в своем правительственном доме? Ты слышишь, что она говорит?
- Нет.
- Каждый раз, когда она трясет головой, бриллиант у нее в носу так и вспыхивает. Что твоя фара в автомобиле!
- Это авто много пассажиров повидало в свое время.
- Да какое там время! Ей всего тридцать шесть. У нее гарантия еще на много миль пробега. А все эти кольца! Неудивительно, что она всем подряд творит адаб¹⁰⁵.
- В основном бриллианты и сапфиры, хотя мне отсюда не слишком хорошо видно. Ох, какой большой бриллиант на правой руке...
- Нет, это белый... как его там... хотела сказать «сапфир», но это не белый сапфир. Мне кто-то рассказывал, что он даже дороже бриллианта, но я не помню, как этот камень называется.
- И зачем она носит все эти стеклянные браслеты вместе с золотом? Смотрятся довольно дешево!
- Ну не зря же ее называют «Фирозабади». Даже если ее предки – по женской линии – и не родом из Фирозабада¹⁰⁶, то по крайней мере ее стекляшки – точно оттуда. О-хо-хо! Гляди, как она строит глазки молодым мужчинам!

¹⁰³ *Зари* (или джари) – нить из чистого золота или серебра, вплетаемая в ткани (обычно шелковые) для создания сложных узоров в традиционной индийской, бангладешской и пакистанской одежде.

¹⁰⁴ *Арэ* – «Слушай!», «Э!», «Эй!» (*хинди*).

¹⁰⁵ *Адаб* – индийский жест вежливости, уважения: правую руку поднимают к лицу ладонью внутрь так, чтобы она находилась перед глазами, а кончики пальцев почти касаются лба (верхняя часть туловища наклонена вперед). При этом обычно произносят: «Адаб арз хай».

¹⁰⁶ Город *Фирозабад* в западной части индийского штата Уттар-Прадеш известен своей стекольной промышленностью.

– Бесстыдница.
– Этот бедный юноша не знает, куда глаза девать.
– Кто он?
– Хашим, младший сынок доктора Дуррани. Ему всего восемнадцать.
– Хम्म...
– Очень хорошенький. Смотри, какой румянец.
– Румянец! Все эти мальчики-мусульмане только прикидываются девственниками, но души у них похотливые, вот что тебе скажу. Когда мы жили в Карачи...

Но в эту минуту Саида-бай Фирозабади, завершив обмен приветствиями с разнообразными представителями зрительного зала, тихо что-то сказала своим музыкантам и, засунув пан за правую щеку, дважды кашлянула, прочищая горло, и запела.

2.4

Стоило этому чудесному горлу издать всего несколько звуков, как тут же раздались восторженные «вах!», «вах!» и другие благодарные возгласы аудитории, вызвавшие признательную улыбку на губах Саиды-бай. Она, несомненно, была прекрасна, но в чем именно заключалась ее восхитительность? Большинство мужчин с трудом смогли бы подобрать слова, чтобы объяснить это, однако женщинам наверху стоило быть более проникательными. Внешне она выглядела приятно, не более того, однако у нее имелись все атрибуты выдающейся куртизанки – маленькие знаки благоволения, наклон головы, сверкающее украшение в носу, восхитительная смесь прямооты и избирательности в ее внимании к тем, кого она завлекала, отличное знание поэзии на урду, в частности газелей, которое не сочли бы поверхностным даже знатоки. Однако куда большее значение, чем все это, чем ее одежда, драгоценности и даже ее исключительный природный талант и музыкальное образование, имела шемящая сердечная боль в ее голосе. Откуда она произрастала, никто точно не знал, хотя слухи о ее прошлом были достаточно распространены в Брахмпуре. Даже эти женщины не могли сказать, что ее печаль была наигранной. Она казалась одновременно смелой и ранимой. Именно перед таким сочетанием устоять было невозможно.

Поскольку это был Холи, она начала свое выступление с нескольких песен Холи. Саида-бай Фирозабади была мусульманкой, но спела эти счастливые описания юного Кришны¹⁰⁷, играющего в Холи с коровницами из деревни своего приемного отца, с таким обаянием и энергией, словно ей довелось увидеть эту сценку воочию. Мальчишки в зале смотрели на нее с удивлением. Даже Савита, которая впервые присутствовала на Холи в доме свекра и свекрови и пришла скорее по обязанности, чем ради удовольствия, вдруг ощутила неподдельную радость.

Госпожа Рупа Мера, разрываясь между необходимостью защищать свою младшую дочь и неуместностью присутствия ее поколения, особенно вдовы, в сформированной части аудитории внизу, настрого приказав Прану не спускать глаз с Латы, исчезла наверху. Она наблюдала через щель в тростниковой ширме, говоря госпоже Капур:

– В мое время ни одной женщине не было позволено находиться во дворе в такой вечер.

Со стороны госпожи Рупы Меры было немного несправедливо высказывать такие упреки тихой и ранимой хозяйке, которая действительно говорила об этом своему мужу. Но от ее возражений просто нетерпеливо отмахнулись на том основании, что времена меняются.

Во время концерта гости то входили во внутренний двор, то выходили в сад, и Саида-бай, краем глаза уловив движение где-то среди публики, поприветствовала жестом нового гостя, и гармоническая линия ее аккомпанемента прервалась. Но скорбных звуков смычка на стру-

¹⁰⁷ Кришна (др. – инд. Kṛṣṇa, Kr̥ṣṇa, букв. «черный», «темный», «темно синий») – в индийской мифологии и религии сын Васудевы и Деваки, восьмой аватар (воплощение) Вишну, мыслимый как Спаситель индусов.

нах саранги, словно тени ее голоса, было более чем достаточно, и она часто оборачивалась к музыканту и благодарила его взглядом за особенно красивую имитацию или импровизацию. Однако наибольшее внимание досталось молодому Хашиму Дуррани, сидящему в первом ряду и краснеющему, словно свекла, каждый раз, когда она прерывала пение, чтобы сделать колкое замечание или посвятить ему какое-нибудь случайное двустушие. Саида-бай славилась тем, что в начале выступления выбирала среди слушателей одного человека и посвящала все свои песни ему, – он становился для нее жестоким убийцей, охотником, палачом и кем угодно еще, – собственно, он становился героем для ее газелей.

Саида-бай больше всего любила петь газели Мира¹⁰⁸ и Галиба, но также ей по вкусу были и Вали Деккани¹⁰⁹, и Маст, чьи стихи не пользовались большой популярностью у местных жителей, поскольку тот провел большую часть своей несчастной жизни, читая впервые многие из своих газелей в Барсат-Махале культурно обделенному навабу Брахмпуре, прежде чем его некомпетентное, обанкротившееся и лишенное наследников княжество было захвачено Британией. Так, первой из ее газелей в этот вечер стала именно газель Маста. И стоило ей спеть лишь первую фразу, как восхищенная публика разразилась ревом признательности.

«Не наклонялась я, но ворот порван мой...» – начала она, прикрыв глаза.

Не наклонялась я, но ворот порван мой,
хоть все шипы в траве, ничуть не выше.

– Ах! – беспомощно произнес судья Махешвари. Его голова на пухлой шее затряслась в экстазе.

А Саида-бай продолжала:

Могу ль невинной быть в чужих глазах,
судя меня, ловца готовы оправдать они же...

Тут Саида-бай бросила взгляд, исполненный одновременно томления и укора, на бедного восемнадцатилетку. Он тут же опустил глаза, а один из друзей толкнул его и восторженно спросил:

– Могу ль невинным быть? – что смутило юношу еще сильнее.

Лата сочувственно посмотрела на парня и с восхищением – на Саиду-бай.

«И как это ей удастся? – подумала она, восторгаясь и чуточку ужасаясь. – Их чувства словно податливая глина в ее руках, и все эти мужчины могут лишь ухмыляться и стонать! И Ман – хуже всех!» Лате обычно нравилась более серьезная классическая музыка. Но теперь она, как и ее сестра, тоже наслаждалась газелью, а еще, хоть это и было странно, преображенной романтической атмосферой Прем-Ниваса. Как хорошо, что ее мать ушла наверх.

Тем временем Саида-бай, протянув руку к гостям, пела:

Святоши так минуют дверь таверны —
терплю, как смотрят на меня, но не подходят ближе.

– Вах, вах! – громко воскликнул Имтиаз позади.

Саида-бай наградила его ослепительной улыбкой, затем нахмурилась, словно испугавшись. Однако снова взяла себя в руки и продолжила:

¹⁰⁸ Мир Таки Мир (Мухаммад Таки, 1722–1810) – индийский поэт, писавший на языке урду. Считается одним из «четырех столпов» поэзии урду (наряду с Мирзой Рафи Саудой, Миром Дардом и Мазхаром).

¹⁰⁹ Вали Деккани (Вали Аурангабади Шамс-уд-дин Валиулла, 1668–1744) – индийский поэт. Писал на языке урду и его диалекте дакхни. Мастерски владел разнообразными формами и жанрами поэзии.

Бессонной ночи вслед легчайший ветерок
шевелит воздух городской и ароматом дышит.
О чем теперь мне петь, совсем не вижу я,
пойду куда глаза глядят – меня услышат.

– Куда глаза глядят – меня услышат! – пропели одновременно двадцать голосов.

Саида-бай вознаградила их энтузиазм кивком. Но безбожие этого двустишия было превзойдено безбожием следующего:

Склоню колена, Кааба¹¹⁰ сердца моего,
и жду с молитвой взор твой будто свыше.

В рядах зрителей послышались вздохи, прокатился дружный стон. Ее голос почти сорвался на слове «свыше». Только совершенно бесчувственный чурбан посмел бы это порицать.

Ослеплена, как солнцем я, о Маст,
Вдруг облака волос и лунный лик увижу...

Ман был настолько тронут той почти декламационной выразительностью, с которой Саида-бай исполнила последнее двустишие, что невольно воздел к ней руки. Саида-бай закашлялась, прочищая горло, и загадочно взглянула на него. Ман ощутил жар и дрожь во всем теле и на какое-то время потерял дар речи, зато воспроизвел ритмический рисунок аккомпанемента на голове одного из своих деревенских племянников лет семи.

– Что вы хотите услышать следующим, Махешджи? – спросила его отца Саида-бай. – До чего чудесную публику вы всегда собираете в вашем доме! И такую осведомленную, что я порой чувствую себя лишней! Стоит мне лишь пропеть два слова – и вы, господа, завершаете газель!

Раздались восклицания: «Нет-нет!», «Что вы такое говорите?» и «Мы лишь ваши тени, Саида-бегум!»¹¹¹.

– Я уверена, что это не из-за моего голоса, а лишь благодаря вашей милости и милости Того, Кто наверху, – добавила она, – сегодня вечером я здесь. Я вижу, что ваш сын так же признателен мне за мои скромные усилия, как и вы были в течение многих лет. Должно быть, это в крови. Ваш отец, пусть он покоится с миром, был полон доброты к моей матери. И теперь я получаю вашу милость.

– Кто из нас кому оказывает милость? – галантно ответил Махеш Капур.

Лата невольно посмотрела на него с некоторым удивлением. Ман поймал ее взгляд и подмигнул. И она невольно улыбнулась в ответ. Теперь, когда они были родственниками, она чувствовала себя с ним не так скованно. Она вспомнила его утренние выходки, и улыбка вновь приподняла уголки ее губ. Теперь всегда, сидя на лекциях профессора Мишры, Лата невольно будет вспоминать уморительную картину: как он вылезает из ванны, мокрый, розовый и беспомощный, словно младенец.

¹¹⁰ *Кааба* – сердце ислама и главный пункт назначения мусульман-паломников всех стран, 15-метровый каменный куб, покрытый кисвой – специальным покрывалом черного цвета. Каабу опоясывает крупнейшая в мире Заповедная мечеть Масджид аль-Харам в Мекке.

¹¹¹ *Бегум* – титул знатной женщины и обращение к ней в мусульманских странах и районах Южной Азии; женский эквивалент мужских титулований «бек» или «бей».

– Однако некоторые молодые люди столь молчаливы, – продолжала Саида-бай, – что они сами могут быть идолами в храмах. Возможно, они так часто вскрывали свои вены, что у них не осталось крови, а? – очаровательно рассмеялась она.

Ах, сердце мотыльком летит на яркий свет...
Сегодня мой герой блистательно одет!

Молодой Хашим виновато окинул взглядом свою синюю вышитую курту. Но Саида-бай безжалостно продолжала:

Как его вкусу не воздать хвалу?
Он кажется мне принцем на балу!

Поскольку во многих стихах на урду, как и во многих из более ранних по времени персидских и арабских стихах, поэты обращались к молодым людям, Саиде-бай было несложно найти такие озорные отсылки к мужской одежде и манере поведения, чтобы было понятно, в кого летят ее стрелы. Хашим мог краснеть, гореть и кусать нижнюю губу, но ее колчан был бездонен. Она посмотрела на него и продолжила:

Алые губы твои – со вкусом медвяной росы.
О, Амрит Лал! – истинно имя твое.

Друзья Хашима к этому времени уже содрогались от смеха. Но, должно быть, Саида-бай поняла, что он больше не вынесет любовной травли, и смилостивилась, предоставив ему небольшую передышку. К этому моменту публика осмелела достаточно, чтобы выдвигать свои предложения, и после того, как Саида-бай, потакая своему вкусу, слишком интеллектуальному для столь чувственной певицы, исполнила одну из наиболее сложных и насыщенных аллюзиями газелей Галиба, кто-то из публики предложил одну из своих любимых – «Где встречи те? Где расставания?».

Саида-бай согласилась, повернулась к музыкантам, играющим на саранги и табла, и сказала им несколько слов. Саранги начал играть вступление к медленной, меланхоличной, ностальгической газели, написанной Галибом не на склоне лет, а в те дни, когда он был сам ненамного старше самой певицы. Но Саида-бай вложила в свои вопрошающие куплеты такую сладкую горечь, что тронула даже самые черствые сердца. И когда они присоединились в конце знакомой сентиментальной строчки, казалось, они задают вопрос себе, а не показывают соседям свою осведомленность. И эта проникновенность вызывала у певицы еще более глубокий отклик, так что даже последний сложный бейт, в котором Галиб возвращается к своим метафизическим абстракциям, стал кульминацией, а не отступлением от общего смысла газели.

После этого прекрасного исполнения публика лежала у ног Саиды-бай. Те, кто намеревался уехать не позднее одиннадцати часов, оказались не в силах сбросить чары, и вскоре незаметно уже перевалило за полночь.

Маленький племянник Мана уснул у него на коленях. Уснули и многие другие мальчики. Слуги унесли их и уложили спать. Сам Ман, который раньше часто влюблялся и поэтому был склонен к своеобразной приятной ностальгии, был ошеломлен последней газелью Саиды-бай. Он задумчиво раскусил орех кешью. Что он мог поделать? Он чувствовал, как неумолимо влюбляется в нее. Саида-бай теперь продолжила свои заигрывания с Хашимом, и Ман ощутил легкий укол ревности, когда она пыталась получить от юноши ответ:

Тюльпану ли, розе – им ли равняться с тобою?

Сколь же метафоры эти бессильны...

Когда эти строки не привели ни к какому результату, заставив молодого человека лишь беспокойно поерзать на месте, она попыталась исполнить более смелое двустишие:

Персик твоей красоты восхищает весь мир —
даже пушок на щеках выглядит истинным чудом!..

Это нашло отклик. Здесь было два каламбура – один мягкий и один не слишком. «Мир» и «чудо» обозначались одним и тем же словом «алам», а «пушок на щеках», звучавший на урду как «кат», могло быть истолковано как «письмо». Хашим, у которого на лице был легкий пушок, изо всех сил старался вести себя так, будто «кат» означает просто «письмо», но это стоило ему немалого конфуза. Он оглянулся на отца в поисках поддержки в своих страданиях – собственные друзья ничем не помогли, так как давно решили присоединиться к поддразниванию. Но рассеянный доктор Дуррани сидел в полудреме где-то позади. Один из друзей нежно потер щеку Хашима и потрясенно вздохнул. Покраснев, Хашим поднялся, чтобы покинуть двор и погулять в саду. Стоило ему привстать, как Саида-бай выстрелила в него Галибом:

Только имя мое помянули – и она поднялась, чтоб уйти...

Хашим, чуть не плача, сотворил адаб Саиде-бай и покинул внутренний двор поместья. Лате, чьи глаза горели безмолвным восторгом, стало жаль его, но вскоре ей тоже пришлось уехать с матерью, Савитой и Праном.

2.5

Зато Ман совершенно не жалел своего зардевшегося соперника. Он выступил вперед, кивнул налево и направо, почтительно поприветствовав певицу, и уселся на место Хашима. Саида-бай была рада приятной компании пусть и юного, но добровольца во вдохновители на остаток вечера. Она улыбнулась ему и произнесла:

Не отвергай постоянства, о сердце,
любовь без него не имеет опоры!

На что Ман ответил мгновенно и решительно:

Где б Даг¹¹² ни сел – свое место он занял.
Пусть оставляют собранье другие, он – никуда не уйдет!

Это было встречено смехом публики, но Саида-бай решила оставить последнее слово за собой, ответив собственными стихами:

Как же Даг пристально может смотреть!..
Лучше б под ноги глядел, чтобы ему не споткнуться.

¹¹² Даг Дехлеви (Наваб Мирза Хан; 1831–1905) – выдающийся индийский поэт, известный своими газелями на языке урду. Относился к старой Делийской школе поэзии.

После такого ответа зал разразился спонтанными аплодисментами. Ман обрадовался так же, как и все остальные, что Саида-бай Фирозабади побила его туза или, если можно так сказать, покрыла десяткой его девятку. Она смеялась так же, как и остальные, как и ее аккомпаниаторы – толстый таблаист и его худошавый коллега с саранги. Вскоре Саида-бай подняла руку, призывая к тишине, и сказала:

– Надеюсь, эта часть аплодисментов предназначалась моему юному остроумному другу.

Ман с игривым раскаянием ответил:

– Ах, Саида-бегум, хватило у меня отваги шутить над вами, но все мои попытки были тщетны!

Публика вновь засмеялась, и Саида-бай Фирозабади наградила его за эту цитату из газели Мира прекрасным ее исполнением:

Как ни готовься к тому, нет от болезни лекарства.
В боли сердечной смертельное скрыто коварство.
Юность проходит в слезах, старость в покое.
Ночи бессонные прежде, ныне – вечное сонное царство.

Ман смотрел на нее, очарованный. Очарованный и восхищенный. Что может быть прекраснее, чем лежать без сна долгими ночами, до самого рассвета, слушая ее голос у своего уха?

Беспомощных нас осуждали за вольность поступков и мысли.
Делая сами лишь что захотят, они клеветали на нас.
Здесь, в мире света и тьмы, все, что мне оставалось:
смена страдания днем на мученья ночные. А вас
отчего так волнует, что случилось с религией Мира – исламом?
Нося знак брамина, к идолам в храм он приходит сейчас.

Ночь продолжалась, шутки чередовались с музыкой. Было уже очень поздно. Публика из сотни поредела до дюжины. Но Саида-бай теперь была настолько погружена в музыку, что оставшиеся пребывали в полном восторге. Они сошлись в более тесный кружок. Ман не знал, во что погрузиться больше – в слух или созерцание. Время от времени Саида-бай прерывала пение и вела беседу с уцелевшими адептами. Она отпустила саранги и танпуру. В конце концов отослала даже своего таблаиста, глаза которого совсем слипались. Остались только ее голос и фисгармония, но им хватало очарования. Уже светало, когда она сама зевнула и поднялась.

Ман смотрел на нее с желанием и усмешкой во взгляде.

– Я позабочусь о машине, – сказал он.

– А я пока пойду в сад, – сказала Саида-бай. – Это самое прекрасное время ночи. Просто отправьте ее, – указала она на фисгармонию, – и остальные вещи ко мне домой завтра утром. Так что ж, – продолжила она для пяти или шести человек оставшихся во дворе:

Ныне же Мир идолов этих в храме оставил —
мы еще встретимся с ним...

Ман завершил куплет:

...будет на то Божья воля.

Он смотрел на нее в ожидании признательности, но она уже направилась в сад. Саида-бай Фирозабади, внезапно уставшая «от всего этого» (хотя от чего «всего этого»?), минуту или

две бродила по саду Прем-Ниваса. Она коснулась глянцевых листьев помело. Харсингар уже отцвел, а цветы жакаранды¹¹³ опали во мраке. Она окинула взглядом сад и улыбнулась себе немного грустно. Было тихо. Ни сторожа, ни даже сторожевой собаки. На ум пришло несколько любимых строк из малоизвестного поэта Миная, и она не пропела, а прочитала их вслух:

Собранье завершилось... Мотыльки,
прощайтесь с догоревшими свечами!
Вас манят в небо звезды-светляки,
помаргивая летними ночами.

Она слегка закашлялась – ночью внезапно похолодало – и плотнее закуталась в свою легкую шаль, ожидая, пока кто-нибудь проводит ее к дому, который тоже находился в Пасанд-Багхе, всего в нескольких минутах ходьбы.

2.6

На следующий день после того, как Саида-бай пела в Прем-Нивасе, было воскресенье. Беззаботный дух Холи все еще витал в воздухе. Ман никак не мог выбросить Саиду-бай из головы.

Он бродил в оцепенении. Слегка пополудни он организовал отправку фисгармонии к ней домой, и ему ужасно хотелось самому сесть в машину. Но это было не самое лучшее время для посещения Саиды-бай, которая в любом случае никак не дала ему понять, что будет рада снова его видеть.

Ман томился от безделья. Это было частью его проблемы. В Варанаси были какие-то дела, способные отвлечь его. В Брахмпуре он всегда чувствовал себя в безвыходном положении. Впрочем, на самом деле он не слишком возражал. Ему не очень-то нравилось чтение, но зато он любил гулять с друзьями.

«Может, стоит навестить Фироза?» – решил он.

Затем, думая о газелях Маста, он запрыгнул в тонгу и велел тонга-валле отвезти его к Барсат-Махалу. Прошли годы с тех пор, как он был там, и мысль увидеть Барсат-Махал показалась ему заманчивой.

Тонга проехала через зеленые обжитые «колонии» восточной части Брахмпуре и добралась до Набиганджа, торговой улицы, знаменующей конец простора и начало шума и суматохи. Старый Брахмпур лежал за ним, и почти в самом конце западной части старого города, над Гангой, росли роскошные сады и высилось еще более прекрасное мраморное здание Барсат-Махала.

Набигандж – фешенебельная торговая улица, где по вечерам можно встретить фланирующих туда-сюда представителей брахмпурской знати. Сейчас, жарким днем, покупателей было не так много. Лишь несколько машин, тонги и велосипеды. Вывески на Набигандже были напечатаны на английском, и цены соответствовали вывескам. Книжные магазины, такие как «Имперский книжный развал», хорошо организованные универсальные магазины, такие как «Даулинг и Снэпп» (где нынче заправляли индийцы), отличные портняжные мастерские, такие как «Ателье Магоряна», где Фироз заказывал всю свою одежду (начиная с костюмов и заканчивая ачканами), обувной магазин «Прага», элегантный ювелирный магазин, рестораны и кофейни, подобные «Рыжему лису» и «Голубому Дунаю», и два кинотеатра – «Манорма Толкис» (где показывали фильмы на хинди) и «Риалто» (который в основном занимался показом

¹¹³ Жакаранда – род растений семейства бигнониевых (в роду насчитывается около пятидесяти видов), обычно большие или средней величины вечнозеленые деревья тропиков и субтропиков, обильно цветущие красивыми сиреневыми цветами.

голливудских картин и фильмов британской студии «Илинг»). Каждое из этих мест играло какую-либо роль, главную или второстепенную, в тех или иных любовных интрижках Мана. Но сегодня, когда тонга проносилась по широкой улице, Ман не обращал на них внимания. Тонга свернул на дорогу поменьше и почти сразу же на еще меньшую. Теперь они были в совершенно другом мире.

Тонге как раз хватало места, чтобы проехать между телегами с волами, рикшами, велосипедами и пешеходами, заполонившими дорогу и тротуар, который они делили с уличными цирюльниками, гадалками, хлипкими чайными лотками, овощными ларьками, дрессировщиками обезьян, чистильщиками ушей, карманниками, заблудшей скотиной, случайным сонным полицейским, прогуливающимся в выцветшей форме цвета хаки, мокрыми от пота амбалами, несущими на спинах неподъемные грузы меди, стекла и макулатуры и вопившими: «Поберегись!» – зычными голосами, каким-то образом пробивавшимися сквозь грохот, лавками сукна и изделий из меди, хозяева которых завлекали покупателей криками и жестами, резным каменным входом в открывшуюся во дворе переоборудованного хавели¹¹⁴ прогоревшего аристократа школу «Тайни Тотс» с изучением английского и нищими – молодыми и старыми, злобными и кроткими, прокаженными, искалеченными или слепыми, с наступлением вечера тайком от полиции пробирающимися на Набигандж, чтобы промышлять в очередях в кинозалы.

Вороны каркали, оборванные мальчишки носились по поручениям. Один из них балансировал шестью маленькими грязными чайными стаканчиками на дешевом жестяном подносе, пробираясь через толпу. Обезьяна болтала и прыгала вокруг огромного фикусового дерева с дрожащими листьями и подкарауливала неосторожных покупателей, выходящих из хорошо охраняемой лавки с фруктами, женщины, укутанные в паранджу или в ярких сари, в сопровождении мужчин или без оных, несколько студентов из университета, развалившихся вокруг тележек с чатом¹¹⁵ и кричавших друг другу с расстояния в тридцать сантиметров то ли по привычке, то ли чтобы их услышали, грязные собаки грызались и получали пинка, скелетообразные кошки мяукали и уворачивались от брошенного камня. Мухи копошились везде – на кучах зловонного гниющего мусора, на неприкрытых лакомствах на лотках торговцев сладостями, где на огромных изогнутых сковородах с маслом гхи шипел вкуснейший джалеби¹¹⁶, на лицах наряженных в сари, но не одетых в паранджу женщин, на ноздрях лошади, трясущей своей ослепленной головой и пытавшейся пробраться через Старый Брахмпур в сторону Барсат-Махала.

Ман прервал свои размышления, увидев Фироза, стоявшего возле уличного киоска. Он тут же остановил тонгу и сошел к нему.

– Фироз, долго жить будешь – я как раз думал о тебе. Примерно полчаса назад!

Фироз сказал, что он просто бродил по округе и решил купить трость.

– Ты себе или отцу?

– Себе.

– Мужчина, вынужденный купить трость в свои двадцать, может и не прожить долгой жизни, – сказал Ман.

Фироз, попиравшись на разные трости под разными углами, выбрал одну из них и, не торгуясь, купил.

– А ты что тут делаешь? Едешь навестить Тарбуз-ка-Базар? – спросил он.

¹¹⁴ *Хавели* – вид зданий-дворцов, служивших жилыми и торговыми помещениями для зажиточных купцов преимущественно мусульманского происхождения в современных северной Индии и Пакистане.

¹¹⁵ *Чат* – пряная закуска, чаще продающаяся в придорожных киосках или с тележек.

¹¹⁶ *Джалеби* – десерт, популярный в Индии, на Ближнем Востоке и в северной Африке: нити из теста, приготовленного из пшеничной муки тонкого помола, жаренные во фритюре из гхи и политые сахарным сиропом. Может подаваться горячим или холодным.

– Не будь таким гнусным, – весело сказал Ман; Тарбуз-ка-Базар был улицей певиц и проституток.

– О, но я совсем позабыл, – лукаво сказал Фироз. – Зачем тебе дыни, если можно вкушать персики Самарканда?

Ман нахмурился.

– Какие новости о Саиде-бай? – продолжал Фироз, который с задних рядов наслаждался предыдущей ночью.

Фироз, хоть и уехал к полуночи, ощутил, что, несмотря на помолвку Мана, в жизнь его друга снова вошла любовь. Должно быть, он знал и понимал Мана лучше, чем кто-либо.

– А чего ты ожидаешь? – немного угрюмо спросил Ман. – Все будет идти своим чередом. Она даже не позволила мне проводить ее домой.

«Это совершенно не похоже на Мана», – подумал Фироз, которому редко доводилось видеть друга в подавленном настроении.

– Так куда ты едешь? – спросил он его.

– В Барсат-Махал.

– Чтобы положить этому конец? – осторожно спросил Фироз. (Парапет Барсат-Махала находился прямо у Ганги и каждый год становился местом романтических самоубийств.)

– Да-да, чтобы все это закончилось, – нетерпеливо сказал Ман. – А теперь скажи мне, Фироз, что ты мне посоветуешь?

Фироз засмеялся.

– А ну повтори. Я просто ушам своим не верю! – сказал он. – Ман Капур, брахмпурский красавец, к ногам которого так и падают женщины из хороших семей и, наплевав на репутацию, вьются вокруг него, словно пчелы вокруг лотоса, ищет совета у сурового и безупречного Фироза о том, как поступать в делах сердечных. Ты ведь не моего юридического совета спрашиваешь, а?

– Если ты собираешься и дальше продолжать в таком духе... – недовольно начал Ман. Вдруг некая мысль поразила его. – Фироз, почему Саиду-бай зовут Фирозабади? Я думал, она местная.

– Ну, семейство ее в самом деле родом из Фирозабада, – ответил Фироз. – Но и только. А на самом деле ее мать Мохсина-бай давно поселилась в Тарбуз-ка-Базаре и Саида-бай выросла в этой части города. – Он указал тростью в сторону неблагополучного района. – Но, разумеется, сама Саида-бай теперь, когда она вскарабкалась на вершину и живет в Пасанд-Багхе – и дышит тем же воздухом, что и мы с тобой, – не любит, когда люди вспоминают, где она родилась.

Ман пару секунд обдумывал услышанное.

– Откуда тебе так много известно о ней? – озадаченно спросил он.

– О, даже не знаю, – сказал Фироз, отгоняя муху. – Подобная информация просто в воздухе витает. – Не обращая внимания на изумление в глазах Мана, он продолжил: – Но мне пора. Отец хочет, чтобы я познакомился со скучным человеком, который явится на чай.

Фироз прыгнул в тонгу Мана.

– Слишком много народу, чтобы кататься на тонге по Старому Брахмпуру. Лучше прогуляйся пешком, – сказал он Ману и уехал.

Ман бродил, размышляя – но не очень долго – о том, что сказал Фироз.

Напевая строчки из газели, засевшие у него в голове, он остановился, чтобы купить пан (он предпочитал более пряный, темно-зеленый пан всем прочим сортам), маневрируя, перешел через дорогу сквозь толпу велосипедистов, рикш, тележек, людей и скота и оказался в Мисри-Манди, неподалеку от небольшой овощной лавки рядом с тем местом, где жила его сестра Вина.

Чувствуя укоры совести за то, что он спал, когда она приходила в Прем-Нивас накануне днем, Ман импульсивно решил навестить ее и своего зятя Кедарната и племянника Бхаскара.

Ман очень любил Бхаскара и обожал подкидывать тому арифметические задачки, словно мяч дрессированному тюленю.

Когда он вошел в жилые районы Мисри-Манди, переулки стали уже, прохладнее и немного тише, хотя там одни люди сновали туда-сюда, другие просто бездельничали или играли в шахматы на выступе возле храма Радхакришны, стены которого все еще пестрели разноцветьем Холи. Полоса яркого солнечного света над его головой теперь была тонкой и ненавязчивой, и мух стало меньше. После поворота в еще более узкий переулок, всего три фута в ширину, едва увернувшись от коровы, которая решила помочиться, Ман прибыл в дом своей сестры.

Это был очень узкий дом – трехэтажный, с плоской крышей, примерно по полторы комнаты на каждом этаже и центральной решеткой в середине лестничной клетки, пропускающей солнечный свет до самого низа. Ман вошел через незапертую дверь и увидел старую госпожу Тандон, свекровь Вины, жарившую что-то на сковороде. Пожилая госпожа Тандон не одобряла музыкального вкуса Вины, и именно из-за нее семье пришлось вернуться домой прошлым вечером, так и не послушав выступления Саиды-бай. Старуха всегда вызывала дрожь у Мана. Промямлив ей что-то вроде приветствия, он поднялся по лестнице и вскоре обнаружил Вину и Кедарната на крыше. Они играли в чаупар¹¹⁷ в тени решетки и в данный момент явно о чем-то пререкались.

2.7

Вина была на несколько лет старше Мана и фигурой – приземистой и коренастой – пошла в мать. Когда Ман появился на крыше, голос ее звучал на повышенных тонах, а пухлое и обычно веселое лицо хмурилось, но стоило ей увидеть Мана, как оно снова расплылось в улыбке. Затем Вина что-то вспомнила и опять помрачнела.

– Итак, ты пришел извиниться. Чудесно! И вовсе не поторопился. Мы все были вчера очень недовольны тобой. Что ты за брат такой, если спишь часами напролет, зная, что мы приедем в Прем-Нивас?

– Но я думал, ты останешься на песни... – сказал Ман.

– Да-да, – сказала Вина, качая головой. – Я более чем уверена, что ты думал обо всем об этом, когда засыпал. Разумеется, совершенно точно не из-за бханга. И у тебя просто вылетело из головы, что нам нужно было отвезти мать Кедарната домой раньше, чем начнется музыка. Ну, хотя бы Пран прибыл загодя и встретил нас в Прем-Нивасе с Савитой, его тещей и Латой.

– Ах, Пран, Пран, Пран! – раздраженно проговорил Ман. – Вечно он герой, а я, как всегда, злодей!

– Это неправда, не драматизируй, – сказала Вина. Она опять видела в Мане маленького мальчика, который пытался стрелять в голубей из рогатки, утверждая, что он – лучник из «Махабхараты»¹¹⁸. – Просто ты совершенно безответственный человек.

– И все равно – о чем вы спорили, когда я поднимался по лестнице? И где Бхаскар? – спросил Ман. Вспомнив о недавних упреках отца, он решил сменить тему.

– Запускает с друзьями воздушных змеев. Кстати, он тоже обиделся и хотел тебя разбудить. Придется тебе сегодня поужинать с нами, чтобы загладить вину.

– А-а-а... – нерешительно протянул Ман, раздумывая, а не рискнуть ли ему и не заглянуть ли в дом Саиды-бай этим вечером. Он закашлялся. – Но почему вы ссорились?

¹¹⁷ *Чаупар* – традиционная индийская семейная игра, очень похожая на пачиси. Является представителем игр типа «крест и круг». Игра ведется с помощью фишек и игровых костей на специальном поле, изображающем храм и четыре дороги к нему. Цель игры – раньше соперников привести все свои фишки в центральный квадрат.

¹¹⁸ То есть Арджуна («белый/светлый, серебряный») – лучник, герой древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

– Мы не ссорились, – мягко сказал Кедарнат, улыбаясь Ману.

Зятю Мана было едва за тридцать, но он уже седел. Беспокойный оптимист, он, в отличие от Мана, был, если так можно выразиться, слишком ответственным человеком, и трудности, которые обрушились на него, когда он начинал жизнь с нуля в Брахмпуре после революции, преждевременно состарили его.

Когда он был не в пути куда-нибудь на юг Индии, чтобы набрать заказов, то до поздней ночи работал в своем магазине в Мисри-Манди. Именно вечерами здесь велись дела и посредники вроде него покупали корзины обуви у сапожников. Однако послеобеденное время было довольно свободным.

– Нет, не ссорились! Совсем не ссорились! Мы просто спорили из-за чаупара, вот и все, – поспешно сказала Вина, снова бросая ракушки каури, считая очки и количество ходов своих фигур вперед по крестообразной доске из ткани.

– Да-да, я верю, верю, – сказал Ман.

Он сел на коврик, разглядывая цветочные горшки с пышными, крупнолистными растениями, которые госпожа Капур подарила своей дочери для украшения сада на крыше. Сари Вины сушились на одной стороне крыши, вся терраса была забрызгана красками Холи. Позади крыши виднелись нагромождения других крыш, минареты, башни и купола храмов, простирающиеся до самой железной дороги и станции «Новый Брахмпур». Несколько бумажных змеев – розовых, зеленых и желтых, тоже в цветах Холи, – сражались друг с другом в безоблачных небесах.

– Пить хочешь? – торопливо спросила Вина. – Принесу тебе шербета. Или ты будешь чай? Боюсь, что у нас нет тхандая, – щедро предложила она.

– Нет, спасибо... Но может, ты ответишь на мой вопрос? О чем спор? – спросил Ман. – Дай-ка угадаю... Кедарнат хочет взять вторую жену и, естественно, желает твоего согласия.

– Не глупи! – сказала Вина слегка резко. – Я хочу второго ребенка, и, естественно, мне нужно согласие Кедарната. Ой! – воскликнула она, осознав свою несдержанность, и взглянула на мужа. – Я не нарочно. В любом случае он мой брат, и мы ведь можем спросить его совета.

– Но советов моей матери в этом вопросе ты не хочешь, так? – возразил Кедарнат.

– Что ж, теперь уже поздно, – весело сказал Ман. – А зачем тебе второй ребенок? Бхаскара разве недостаточно?

– Мы не можем себе позволить завести второго ребенка, – сказал Кедарнат с закрытыми глазами – Вину раздражала эта привычка. – По крайней мере сейчас. Мой бизнес... ну, ты в курсе, как обстоят дела. А теперь сапожники собрались бастовать. – Он открыл глаза. – К тому же Бхаскар такой смышленный, что мы хотим обеспечить ему лучшее обучение. А это недешево.

– Да, мы, конечно, хотели, чтобы он был глупым, но увы...

– Вина, как всегда, блещет остроумием, – сказал Кедарнат. – Всего за два дня до Холи она напомнила мне, что нам очень трудно сводить концы с концами из-за арендной платы, роста цен на продукты и всего прочего. И о стоимости ее уроков музыки, лекарств моей матери, особых учебников по математике для Бхаскара и моих сигарет. Сказала, что мы вынуждены считать каждую рупию, а теперь утверждает, что мы обязаны завести еще одного ребенка, потому что каждое рисовое зерно, которое он съест, уже отмечено его именем. Женская логика! Она родилась в семье, где было трое детей, и потому считает, что иметь троих детей – закон природы. Ты хоть можешь представить себе, как мы будем выживать, если все они будут такими же умными, как Бхаскар?

Кедарнат, который обычно был тем еще подкаблучником, неплохо сопротивлялся.

– Как правило, умный только первый ребенок, – сказала Вина. – Я могу гарантировать, что следующие двое будут такими же глупыми, как Пран и Ман. – Она продолжила шить.

Кедарнат улыбнулся, взял пестрые каури в покрытую шрамами ладонь и бросил их на доску. Обычно он, как человек чрезвычайно вежливый, был весь внимание при Мане, но чау-

пар есть чаупар, и, начав играть в него, практически невозможно остановиться. Эта игра увлекала и захватывала даже больше, чем шахматы. Ужин в Мисри-Манди остывал, гости уходили, кредиторы то и дело вспыхивали раздражением, но игроки в чаупар молили дать им сыграть еще разочек. Старая госпожа Тандон однажды выкинула тканевую доску и проклятые раковины в заброшенный колодец в соседнем переулке, но, несмотря на финансовое положение семьи, новый набор был куплен, и парочка бездельников теперь играла на крыше, хоть там и было жарче. Таким образом они избегали встреч с матерью Кедарната, чьи проблемы с желудком и артрит затрудняли ей подъем по лестнице. В Лахоре из-за горизонтального расположения дома и из-за усвоенной ею роли непререкаемого матриарха богатого и компактного семейства она осуществляла тотальный, даже тиранический контроль. Ее мир рухнул из-за болезненного Раздела¹¹⁹.

Разговор прервал возмущенный крик с соседней крыши. Крупная женщина средних лет в алом хлопковом сари кричала с крыши на незримого противника:

– Они жаждут моей гибели, это ясно! Ни минуты покоя, ни лечь ни сесть. Стук мячей сводит меня с ума... Конечно! Внизу слышно все, что происходит на крыше! Эй вы, кахары¹²⁰ несчастные, бесполезные вы судомойки, уймите же наконец своих детей!

Заметив Вину и Кедарната на их крыше, она перешла по соединяющему крыши мостку, пробравшись сквозь небольшую щель в дальней стене. Своим пронзительным голосом, неухоженными зубами и большими, растопыренными, обвисшими грудями она произвела неизгладимое впечатление на Мана.

После того как Вина представила их, женщина с яростной улыбкой сказала:

– О, так это тот самый, который не женат?

– Да, тот самый, – признала Вина. Она не стала искушать судьбу упоминанием помолвки Мана с девушкой из Варанаси.

– Но ты разве не сказала мне, что познакомила его с той девушкой, напомни, как ее зовут, той, что приехала сюда из Аллахабада навестить своего брата?

– Поразительно, как обстоят дела с некоторыми людьми. Ты говоришь им «А», а они думают «Я».

– Что ж, это вполне естественно, – хищно произнесла женщина. – Молодой мужчина, молодая женщина...

– Она была очень хорошенькой, – сказала Вина. – С глазами словно у лани.

– Но, к счастью, нос у нее не такой, как у брата, – добавила женщина. – Нет, он гораздо лучше. И даже ноздри вздрагивают слегка – точно как у лани...

Отчаявшись поиграть в чаупар, Кедарнат поднялся, чтобы пойти вниз. Он терпеть не мог визитов этой чрезмерно дружелюбной соседки. С тех пор как ее муж установил у них в доме телефон, она стала еще более навязчивой и напористой.

– Как мне надлежит называть вас? – спросил женщину Ман.

– Бхабхи. Просто бхабхи, – сказала Вина.

– Так... как она тебе, понравилась? – спросила женщина.

– Чудесно, – сказал Ман.

– Чудесно? – повторила женщина, восторженно зацепившись за слово.

– Я имел в виду – чудесно, что я должен называть вас бхабхи.

– Он очень изворотливый, – сказала Вина.

– Я тоже не промах, – заявила ее соседка. – Тебе стоит приходить сюда, знакомиться с людьми, знакомиться с хорошими женщинами, – обратилась она к Ману. – Что хорошего в жизни в колониях? Я тебе говорю: посещая Пасанд-Багх или Сивил-Лайнс, я чувствую, как мой

¹¹⁹ Разделение Британской Индии на независимые Индию и Пакистан в 1947 г.

¹²⁰ *Кахары* – каста лодочников-перевозчиков.

мозг через четыре часа дохнет. А когда я возвращаюсь в переулки нашего района, мозги снова начинают шевелиться. Люди здесь заботятся друг о друге: если кто-то заболевает, все соседи спрашивают о нем. Но тебя будет сложно исправить. Тебе нужна девушка повыше среднего...

– Меня это не слишком волнует, – рассмеялся Ман. – Как по мне, и невысокие хороши.

– То есть тебе совершенно все равно, высокая она или низкая, темная или светлая, худая или толстая, уродливая или красивая?

– И снова «Я» вместо «А», – сказал Ман, глядя в сторону их крыши. – Кстати, мне нравится ваш метод сушки блузок.

Женщина коротко хохотнула. Это могло бы прозвучать самоуничижительно, если бы не было так громко. Она оглянулась на стальную подставку, расположенную над резервуаром для воды.

– На моей крыше нет другого места, – сказала она. – Все веревки на вашей стороне... Знаешь, – продолжила женщина не в тему, – брак – это странная штука. Я читала в «Стар-Гэйзере», что девушка из Мадраса, удачно вышедшая замуж, мать двоих детей, посмотрела «Халчал»¹²¹ пять раз – целых пять раз! – и совсем одурела с этим Далипом Кумаром. Прямо спятила. И она поехала к нему, совершенно не представляя, что творит, поскольку у нее даже не было его адреса. Затем при помощи одного из этих фан-журналов она нашла его, взяла там такси и обрушила на него всевозможные безумные, одержимые речи. В конце концов он дал ей сто рупий на обратную дорогу и выставил за дверь. Но она вернулась.

– Далип Кумар! – нахмурилась Вина. – Я не очень много знаю о его игре. Думаю, он все это выдумал для рекламы.

– О, нет-нет! Вы видели его в «Дидаре»?¹²² Он удивительный! И «Стар-Гэйзер» пишет, что он такой хороший человек – он вовсе не ищет публичности. Вели Кедарнату, чтобы остерегался мадрасских женщин, он проводит там столько времени, а они очень яростные... Я слышала, они даже свои шелковые сари стирают неосторожно, они просто бросают и плюх-плюх-плюх, словно прачки под краном... Ой, молоко убежало! – с внезапной тревогой воскликнула женщина. – Мне надо идти, надеюсь, что не убежало, а то муж...

И она бросилась прочь по крышам, словно огромное красное привидение.

Ман рассмеялся.

– Я тоже пойду, – сказал он. – С меня хватит жизни за пределами колоний. Мой мозг слишком сильно шевелится.

– Ты не можешь уйти, – строго и ласково сказала Вина. – Ты только пришел. Все говорили, что вы играли в Холи все утро с Праном, его знакомым профессором, Савитой и Латой, так что ты можешь провести с нами сегодня весь день. И Бхаскар будет очень злиться, если опять придется скучать по тебе. Ты бы его вчера видел. Он был похож на черного чертенка.

– Он будет в магазине вечером? – спросил Ман, чуть покашливая.

– Полагаю, что да. Размышляет о чертежах обувных коробок. Станный мальчик, – сказала Вина.

– Тогда я заеду к нему на обратном пути.

– На обратном пути откуда? – спросила Вина. – А ты не зайдешь пообедать?

– Я постараюсь, обещаю, – сказал Ман.

– Что с твоим горлом? – спросила Вина. – Ты засиделся допоздна, верно? Интересно насколько. Или это оттого, что ты промок на Холи? Я дам тебе чай с душандой, чтобы вылечить горло.

– Нет, это гадость! Сама прими для профилактики! – воскликнул Ман.

– А скажи... понравились тебе песни? А певица? – спросила она его.

¹²¹ «Переполах» (хинди).

¹²² «Дидар» – «Взгляд» (хинди).

Ман так равнодушно пожал плечами, что Вина забеспокоилась.

– Будь осторожен, Ман, – предупредила она его.

Ман слишком хорошо знал свою сестру, чтобы пытаться отстаивать свою невиновность. Кроме того, Вина достаточно скоро услышит о его флирте на публике.

– Ты ведь не ее собираешься навестить? – резко спросила его Вина.

– Нет, не дай бог, – ответил Ман.

– Да уж, не дай бог. Так куда ты идешь?

– В Барсат-Махал, – сказал Ман. – Пойдем со мной! Помнишь, мы в детстве ходили туда на пикники? Пойдем! А то ты только и делаешь, что играешь в чаупар.

– А чем мне еще, по-твоему, скрашивать свои дни? Позволь сказать, я работаю почти столько же, сколько аммаджи¹²³. Вот, кстати, вчера я увидела, что спилили верхушку дерева ним¹²⁴, на которое ты в детстве залезал, чтобы добраться до верхнего окна. И Прем-Нивас изменился из-за этого.

– Да, она очень рассердилась, – сказал Ман, думая о матери. – Департамент общественных работ должен был просто его обрезать, чтобы избавиться от гнезда стервятника, но наняли подрядчика, который срубил столько дров, сколько смог, и сбежал. Но ты же знаешь аммаджи. Все, что она сказала: «Вы поступили неправильно».

– Если бы баоджи хоть немного поинтересовался этим вопросом, он сделал бы с тем человеком то же, что тот сделал с деревом, – сказала Вина. – В той части города так мало зелени, что начинаешь ценить каждую веточку. Когда моя подруга Прийя пришла на свадьбу Прана, сад выглядел так красиво, что она сказала мне: «Я чувствую себя так, словно меня выпустили из клетки». У нее даже сада на крыше нет, бедняжка. И ее почти никогда не выпускают из дому. «Заходи в паланкин, оставайся на носилках» – вот как в той семье поступают с невестками.

Вина мрачно посмотрела поверх крыш на дом своей подруги в соседнем районе. Ее осенила мысль.

– Баоджи говорил с кем-нибудь о работе Прана вчера вечером? Разве губернатор не мог бы помочь с этой вакансией? Как ректор университета?

– Если отец что-то и говорил, я не слышал, – сказал Ман.

– Хмм, – не слишком радостно сказала Вина. – Насколько я знаю баоджи, он, наверное, думал об этом, а затем отбросил эту мысль прочь, как недостойную его внимания. Даже нам пришлось ждать своей очереди, чтобы получить эту жалкую компенсацию за потерю бизнеса в Лахоре. И то только потому, что аммаджи день и ночь работала в лагерях беженцев. Иногда мне кажется, что его волнует лишь политика. Прийя говорит, ее отец такой же ужасный. Ладно, до восьми часов! Я испеку твои любимые алу-паратха!¹²⁵

– Ты можешь запугать Кедарната, но не меня, – с улыбкой сказал Ман.

– Хорошо, иди, иди! – сказала Вина, покачав головой. – Такое чувство, что мы все еще в Лахоре, судя по тому, как часто видимся.

Ман примирительно и утешающе поцокал языком и легонько вздохнул.

– Из-за всех этих поездок я иногда чувствую, что у меня как будто четверть мужа, – продолжила Вина. – И по восьмой части от каждого брата. – Она свернула доску для чаупара. – Когда ты вернешься в Варанаси, чтобы честно поработать?

– Ах, Варанаси! – протянул Ман с такой улыбкой, словно Вина предложила слетать на Сатурн.

На этом Вина от него отстала.

¹²³ Амма – мама, аммаджи – мамочка (урду).

¹²⁴ Ним – древесное растение, вид рода азадирахта семейства мелиевых. Растет в тропических и субтропических районах Пакистана, Бангладеш, Индии и Мьянмы.

¹²⁵ Алу-паратха – индийское название пшеничной лепешки с разнообразными начинками.

2.8

Уже наступил вечер, когда Ман добрался до Барсат-Махала, и там было не слишкомлюдно. Он прошел через арочный портал в каменной ограде и направился через прилегающий ко дворцу парк, в основном поросший сухой травой и кустами. Несколько антилоп, пасшихся под большим нимовым деревом, лениво ускакали, стоило Ману приблизиться.

Внутренняя стена была ниже, арочный вход – не таким внушительным и более изящным. Выпуклые геометрические узоры стихов из Корана были выложены черным камнем на мраморе фасада. Так же как и внешняя, внутренняя стена проходила по трем сторонам прямоугольника. Четвертая сторона вела к крутому спуску с каменной платформы, защищенной только балюстрадой, и к водам Ганги внизу.

Между внутренним входом и рекой раскинулся знаменитый сад и небольшой, но изысканный дворец. Сад был шедевром не только ботаники, но и геометрии. Маловероятно, что растущие здесь нынче цветы, помимо жасмина и темно-красных благоухающих индийских роз, были теми же, ради которых разбили этот сад более двух веков тому. Те немногие цветы, что остались, теперь выглядели изможденными ежедневной жарой. Но ухоженные, хорошо политые лужайки, большие тенистые нимовые деревья, симметрично расположенные по всей территории, и узкие полосы песчаника, разделяющие клумбы и лужайки на восьмиугольники и квадраты, создавали островок спокойствия в суетном и многолюдном городе. Самым красивым был маленький, правильной формы дворец наслаждений навабов Брахмпуре, расположенный в самом центре внутреннего сада. Филигранная беломраморная шкатулка для драгоценностей, совмещающая в равной степени сумасбродное распутство и архитектурную сдержанность.

Во времена навабов по территории бродили павлины, чьи хриплые голоса порой вступали в спор с музыкальными развлечениями возлежавших и клонящихся к закату властителей – плясками танцовщиц, более серьезными выступлениями придворного исполнителя хаяла¹²⁶, поэтическими баталиями, новой газелью поэта Маста.

Воспоминания о Масте воскресили в мыслях Мана чудесный прошлый вечер. Четкие линии газелей, мягкие черты лица Саиды-бай, ее подшучивания, которые теперь казались Ману одновременно игривыми и нежными, то, как она натягивала сари на голову, когда оно грозило соскользнуть, особое внимание, которое она уделяла Ману. Все это всплывало в памяти, когда он бродил внизу по парапету, погруженный в мысли, весьма далекие от самоубийства. Речной ветерок был приятным и освежающим, и Ман ощутил, что события подстегивают его, воодушевляют. Он поразмыслил, а не зайти ли ему вечером к Саиде-бай, и почувствовал внезапный прилив оптимизма.

Бескрайнее красное небо накрыло лоснящуюся блеском Гангу пылающей чашей. На дальнем берегу тянулись бескрайние пески.

Глядя на эту реку, он вдруг припомнил предсказание, которое услышал от матери своей будущей невесты. Она, благочестивая женщина, была уверена, что к фестивалю Ганга Душера¹²⁷ покорная река начнет подниматься и в тот же день накроет ступени вдоль гхатов ее родного Варанаси. Ман подумал о своей невесте и ее семье и, как обычно в таких случаях, погрузился в уныние из-за помолвки. Отец выполнял свою давнюю угрозу женить его, и теперь помолвка стала зловещим фактом его жизни. Рано или поздно ему придется жениться. Он не испытывал привязанности к своей невесте, ведь они практически не виделись – только кратко,

¹²⁶ *Хаял* – более свободная, нежели дхрупад, форма классической вокальной североиндийской музыки, основанная на импровизации. Традиционно исполняется группой мужчин-вокалистов под музыкальный аккомпанемент, сопровождаемый хлопками в ладоши.

¹²⁷ *Фестиваль Ганга Душера* – один из самых популярных религиозных праздников Индии, который отмечается от 10 до 17 дней.

в присутствии членов семейств, и думать о ней ему не хотелось вовсе. Юноша с куда большим удовольствием думал о Самии, которая сейчас была в Пакистане со своей семьей, но хотела вернуться в Брахмпур, только чтобы навестить Мана, или о Сарле, дочери бывшего генерального инспектора полиции, или о любом из своих прошлых увлечений. Новое, недавно разгоревшееся пламя, каким бы ярким оно ни было, не могло затушить прежние костры в сердце Мана. И почти каждый из них он по-прежнему вспоминал с теплом и нежностью, пульсирующими в крови.

2.9

Уже затемно Ман вернулся в переполненный город. Он опять засомневался, стоит ли ему попытаться счастья у Саиды-бай. За несколько минут он добрался до Мисри-Манди. Несмотря на воскресенье, тут явно был не выходной. На обувном рынке царили сутолока, свет и шум. Магазин Кедарната Тандона был открыт, как и все остальные магазины в галерее – известной как «Обувной рынок Брахмпуре», – расположенные неподалеку от главной улицы. Так называемые «корзиночники» носились как угорелые от магазина к магазину с корзинами на головах, предлагая оптовым скупщикам свои товары – обувь, изготовленную ими и их семьями в течение дня, которую им необходимо было продать, чтобы купить еду, кожу и другие материалы для работы на день грядущий. Эти сапожники, в большинстве члены касты неприкасаемых¹²⁸ джатавов¹²⁹, или мусульмане из низших сословий, многие из которых остались в Брахмпуре после Раздела, были измождены и плохо одеты, и лица у многих были совершенно отчаявшиеся. Магазины располагались выше мостовой примерно на три фута, чтобы корзиночники могли ставить свою ношу на край покрытого холстиной пола для осмотра возможными покупателями. Кедарнат, например, мог взять пару обуви из корзины, представленной ему на осмотр. Если он забракует корзину, торговцу придется бежать к следующему оптовику или же к кому-то из другой галереи. Или Кедарнат мог предложить более низкую цену, которую сапожник принял бы или нет. Или же Кедарнат мог бы сэкономить свои средства, предложив сапожнику ту же цену, но меньше наличных, восполнив остаток кредитной распиской, которая будет принята дисконтным агентом или продавцом сырья. Даже после того, как обувь была продана, оставалась необходимость закупить материалы на следующий день, и корзиночников фактически вынуждали сбывать товар хоть кому-нибудь до позднего вечера, пусть даже на невыгодных условиях.

Ман не разбирался в этой системе, где большой оборот зависел от эффективности кредитной сети, которая жила на расписках, и банки в ней практически не играли роли. Не то чтобы ему хотелось в ней разобраться – текстильное дело в Варанаси зависело от других финансовых структур. Он просто зашел ради беседы за чашечкой чая и возможности встретиться со своим племянником. Бхаскар, одетый, как и его отец, в белую курту-падجامу, сидел босиком на белой ткани, расстеленной на полу в магазине. Кедарнат время от времени поворачивался к нему и просил что-нибудь посчитать. Иногда, чтобы мальчик не скучал, а иногда потому, что тот действительно мог помочь. Бхаскару магазин казался местом очень захватывающим – он с удовольствием рассчитывал дисконтные или почтовые расходы для удаленных заказов и интригующие геометрические и арифметические взаимоотношения сложенных штабелями обувных коробок. Мальчик изо всех сил оттягивал сон, чтобы подольше остаться с отцом, и Вине порой приходилось несколько раз напоминать ему, что пора вернуться домой.

¹²⁸ *Неприкасаемые* – общее наименование ряда каст, занимающих самое низкое место в кастовой иерархии Индии.

¹²⁹ *Джатавы* (джатава) – индийская социальная группа, считающаяся частью субкасты чамар, одной из неприкасаемых общин (теперь часто называемых далитами), которые классифицируются как зарегистрированная каста в современной индийской системе позитивной дискриминации.

– Как лягушонок? – спросил Ман, легонько ухватив Бхаскара за нос. – До сих пор не спит? Он сегодня такой чистюля.

– Видел бы ты его вчера утром, – сказал Кедарнат. – На эти глаза стоило посмотреть. Лицо Бхаскара просияло.

– Что ты мне принес? – спросил он Мана. – Ты все проспал. Ты должен выплатить мне неустойку.

– Сынок, – укоризненно начал его отец.

– Ничего, – серьезно сказал Ман, отпуская мальчишеский нос и хлопая себя ладонью по губам. – Но скажи мне, что тебе нужно? Быстро!

Бхаскар задумчиво нахмурил лоб.

Мимо прошли двое мужчин, обсуждая предстоящую забастовку корзиночников. Прогрело радио. Крикнул полицейский. Мальчишка сбегал вглубь магазина и принес два стакана чая. Пару минут подув на поверхность, Ман сделал глоток.

– Все ли в порядке? – спросил он Кедарната. – У нас не было возможности поговорить сегодня днем.

Кедарнат пожал плечами, а затем покачал головой:

– Все в порядке. А вот ты выглядишь озабоченным.

– Озабоченным? Я? О нет, нет... – возразил Ман. – Но что это я слышу: корзинщики грозят забастовкой?

– Ну... – произнес Кедарнат. Он хорошо представлял себе хаос, который вызовет угроза забастовки, и не хотел говорить об этом. Встревоженно проведя рукой по седеющим волосам, Кедарнат закрыл глаза.

– Я все еще думаю, – сказал Бхаскар.

– Это хорошая привычка, – сказал Ман. – Ну, в следующий раз тогда скажешь мне, что надумал, или открытку пришлешь.

– Хорошо, – сказал Бхаскар, чуть улыбнувшись.

– Ну, пока.

– Пока, Ман-мама...¹³⁰ а знаешь ли ты, что если взять вот такой треугольник и начертить по сторонам квадрат – вот так, – а затем сложить эти два квадрата, то получишь вот такой квадрат, – жестикулируя, сообщил Бхаскар. – И так каждый раз! – добавил он.

– Да, я знаю об этом, – подумал Ман.

На лице у Бхаскара отобразилось разочарование, но затем он опять повеселел.

– Рассказать почему?

– Не сегодня, мне нужно идти. Хочешь на прощание поумножить?

Бхаскар хотел было ответить «не сегодня», но передумал.

– Да, – сказал он.

– Сколько будет двести пятьдесят шесть умножить на пятьсот двенадцать? – спросил Ман, посчитавший это заранее.

– Это слишком просто, – ответил Бхаскар. – Спроси еще что-нибудь.

– Ну раз так, то каков ответ?

– Один лакх¹³¹ тридцать одна тысяча семьдесят два.

– Хмм, а четыреста умножить на четыреста?

Бхаскар обиженно отвернулся.

– Ладно, ладно, – сказал Ман. – Сколько будет семьсот восемьдесят девять умножить на девятьсот восемьдесят семь?

¹³⁰ Мама – брат матери (хинди).

¹³¹ Лакх – единица измерения в Индии, обозначающая десять в пятой степени или же сто тысяч.

– Семь лакхов семьдесят восемь тысяч семьсот сорок три, – ответил Бхаскар после пары секунд раздумий.

– Верю тебе на слово, – сказал Ман. В его голове вдруг возникла мысль, что, возможно, ему лучше не испытывать судьбу с Саидой-бай, славившейся своим темпераментом.

– Ты разве не собираешься проверить? – спросил Бхаскар.

– Нет, гений, мне пора. – Он взъерошил волосы племяннику, кивнул зятю и вышел на главную улицу Мисри-Манди. Там он нанял тонгу, чтобы вернуться домой. Но по дороге вновь передумал и направился напрямиком к Саиде-бай.

Привратник в тюрбане цвета хаки бегло окинул его взглядом и сказал, что Саиды-бай нет дома. Ман хотел написать ей записку, но тут возникли трудности. На каком языке ему писать? Саида-бай определенно не умеет читать по-английски и почти наверняка не сможет прочесть хинди, а писать на урду не умел Ман. Он дал привратнику пару рупий чаевых и сказал:

– Пожалуйста, сообщите ей, что я пришел выразить ей свое почтение.

Привратник в знак приветствия поднял правую руку к тюрбану и спросил:

– А имя господина?

Ман собирался было назвать свое имя, когда придумал кое-что получше.

– Скажите ей, что я тот, кто живет в любви, – сказал он. Это был кошмарный каламбур о Прем-Нивасе.

Привратник бесстрастно кивнул. Ман взглянул на небольшой двухэтажный дом розового цвета. Кое-где внутри горели огни, но это могло ничего не значить. С замиранием сердца и чувством глубокого разочарования он развернулся и пошел по направлению к своему дому. Но затем он поступил так, как поступал обычно, – отправился искать компанию своих друзей. Он велел тонга-валле отвести его в дом наваба-сахиба Байтара. Оказалось, что Фироз и Имтиаз допоздна отсутствуют, поэтому он решил нанести визит Прану. Макание кита днем ранее не доставило Прану большого удовольствия, и Ман чувствовал, что ему стоит загладить вину. Брат поражал его своей порядочностью и холодностью чувств. Ман весело подумал, что Прану просто не доводилось по уши влюбляться, как это случилось с ним самим.

2.10

Позже, вернувшись в ужасно обветшалый особняк Байтар, Ман допоздна болтал с Фирозом и Имтиазом, а затем остался ночевать. Имтиаз довольно рано отправился на вызов, зевая и проклиная свою профессию. У Фироза была срочная работа с клиентом, так что он удалился в секцию обширной библиотеки своего отца, служившую ему кабинетом, пробыл там взаперти несколько часов и вышел, насвистывая, к позднему завтраку. Ман, отложивший свой завтрак до тех пор, пока Фироз не сможет к нему присоединиться, все еще сидел в гостевой спальне и, зевая, просматривал «Брахмпурскую хронику». У него было легкое похмелье.

Древний вассал семьи наваба-сахиба появился перед ним и, поклонившись, объявил, что младший господин – чхоте-сахиб¹³² – сию минуту придет завтракать, так что Ман-сахиб, наверное, тоже будет рад спуститься?

Все это было произнесено на величественном и размеренном урду.

Ман кивнул. Через полминуты он заметил, что старый слуга все еще стоит поблизости и выжидающе смотрит на него. Ман вопросительно взглянул на старика.

– Будут ли другие приказы? – спросил слуга, который, как заметил Ман, выглядел лет на семьдесят, но был довольно бодр.

¹³² Чхоте – младший (хинди).

«Он, наверное, в хорошей форме, чтобы вот так, по несколько раз в день преодолевать лестницу в доме наваба-сахиба», – подумал Ман. Как странно, что он не встречал этого слугу раньше.

– Нет, – сказал юноша. – Вы можете идти, я скоро спущусь.

Старик поднял сложенную ладонь ко лбу в почтительном жесте и уже было повернулся, чтобы уйти, когда Ман окликнул его:

– Эмм, погодите...

Старик развернулся и ждал, что скажет Ман.

– Вы, должно быть, служите навабу-сахибу много лет, – сказал он.

– Да, верно, хузур¹³³, так и есть. Я старинный слуга семьи. Большую часть своей жизни я работал в форте Байтар, но теперь, на старости лет, господину захотелось перевести меня сюда.

Ман улыбнулся, наблюдая, как бессознательно, с тихой гордостью старик говорит о себе «пурана кхидматгар» – старинный вассал, ведь именно так мысленно назвал его Ман чуть ранее.

Увидев, что Ман молчит, старик продолжал:

– Я поступил на службу, когда мне было лет десять. Родом я из деревни Райпур, где жил наваб-сахиб, оттуда и приехал в усадьбу Байтар. В те дни я получал рупию в месяц, и мне этого было более чем достаточно. Эта война, господин, так сильно подняла цены на вещи, что многие не прожили бы на такое жалованье. А теперь, когда произошел Раздел со всеми его проблемами и когда брат наваба-сахиба отправился в Пакистан и появились все эти законы, угрожающие собственности, – все стало ненадежно. Очень... – Он сделал паузу, чтобы подыскать другое слово, но в итоге просто повторил: – Очень ненадежно.

Ман тряхнул головой, в надежде, что мысли в ней прояснятся, и сказал:

– Не найдется ли у вас здесь аспирина?

Старик обрадовался, что может услужить, и ответил:

– Думаю, да, хузур, я принесу его вам.

– Отлично, – сказал Ман. – Нет, сюда не несите, – добавил он, размышляя о том, что заставляет старика напрягаться. – Просто оставьте пару таблеток рядом с моей тарелкой, когда я спущусь к завтраку. Ох, кстати, – продолжил он, вообразив две маленькие таблетки возле тарелки, – почему Фироза называют «чхоте-сахибом», если они с Имтиазом родились одновременно?

Старец взглянул в окно, на раскидистое дерево магнолии, которое было посажено через несколько дней после рождения близнецов. Он вновь кашлянул и сказал:

– Чхоте-сахиб, то есть Фироз-сахиб, родился на семь минут позже бурре-сахиба¹³⁴.

– А-а, – произнес Ман.

– Вот почему он выглядит более хрупким и менее выносливым, чем бурре-сахиб. – (Ман молчал, обдумывая это физиологическое предположение.) – У него прекрасные черты лица его матери, – сказал старик и прикусил язык, словно сболтнул что-то лишнее.

Ман вспомнил, что бегум-сахиба – жена наваба Байтара и мать его дочери и сыновей-близнецов – придерживалась пурды всю жизнь. Он задавался вопросом, откуда слуга-мужчина мог знать, как она выглядит, но почувствовал смущение старика и не стал спрашивать.

Возможно, по фотографии, а еще более вероятно – ходили разговоры среди слуг, думал он.

– Или так говорят, – добавил старик. Затем он остановился и сказал: – Она была очень хорошей женщиной, да покоится ее душа с миром. Она была добра ко всем нам. У нее была сильная воля.

¹³³ *Хузур* – «мой господин», уважительное обращение на урду.

¹³⁴ *Бурре* – старший (*хинди*).

Мана заинтриговали нерешительные, но пылкие экскурсии старика в историю семьи, которой он отдал всю жизнь. Но, несмотря на головную боль, он был уже совсем голоден и решил, что сейчас не время для разговоров, и сказал:

– Передайте чхоте-сахибу, что я буду через семь минут.

Если старик и был озадачен необычным ощущением времени Мана, то не подал виду. Он кивнул и собрался уходить.

– Как они вас называют? – спросил Ман.

– Гулям Русул, хузур, – ответил старый слуга.

Ман кивнул, и он удалился.

2.11

– Хорошо спалось? – спросил Фироз, улыбаясь Ману.

– Очень. Но ты рано встал.

– Не раньше обычного. Мне нравится делать побольше работы перед завтраком. Если бы не клиент, то я занялся бы сводками. А вот ты, кажется, вообще не работаешь.

Ман взглянул на две небольшие пилюли, лежащие на блюде, но ничего не сказал, и Фироз продолжил.

– Итак, я ничего не понимаю в тканях... – начал он. Ман застонал.

– Это серьезный разговор? – спросил он.

– Да, конечно, – смеясь, ответил Фироз. – Я уже минимум два часа на ногах.

– Ну, у меня похмелье, – сказал Ман. – Не будь бессердечным!

– Сердце у меня есть, – сказал Фироз, чуть покраснев. – Уверяю тебя. – Он взглянул на часы на стене. – Но мне пора в клуб верховой езды. Знаешь, Ман, однажды я научу тебя играть в поло, несмотря ни на какие твои протесты. – Он встал и пошел в сторону коридора.

– О, хорошо, – сказал Ман бодрее. – Это мне ближе.

Подали омлет. Он был чуть теплым, потому что ему пришлось преодолеть огромное расстояние между кухней и залом для завтрака в Байтар-Хаусе. Ман некоторое время смотрел на него, а затем откусил кусок тоста без масла. Его голод снова исчез. Он проглотил аспирин.

Тем временем Фироз только подошел ко входной двери, когда заметил, как личный секретарь его отца Муртаза Али спорит с молодым человеком у входа. Молодой человек хотел встретиться с навабом-сахибом. Муртаза Али, который был немногим старше, сочувственно и встревоженно пытался воспрепятствовать ему. Молодой человек был не очень хорошо одет – на нем была белая домотканая хлопковая курта, но его урду был неплох как в смысле произведения, так и в способе изъясняться. Он говорил:

– Но он назначил мне прийти к этому часу, и вот я здесь! – Напряженное выражение его худощавого лица заставило Фироза остановиться.

– Что-то, кажется, случилось? – спросил Фироз.

Муртаза Али повернулся и сказал:

– Чхоте-сахиб, похоже, этот человек хочет увидиться с вашим отцом по поводу работы в библиотеке. Он говорит, что у него назначена встреча.

– Вы что-то знаете об этом? – спросил Фироз Муртазу Али.

– Боюсь, что нет, чхоте-сахиб.

Молодой человек сказал:

– Я пришел издалека и с некоторыми трудностями. Наваб-сахиб ясно сказал мне, что я должен быть здесь в десять часов, чтобы встретиться с ним.

– Вы уверены, что он имел в виду сегодня? – довольно вежливым тоном спросил Фироз.

– Да, конечно!

– Если бы мой отец сказал, что его следует побеспокоить, он оставил бы весточку, – сказал Фироз. – Проблема в том, что когда мой отец оказывается в библиотеке, он погружается в иной мир. Боюсь, вам придется подождать, пока он выйдет. Или вы могли бы, скажем, зайти позже?

В углах рта юноши зашевелились сильные эмоции. Очевидно, что он нуждался в зарплате, но также было ясно, что у него есть гордость.

– Я не готов так бегать, – сказал он тихо, но отчетливо.

Фироз был удивлен. Казалось, эта честность граничит с дерзостью. Он не сказал, к примеру: «Навабзада¹³⁵ поймет, что мне сложно...» или любую другую угодливую фразу. Он просто сказал – я не готов.

– Что ж, дело ваше, – легко сказал Фироз. – А теперь прошу простить меня, я кое-куда тороплюсь. – Он чуть нахмурился, садясь в машину.

2.12

Накануне вечером, когда Ман приходил к Саиде-бай, она развлекала своего старого, но крупного клиента – раджу Марха – маленького княжеского государства в Мадхья-Бхарате. Раджа прибыл в Брахмпур на несколько дней, чтобы, во-первых, проконтролировать управление некоторыми своими землями в Брахмпуре и, во-вторых, – содействовать строительству нового храма Шивы¹³⁶ на принадлежащем ему участке неподалеку от мечети Аламгири в Старом Брахмпуре. Раджа знал Брахмпур со времен своего студенчества двадцать лет назад. Он часто бывал в заведении, где трудилась Мохсина-бай, когда они с дочерью Саидой еще жили на печально известной улице Тарбуз-ка-Базар.

В детстве Саиды-бай они с матерью делили верхний этаж дома с тремя другими куртизанками, самая старшая из которых, в силу того что она владела этим местом, долгие годы действовала как их мадам. Матери Саиды-бай не нравилось такое положение, и, поскольку слава и привлекательность дочери росли, она смогла отстоять свою независимость. Когда Саиде-бай было семнадцать или около того, она завоевала внимание махараджи большого штата в Раджастхане, а позже наваба Ситагарха и с тех пор не оглядывалась в прошлое.

Со временем Саида-бай смогла позволить себе нынешний дом в Пасанд-Багхе и уехала жить туда с матерью и младшей сестрой. Все три женщины, разделенные промежутками в двадцать и пятнадцать лет, были очень привлекательны, каждая по-своему. Если мать обладала силой и яркостью меди, а Саида-бай – приглушенным блеском серебра, то мягкосердечная Тасним, названная в честь райского источника, огражденная и матерью, и сестрой от профессии прародительниц, была наделена живостью и неуловимостью ртути.

Мохсина-бай умерла два года назад. Ее смерть стала ужасным ударом для Саиды-бай, которая все еще иногда приходила на кладбище и плакала, растянувшись на могиле матери. Саида-бай и Тасним теперь жили в Пасанд-Багхе одни с двумя служанками – горничной и кухаркой. Ночью ворота охранял невозмутимый привратник. Этим вечером Саида-бай не планировала принимать гостей. Она сидела со своими таблаистом и сарангистом, развлекаясь сплетнями и музыкой.

Акомпаниаторы Саиды-бай образцово контрастировали между собой. Обоим было около двадцати пяти, и оба были преданными и опытными музыкантами. Они обожали друг друга и были сильно привязаны – экономикой и любовью – к Саиде-бай. Но на этом сходство

¹³⁵ Навабзада – сын наваба (хинди).

¹³⁶ Шива («приносящий счастье») – в индуистской мифологии один из верховных богов, который вместе с Вишну и Брахмой образует божественную триаду – тримурти. Шива не только добрый защитник, но и грозный бог, обитающий на полях сражений и у погребальных костров. Нередко его изображали с веревкой, на которую нанизаны черепа.

заканчивалось. Исхак Хан, с такой легкостью и гармоничностью владевший смычком, поклонившийся своему саранги почти до самозабвения, был сардоническим холостяком.

Моту Чанд, прозванный так из-за полноты, был самодостаточным жизнелюбом и отцом уже четверых детей. Он слегка напоминал бульдога – большими глазами навывкате и пыхтящим ртом – и был благостно вял и заторможен, за исключением тех случаев, когда он яростно барабанил на своих табла.

Они обсуждали устада Маджида Хана – одного из самых известных классических певцов Индии, всем известного затворника, живущего в Старом городе, недалеко от тех мест, где выросла Саида-бай.

– Но вот чего я не понимаю, Саида-бегум, – сказал Моту Чанд, неловко откинувшись назад из-за своего брюшка. – Почему он так нетерпим к нам, маленьким людям. Ну вот сидит он с головой над облаками, будто бог Шива на горе Кайлас¹³⁷. К чему ему открывать третий глаз, чтобы испепелить нас?

– Ничто не может объяснить настроения великих людей, – сказал Исхак Хан. Он коснулся саранги левой рукой и продолжил: – А теперь взгляни на этот саранги – до чего благородный инструмент. Но благородный Маджид Хан ненавидит его. Он никогда не позволяет ему аккомпанировать себе.

Саида-бай кивнула, Моту Чанд ободряюще запыхтел.

– Это самый красивый из всех инструментов! – сказал он.

– Ты кафир¹³⁸, – сказал Исхак Хан, криво улыбаясь своему другу. – Как ты можешь делать вид, что тебе нравится этот инструмент? Из чего он сделан?

– Ну, из дерева, разумеется, – сказал Моту Чанд, теперь с усилием наклонившийся вперед.

– Только посмотрите на этого маленького борца, – засмеялась Саида-бай. – Мы должны угостить его ладду.

Она позвала свою горничную и послала за конфетами. Исхак продолжал накручивать спирали своих аргументов на борющегося Моту Чанда.

– Из дерева! – вскрикнул он. – И чего же еще?

– Ну, знаешь, Хан-сахиб, струны и все такое, – сказал Моту Чанд, потерпевший поражение перед решительностью Исхака.

– А из чего сделаны эти струны? – безжалостно продолжал Исхак Хан.

– Ах! – воскликнул Моту Чанд, уловив, что он имеет в виду. Исхак был неплохим парнем, но он, кажется, получал жестокое удовольствие от нападков на Моту Чанда.

– Кишки, – сказал Исхак. – Эти струны сделаны из кишок. Как вам хорошо известно. А передняя часть саранги сделана из кожи. Шкуры мертвого животного. Теперь – что бы сказали ваши брахмпурские брамины¹³⁹, если бы их заставили прикоснуться к нему? Неужто они бы не сочли это осквернением?

Моту Чанд, казалось, приуныл, но тут же собрался.

– В любом случае я не брамин, ты знаешь... – начал он.

– Не дразни его, – сказала Саида-бай Исхаку.

– Я слишком люблю толстяка-кафира, чтобы дразнить его, – сказал Исхак Хан.

Это была неправда. Поскольку Моту Чанд отличался завидным спокойствием, больше всего Исхак Хан любил выводить его из равновесия. Но на этот раз Моту Чанд отреагировал философски.

¹³⁷ *Кайлас* – гора, где, по преданию, обитает бог Шива.

¹³⁸ *Кафир* – неверный в исламе.

¹³⁹ *Брамин* (браман, брахман) – жрец, человек, принадлежащий к высшей жреческой касте в Индии.

– Хан-сахиб очень добр, – сказал он. – Но иногда даже невежественные мудры, и он первым признал бы это. Саранги для меня – это не то, из чего он сделан, а то, что он производит – эти божественные звуки. В руках художника даже эти кишки и кожу можно заставить петь. – На его лице расплылась довольная, почти суфийская¹⁴⁰ улыбка. – В конце концов, что все мы такое без кишок и кожи? Однако... – Его лоб нахмурился от сосредоточенности. – В руках Того, Кто... в Его руках...

Но тут в комнату зашла горничная со сладостями, и Моту Чанд оставил свои богословские размышления. Его пухлые подвижные пальцы потянулись к ладду, круглым, как и он сам, и сунули в рот все сразу.

Через некоторое время Саида-бай сказала:

– Но мы обсуждали не Единого свыше, – показала она вверх, – а того, что на западе. – Она указала в сторону Старого Брахмпура.

– Они похожи, – сказал Исхак Хан. – Мы молимся на запад и вверх. Я уверен, что устад Маджид Хан не обиделся бы, если бы мы по ошибке обратились к нему с молитвой однажды вечером – а почему бы и нет? – неоднозначно закончил он. – Когда мы молимся такому высокому искусству, мы молимся самому Богу.

Он взглянул на Моту Чанда в поисках одобрения, но Моту не то дулся, не то сосредоточился на сладостях.

Горничная вновь зашла и объявила:

– У ворот кое-какие проблемы.

С виду Саида-бай скорее заинтересовалась, чем встревожилась.

– Что за проблемы, Биббо? – спросила она.

Служанка дерзко посмотрела на нее и сказала:

– Кажется, молодой человек ссорится с привратником.

– Бесстыдница, сотри это выражение со своего лица! – сказала Саида-бай. – Хмм, – продолжила она, – как он выглядит?

– Откуда мне знать, бегум-сахиба? – возразила горничная.

– Не раздражай меня, Биббо. Он выглядит респектабельно?

– Да, – признала служанка. – Но уличные фонари недостаточно яркие, чтобы я могла разглядеть что-то еще.

– Позови привратника, – сказала Саида-бай. – Здесь только мы, – добавила она нерешительной горничной.

– А молодой человек? – спросила она.

– Если он такой респектабельный, как ты говоришь, Биббо, он останется снаружи.

– Да, бегум-сахиба, – сказала служанка и пошла выполнять приказы.

– Как вы думаете, кто это может быть? – вслух задумалась Саида-бай и замолчала на минуту.

Привратник зашел в дом, оставив копьё у парадного входа и тяжело поднялся по лестнице на второй этаж. Он встал в дверях комнаты, где они располагались, и отдал честь. С его тюбани цвета хаки, формой цвета хаки, толстыми сапогами и густыми усами, он был совершенно неуместен в этой женственно обставленной комнате. Но он, похоже, не испытывал ни малейшей неловкости.

– Кто этот человек и чего он хочет? – спросила Саида-бай.

– Он хочет войти и поговорить с вами, – флегматично сказал привратник.

– Да-да, так я и думала, но как его зовут?

¹⁴⁰ Суфизм (тасаввуф) – аскетически-мистическое направление в исламе, включающее как учение, так и духовные практики, направленные на борьбу человека со скрытыми душевными пороками и духовное воспитание личности.

– Он не скажет, бегум-сахиба. И не примет отказа. Вчера он также приходил и просил меня передать вам сообщение, но это было так неуместно, что я решил этого не делать.

Глаза Саиды-бай вспыхнули.

– Вы решили этого не делать? – спросила она.

– Здесь был раджа-сахиб, – спокойно сказал привратник.

– Хмм, а сообщение?

– О том, что он живет в любви, – бесстрастно произнес привратник. Он использовал другое слово, означавшее «любовь», потеряв таким образом весь каламбур с Прем-Нивасом.

– Тот, кто живет в любви? Что он может иметь в виду? – обратилась Саида-бай к Моту и Исхаку.

Они переглянулись. Исхак усмехнулся чуть презрительно.

– В этом мире полно ослов, – сказала Саида-бай, но было неясно, кого она имела в виду. – Почему он не оставил записки? Так это были его точные слова? Не очень иносказательно и не слишком остроумно.

Привратник порывлся в своей памяти и подобрался ближе к сути, примерно соответствующей словам, которые Ман сказал накануне вечером. В любом случае «прем» и «нивас» фигурировали в его сообщении. Все трое музыкантов тут же разгадали загадку.

– Ах! – весело воскликнула Саида-бай. – Думаю, у меня есть воздыхатель. Что скажете? Впустим его? Почему бы и нет?

Никто не возражал, – в самом деле, разве они могли? Привратнику было велено впустить молодого человека. И Биббо отправили предупредить Тасним, чтобы оставалась в своей комнате.

2.13

Ман, изнывавший у ворот, не мог поверить своему счастью. Как быстро его допустили! Он почувствовал прилив благодарности к привратнику и вложил ему в ладонь рупию. Привратник оставил его у дверей в дом, и служанка указала ему на комнату. Поскольку шаги Мана на галерее, ведущей в комнату Саиды-бай, были хорошо слышны, она крикнула:

– Входи-входи, Даг-сахиб! Садись и озари собой наше собрание.

Ман на секунду застыл у дверей, глядя на Саиду-бай. Он улыбался от удовольствия, и Саида-бай не могла не улыбнуться ему в ответ. Ман был одет просто и безупречно – в белую накрахмаленную курту-паджаму. Тонкая вышивка чикан¹⁴¹ на его курте дополняла вышивку на белой хлопковой шапке. Мановы туфли, джути мягкой кожи, заостренные на носках, тоже были белыми.

– Как вы добирались? – спросила Саида-бай.

– Пешком.

– На вас хорошая одежда, которую можно легко испачкать.

– Дорога занимает всего несколько минут, – просто сказал Ман.

– Пожалуйста, сядьте.

Ман сел, скрестив ноги на покрытом белым покрывалом полу. Саида-бай занялась приготовлением пана. Ман смотрел на нее с любопытством.

– Я приходил и вчера, но мне повезло чуть меньше.

– Знаю, знаю, – сказала Саида-бай. – Мой глупый привратник отказал вам. Что я могу сказать? Не все мы наделены даром различать...

– Но сегодня я здесь, – сказал Ман, констатируя очевидное.

¹⁴¹ *Чикан*, чиканкари – вышивка белыми нитями на белом муслине или мулмуле. Слово «чикан» происходит от персидского слова «shakeen», которое означает «делать изящные узоры на ткани».

– «Где б Даг ни сел – свое место он занял»? – спросила Саида-бай, улыбаясь. Чуть наклонив голову, она продолжала размазывать небольшое белое пятно извести по листьям пана.

– Он и не покидал вашего ансамбля все это время, – сказал Ман.

Поскольку она не смотрела на него в упор, он мог взглянуть на нее без смущения. Перед тем как он вошел, она накрыла голову сари. Но мягкая, гладкая кожа ее шеи и плеч была обнажена, и изгиб ее шеи, когда она склонилась над своим занятием, казался Ману невозможно очаровательным. Приготовив пару панов, она проткнула их серебряной зубочисткой с кисточками и поднесла ему. Он взял их, положил в рот и был приятно удивлен вкусом кокоса, который Саида-бай любила добавлять в состав своего пана.

– Вижу, вы носите пилотку Ганди¹⁴² в собственном стиле, – сказала Саида-бай, положив и себе в рот пару панов.

Она ничего не предлагала ни Исхаку Хану, ни Моту Чанду, но они в тот момент, казалось, совершенно слились с фоном. Ман нервно коснулся края вышитой белой шапки, не уверенный в себе.

– Нет-нет, Даг-сахиб, не беспокойтесь. Здесь ведь не храм, – взглянула на него Саида-бай. – Мне вспомнились другие белые шапки, которые можно увидеть плывущими по Брахм-пуру. Головы, что носят их, стали выше с недавних пор.

– Боюсь, вы хотите упрекнуть меня в несчастном случае моего рождения, – сказал Ман.

– Нет-нет, – сказала Саида-бай. – Ваш отец издавна был покровителем искусств. Речь о других конгресс-валлах, пришедших мне на ум.

– Возможно, мне следует надеть шапку другого цвета в следующий раз, – сказал Ман. Саида-бай чуть приподняла бровь. – Если, конечно, меня проводят к вам, – смиренно добавил он.

«Какой воспитанный молодой человек», – подумала Саида-бай. Она указала Моту Чанду в угол комнаты, попросив принести лежащие там фисгармонию и табла.

И спросила Мана:

– А теперь – что хазрат¹⁴³ Даг приказывает нам исполнить?

– Да что угодно, – ответил Ман, бросая шутки на ветер.

– Надеюсь, что не газель, – сказала Саида-бай, нажимая клавишу на фисгармонии, помогая настроить саранги и табла.

– Нет? – разочарованно спросил Ман.

– Газели предназначены для открытых встреч или близких любовников, – сказала Саида-бай. – Я буду петь то, чем больше всего известна моя семья, и то, чему меня лучше всего научил мой уstad.

Она запела тумри¹⁴⁴ из раг пилу «Почему же ты не говоришь со мной?» – и лицо Мана просияло.

Она пела, а он хмелел. Вид ее лица, звук ее голоса и запах ее духов наполняли его счастьем.

¹⁴² Ганди Мохандас Карамчанд (1869–1948) – идеолог и один из лидеров индийского национально-освободительного движения, по образованию юрист. Испытал сильное влияние Л. Н. Толстого. В 1915 г. вернулся в Индию и вскоре возглавил партию Индийский национальный конгресс. Ганди разработал тактику ненасильственной борьбы за независимость (сатьяграха) в форме несотрудничества и гражданского неповиновения. После обретения Индией независимости (1947) и раздела ее на два государства (Индийский союз и Пакистан) Ганди выступил против начавшихся индо-мусульманских погромов и был убит членом индуистской экстремистской организации. Прозван Махатмой («Великой душой»).

¹⁴³ Хазрат – исламский религиозный статус; также уважительное обращение к человеку с высоким религиозным статусом. Соответствует среднеазиатскому «таксыр», турецкому «эфенди» и персидскому «ходжа».

¹⁴⁴ Тумри – вокальный жанр в индийской музыке. Термин «тумри» означает «ходить танцующими шагами так, чтобы звенели колокольчики на щиколотках».

После двух-трех тумри Саида-бай дала понять, что она устала и Ману стоит уйти. Он ушел неохотно, однако не подал виду, проявив доброе расположение духа. Привратник у входа обнаружил в своей ладони пять рупий. На улице Ман замечтался.

– Когда-нибудь она сплет мне газель, – пообещал себе он. – Она сплет, сплет обязательно.

2.14

Настало воскресное утро. Небо было чистым и ясным. Еженедельный птичий рынок возле Барсат-Махала был в самом разгаре. Тысячи птиц – майны¹⁴⁵, куропатки, голуби, попугаи, боевые птицы, съедобные, гончие, говорящие. Все они сидели или порхали в железных или тростниковых клетках, помещенных в маленьких палатках, из которых торговцы кричали о превосходном качестве и дешевизне своего товара.

Даже тротуар был захвачен птичьим рынком, и покупателям или прохожим, таким как Исхак, приходилось брести прямо по дороге, сталкиваясь с рикшами, велосипедами, а изредка и тонгами.

На тротуаре также продавались книги о птицах. Исхак взял в руки книжечку в тонкой бумажной обложке с убористым заголовком «О совах и заклинаниях» и лениво пролистал, интересуясь, как можно использовать эту несчастную птицу. Это была книга индуистской черной магии «Тантра сов», хотя и напечатанная на урду. Исхак прочитал:

Верное средство, чтобы обрести работу.

Возьмите хвостовые перья совы и вороны, сожгите их вместе в огне из мангового дерева до образования золы. Поместите этот пепел на свой лоб в виде знака касты, когда идете искать работу, и вы наверняка найдете ее...

Он нахмурился и продолжил чтение:

Способ удержания женщины в своей власти:

Если вы хотите держать женщину под своим контролем и не допустить, чтобы кто-то еще мог влиять на нее, используйте технику, описанную ниже.

Возьмите кровь совы, кровь дикой куропатки и кровь летучей мыши в равных пропорциях и, после нанесения этой смеси на член, совершите половой акт с женщиной. После этого она никогда не будет желать другого мужчину...

Исхака чуть не стошнило.

«Эти индусы!» – подумал он.

Повинуясь порыву, он купил книгу, решив, что это отличное средство, чтобы подразнить своего друга Моту Чанда.

– У меня еще есть книга о стервятниках, – услужливо предложил продавец.

– Нет, это все, что я хотел, – сказал Исхак и пошел дальше. Он остановился у киоска, где было множество крошечных, почти бесформенных серо-зеленых шариков щетинистой плоти, лежащих в заточении круглой клетки.

– Ах! – вырвалось у него.

Его заинтересованный вид тут же привлек белошапчного владельца, который оценивающе посмотрел на книгу в руке Исхака.

– Это не обычные попугаи, господин. Это горные попугаи. «Александрийские попугаи», как зовут их английские сахибы.

Англичане убрались уже более трех лет назад, но Исхак не стал возражать.

– Знаю, знаю, – сказал он.

¹⁴⁵ *Майны* (саранчовые скворцы) – палеарктический род певчих птиц из семейства скворцовых.

– Я знатока сразу примечаю, – очень дружелюбно сказал торговец. – А почему бы не взять вот этого? Всего две рупии – и он будет петь, как ангелок!

– Ангелок или ангелица? – строго спросил Исхак.

Хозяин лавки вдруг залебезил:

– Ох, прошу простить меня, прошу простить! Люди здесь такие невежественные, крайне трудно расставаться с самыми перспективными птицами, но для того, кто разбирается в попугаях, я сделаю все, что угодно! Возьмите этого, господин. – Он выбрал самца с большой головой.

Исхак подержал его несколько секунд, а затем положил обратно в клетку. Мужчина покачал головой и сказал:

– Что может быть лучше для настоящего ценителя? Хотите ли вы птицу из района Рудхии? Или с предгорий в Хоршане? Они говорят лучше, чем майны...

– Давайте посмотрим что-нибудь действительно стоящее, – просто сказал Исхак.

Продавец подошел к задней части магазина и открыл клетку, где сидели, прижавшись друг к другу, три маленькие полуоперившиеся птички. Исхак молча посмотрел на них, а затем попросил достать одну. Он с улыбкой вспомнил знакомых ему попугаев. Его тетя их очень любила, и один из ее попугаев дожил до семнадцати лет.

– Этот, – сказал Исхак. – И с ценой меня тоже не проведешь.

Некоторое время они торговались. Пока деньги не перешли из рук в руки, продавец выглядел немного обиженным. Затем, когда Исхак собирался уходить, укрыв свою покупку носовым платком, мужчина чуть тревожно окликнул его:

– Когда в следующий раз придете, расскажите, как он поживает.

– Как тебя зовут? – спросил Исхак.

– Мухаммад Исмаил, господин. А к вам как обращаться?

– Исхак Хан.

– Значит, мы братья! – просиял торговец. – Вам стоит всегда покупать птиц в моем магазине!

– Да-да, – согласился Исхак и поспешно удалился.

Он нашел хорошую птицу и порадует сердце юной Тасним.

2.15

Вернувшись домой, Исхак пообедал и покормил птицу щепоткой муки, разведенной в воде. Позднее, завернув попугайчика в носовой платок, он отправился в дом Саиды-бай. Время от времени он поглядывал на многообещающую птичку с уважением, представляя себе, какой умной она станет в ближайшем будущем. У Исхака поднялось настроение. Александрийские попугаи были его любимой породой, их он считал самыми лучшими. По пути в Набигандж он, замечтавшись, чуть не столкнулся с ручной повозкой.

В дом Саиды-бай он прибыл около четырех и сообщил Тасним, что принес ей кое-что.

– Не дразните меня, Исхак-бхай, – сказала она, задержав на его лице взгляд своих прекрасных глаз. – Скажите же скорее, что это!

Исхак смотрел на нее и думал, что «подобна газели» – это как раз о Тасним сказано. Тонкими чертами лица, высоким ростом и гибким станом она совсем не походила на свою старшую сестру. Глубокие влажные глаза, нежное выражение лица. Такая живая и подвижная – и каждую минуту готова упорхнуть.

– Зачем вы упорствуете, называя меня «бхай»? – спросил он.

– Потому что вы мне как названный братец, – ответила Тасним. – А мне ведь так нужен брат. И в подтверждение вы принесли мне подарок. А теперь не тяните, прошу вас. Это что-нибудь из одежды?

– О нет – ваша красота не нуждается в обертке, – улыбнулся Исхак.

– Пожалуйста, не говорите так, – нахмурилась Тасним. – Апа¹⁴⁶ услышит, и тогда точно беды не оберешься.

– Ну, вот он...

Исхак приоткрыл сверток – то, что в нем лежало, напоминало комок зеленого пуха.

– Шерстяной клубочек? Вы хотите, чтобы я связала вам пару носков. Что ж, я не стану. У меня есть дела поинтереснее.

– И какие же, например? – поинтересовался Исхак.

– Например... – начала Тасним и умолкла.

Она смущенно глянула в большое зеркало на стене. Какие такие дела у нее были? Крошить овощи, помогая кухарке, беседовать с сестрой, читать романы, сплетничать со служанкой, думать о жизни. Но прежде чем она углубилась в раздумья на эту тему, комок зашевелился, и глаза у нее вспыхнули от радости.

– Вот видите... – сказал Исхак, – это мышка.

– Нет, – презрительно фыркнула Тасним. – Это птичка. Я вам не ребенок, знаете ли.

– А я вам не совсем брат, знаете ли, – сказал Исхак.

Он развернул платок, и они вместе посмотрели на птицу. Затем он положил платок с попугайчиком на стол рядом с краснолаковой вазой. Зеленоватый комок плоти с колючками выглядел довольно отталкивающе.

– Какой чудесный! – сказала Тасним.

– Я выбрал его нынче утром, – сказал Исхак. – Несколько часов искал, но я хотел найти то, что годится именно для вас.

Тасним посмотрела на птенца и потрогала его. Несмотря на кажущуюся колючесть, он оказался очень мягким. Цвет у него был чуточку зеленоватый, потому что перышки только начали прорасти.

– Попугайчик?

– Да, но не простой. Это горный попугай. Они разговаривают так же хорошо, как майны.

Когда умерла Мохсина-бай, ее весьма разговорчивая майна очень скоро последовала за ней.

Без майны Тасним чувствовала себя еще более одинокой, но она была благодарна Исхаку за то, что подарил ей не майну, а совсем другую птицу. Вдвойне любезно с его стороны.

– Как его зовут?

Исхак рассмеялся.

– Зачем вам его называть? Пусть будет просто «тота». Он же не боевой конь, чтобы зваться Инцитатом или Буцефалом¹⁴⁷.

Они стояли и не сводили глаз с птенчика попугая. И одновременно протянули руки, чтобы погладить его. Тасним поспешно отдернула руку.

– Не стесняйтесь, – подбодрил ее Исхак. – Он у меня весь день был.

– Он что-нибудь ел?

– Капельку муки с водой.

– Где они берут таких крохотных птенчиков? – спросила Тасним.

Их глаза оказались вровень, и Исхак, глядя на ее голову, покрытую желтым шарфом, поймал себя на том, что говорит, не обращая внимания на слова.

– О, их забирают из гнезда совсем маленькими... если этого не сделать, они не научатся разговаривать... и надо обязательно мальчика... у него потом появляется красивое черно-розовое ожерелье на шейке... и мальчики более умные. Самые лучшие говоруны – из предгорий,

¹⁴⁶ Апа – старшая сестра (*хинди*); также уважительное обращение к старшей по возрасту женщине.

¹⁴⁷ *Инцитат* – любимый конь Калигулы. *Буцефал* – любимый конь Александра Македонского.

знаете ли. Их было трое из одного гнезда, и мне пришлось крепко подумать, прежде чем я выбрал...

– Вы хотите сказать, что его разлучили с братьями и сестрами? – встала Тасним.

– Ну конечно. Это было необходимо. Если взять пару, они никогда не научатся подражать человеческой речи.

– Какая жестокость! – сказала Тасним, и глаза ее наполнились слезами.

– Но я купил его уже после того, как их забрали их гнезда, – сказал Исхак, расстроенный тем, что причинил ей боль. – Птенцов нельзя вернуть в гнездо, потому что родители их отвергнут.

Он накрыл ладонью ее ладонь (и она не отдернула руку) и сказал:

– И теперь от вас зависит, будет ли у него хорошая жизнь. Сделайте ему гнездышко из тряпочек в клетке, где ваша мама держала майну. И первое время кормите его бобовой мукой, разведенной в воде или капелькой дала, замоченного на ночь. Если ему не понравится эта клетка, я добуду для него другую.

Тасним мягко высвободила свою руку из-под руки Исхака. Бедный попугайчик, возлюбленный невольник! Он может сменить одну клетку на другую. И она может сменить эти четыре стены на другие четыре. Ее сестра, которая старше на пятнадцать лет и у которой больше опыта в этом мире, скоро все это устроит. А потом...

– Порой мне жаль, что я не умею летать... – Она осеклась в смущении.

Исхак посмотрел на нее очень серьезно:

– Это очень хорошо, что нам не дано летать, Тасним, – представьте себе, какая путаница приключилась бы! Полиции и так очень сложно контролировать движение на Чоуке, а умей мы летать, словно ходить пешком, это стало бы в сто раз труднее.

Тасним еле сдержала улыбку.

– Но было бы еще хуже, если бы птицы, подобно нам, умели только ходить, – продолжил Исхак. – Представьте себе только, как они вечерами разгуливают с тросточками по Набиганджу.

Теперь она рассмеялась. Исхак рассмеялся тоже, и оба они, в восторге от представшей их воображению картинке, почувствовали, как слезы заструились по щекам. Исхак вытер их рукой, Тасним – желтой дупаттой¹⁴⁸. Смех разнесся эхом по всему дому.

Птенец ожерелового попугая сидел на столе возле краснолаковой вазы, его полупрозрачное горлышко двигалось вверх-вниз.

Саида-бай, пробудившись от послеобеденного сна, вошла в комнату и резковатым от удивления голосом поинтересовалась:

– Что это все такое, Исхак? Неужели человеку не позволено отдохнуть даже пополудни? – Тут ее глаза зацепились за птенца, сидевшего на столе, и она негодуяще зацокала языком. – Нет! Больше никаких птиц в моем доме. Хватит мне того, что я вытерпела с маминной майной. – Он сделала паузу и прибавила: – Довольно с нас и одной певички. Избавьтесь от нее.

2.16

Никто не проронил ни слова. Затем молчание прервала Саида-бай.

– Ты сегодня рано, Исхак, – сказала она.

Исхак глядел виновато. Тасним понурилась и чуть не плакала. Попугайчик сделал слабую попытку пошевелиться. Саида-бай, переведя взгляд с одного на другого, внезапно спросила:

– А вообще, где твой саранги?

¹⁴⁸ *Дупатта* – длинный универсальный шарф, который носят многие женщины в Южной Азии, подбирая его под свою одежду. Дупатту чаще всего носят вместе с шальвар-камизом и куртой, но также могут носить поверх чоли или гхарары.

Исхак сообразил, что даже не взял инструмент из дому. Щеки его вспыхнули.

– Я забыл его. Думал все время о попугае.

– Что?

– Конечно, я немедленно схожу за ним.

– Раджа Марха сообщил, что придет сегодня вечером.

– Тогда я пошел, – сказал Исхак. И прибавил, глядя на Тасним: – Мне забрать попугайчика?

– Нет-нет, – сказала Саида-бай, – с чего бы тебе его забирать? Просто принеси саранги. Только не уходи на весь день.

Исхак поспешно ретировался.

Тасним, у которой глаза уже наполнились слезами, с благодарностью посмотрела на сестру. Однако мысли Саиды-бай были сейчас далеко. Птица пробудила ее от навязчивого и странного сна, связанного со смертью матери и ее собственной юностью, – и, когда Исхак ушел, она снова погрузилась в атмосферу ужаса и даже вины. Тасним заметила, что сестра внезапно опечалилась, и взяла Саиду-бай за руку.

– Что случилось, апа? – спросила она. Она всегда обращалась к старшей сестре «апа», вкладывая в это слово нежность и уважение.

Саида-бай начала всхлипывать и крепко прижала к себе Тасним, целуя ее лоб и щеки.

– Ты – самое дорогое, что у меня есть в этом мире, – сказала она. – Да пошлет Аллах тебе счастье...

Тасним обняла ее и сказала:

– Почему, апа, почему ты плачешь? Что тебя так расстроило? Ты, наверное, вспомнила о могиле амми-джан?

– Да-да, – поспешно ответила Саида-бай и отвернулась. – Иди в дом, возьми клетку из старой комнаты амми-джан. Отполируй ее и принеси сюда. И замочи немножко дала... чанаки-дала... чтобы покормить его потом.

Тасним направилась в кухню. Саида-бай села, вид у нее был слегка ошеломленный. Она взяла в ладонь птенчика, чтобы согреть его, и так она сидела, пока не пришла служанка с сообщением, что прибыл кто-то из дома наваба-сахиба и ожидает снаружи.

Саида-бай взяла себя в руки и вытерла глаза.

– Пусть войдет, – сказала она.

Но когда порог переступил Фироз – красивый, улыбающийся, небрежно сжимающий в правой руке свою элегантную трость, она испуганно ахнула:

– Вы?

– Да, – ответил Фироз. – Я принес конверт от отца.

– Вы пришли поздно... То есть обычно он присылает его с утра, – пробормотала Саида, пытаясь сгладить неловкость и успокоиться. – Присаживайтесь, присаживайтесь, пожалуйста.

До сего дня наваб-сахиб всегда посылал ежемесячный конверт со слугой. Последние два месяца, припомнила Саида-бай, это случалось через пару дней после ее месячных. Вот и в этом месяце тоже, разумеется...

Фироз отвлек ее от этих мыслей, сказав:

– Я случайно столкнулся с отцовским личным секретарем, который как раз шел...

– Да-да. – Саида-бай казалась встревоженной.

Фироз терялся в догадках, почему его появление так сильно ее расстроило. Ни то, что много лет назад между навабом-сахибом и матерью Саиды-бай были определенные отношения, ни то, что в память об этом отец до сих пор каждый месяц материально поддерживал ее семью, не могло служить причиной подобного возбуждения чувств. Затем до него дошло, что она расстроена чем-то, случившимся перед самым его приходом.

«Я не вовремя», – подумал он и решил немедленно уйти.

Вошла Тасним с медной птичьей клеткой в руках. Увидев его, она остановилась как вкопанная.

Они смотрели друг на друга. Для Тасним Фироз был просто очередным красивым поклонником старшей сестры – но до чего же он был красив! Она быстро опустила ресницы, а затем снова взглянула на него.

В своей желтой дупатте с птичьей клеткой в правой руке, она стояла, приоткрыв рот от потрясения – наверное, его потрясенным видом. А Фироз тоже замер и смотрел на нее как замороженный.

– Мы прежде встречались? – мягко спросил он, и сердце его заколотилось сильнее.

Тасним хотела было ответить, но за нее сказала Саида-бай:

– Когда моя сестра выходит из дому, она надевает паранджу. А сегодня навабзада впервые оказал мне честь, посетив мое бедное жилище. Так что вы не могли встретиться прежде. Тасним, поставь клетку и отправляйся делать задание по арабскому языку. Я не просто так наняла тебе нового учителя.

– Но... – начала Тасним.

– Отправляйся в свою комнату немедленно. Я позабочусь о птичке. Ты уже замочила дал?

– Я...

– Вот иди и замочи сейчас. Ты же не хочешь уморить птенца голодом?

Когда ошеломленная Тасним ушла, Фироз попытался собраться с мыслями.

Какая-то смутная тревога охватила его. Пусть не в этой, пусть в какой-то прошлой жизни, но они встречались, это несомненно. Мысль, идущая вразрез с той религией, к которой он формально принадлежал, тем сильнее потрясла его. Девушка с птичьей клеткой за несколько кратких мгновений произвела на него неизгладимое впечатление.

После обмена любезностями с Саидой-бай, которая, судя по всему, так же мало обращала внимания на его слова, как и он на ее, он медленно побрел к двери. Несколько минут Саида-бай совершенно неподвижно сидела на софе. В ладонях она по-прежнему нежно держала попугайчика. Оказалось, что птенец тем временем заснул. Она завернула его в тряпочку и положила рядом с красной вазой. Снаружи послышался призыв к вечерней молитве, и она покрыла голову. По всей Индии, по всему миру, едва солнце или ночная тьма начинали свой путь с востока на запад, с ними являлся призыв к молитве, и люди волнами преклоняли колени, устремляя свои молитвы к Богу. Пять волн ежедневно – по одной на каждый намаз – прокатывались по всему земному шару, от долготы к долготе. Составляющие элементы их изменяли направление, подобно железным опилкам возле магнита, – в сторону дома Божьего в Мекке. Саида-бай встала и пошла во внутренние покои. Там она совершила ритуальное омовение и принялась молиться:

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного,
Истинное восхваление принадлежит только Аллаху,
Господу миров,
Милость Которого безгранична и вечна,
Владыке Судного дня.
Тебе поклоняемся и у Тебя просим помощи.
Направь нас прямым путем.
Путем тех, кого Ты благословил.
Не тех, на кого Ты гневаешься,
и не тех, кто сошел с него.

Но одна мысль преследовала ее во время последующих поклонов и простираний ниц, одна страшная мысль из Священной Книги возникала снова и снова в ее сознании: «Только Всевышний знает, что ты держишь в секрете и что оглашаешь».

2.17

Хорошенькая юная служанка Саиды-бай Биббо, чувствуя, что хозяйка чем-то огорчена, решила развлечь ее разговорами о радже Марха, который собирался нанести визит нынче вечером. Этот охотник на тигров, владелец горных крепостей, имевший репутацию строителя храмов и тирана и обладавший странными предпочтениями в плотских утехах, был не слишком подходящим объектом для шуток. Он приехал, чтобы заложить в центре старого города фундамент нового храма Шивы, своего последнего предприятия. Этот храм должен был разместиться бок о бок с большой мечетью, возведенной два с половиной столетия тому назад по приказу падишаха Аурангзеба на руинах прежнего храма бога Шивы. Будь на то воля раджи Марха, фундамент заложили бы на развалинах этой самой мечети. Учитывая все эти обстоятельства, интересно отметить, что раджа Марха несколько лет назад был так сильно влюблен в Саиду-бай, что предложил ей выйти за него, хотя она ни за что не согласилась бы сменить религию. Саиде-бай настолько претила мысль о том, чтобы стать его женой, что она выдвинула перед ним невыполнимое условие. Все возможные наследники нынешней жены раджи должны были быть лишены собственности, а старший сын Саиды-бай от него – если бы таковой появился – унаследовал бы Марх. Саида-бай выдвинула такое требование, несмотря на то что и рани Марха, и вдовствующая рани Марха отнеслись к ней с большой теплотой, когда ее пригласили выступить на свадьбе сестры раджи. Ей нравились обе рани, и она знала, что ее требование не может быть принято ни в коем случае. Но раджа думал не головой, а чреслами. Он согласился на ее условия. Бедная Саида-бай, угодив в ловушку, тут же не на шутку расхворалась, и угодливые врачи сообщили ей, что если она переедет в горное княжество, то обязательно там погибнет.

Раджа, внешне схожий с огромным буйволом, какое-то время угрожающе копытил землю. Он заподозрил ее в двуличии и впал в пьяную и – в буквальном смысле – кровожадную ярость. От рук убийцы, которого он непременно подослал бы к ней, Саиду-бай спасло только то, что раджа Марха знал: англичане, проведав правду, скорее всего, свергнут его, как свергли уже не одного раджу (и даже магараджам доставалось) за подобные скандалы и убийства.

Юной служанке Биббо не довелось быть посвященной во все эти подробности, хотя до нее тоже доходили слухи, что в прошлом раджа сватался к ее хозяйке. Саида-бай разговаривала с попугайчиком – несколько преждевременно, учитывая, какой он крошечный, но она чувствовала, что именно так попугаи лучше всего учатся – когда появилась Биббо.

– Будут ли какие-то особые распоряжения для раджи-сахиба? – спросила она.

– Что? Нет, разумеется, – ответила Саида-бай.

– Может, сделать ему венок из календулы...

– Ты спятила, Биббо?

– ...Пусть полакомится.

Саида-бай улыбнулась, а Биббо продолжала:

– Мы должны будем переехать в Марх, рани-сахиба?

– Ох, прикуси-ка язык, – сказала Саида-бай.

– Но ведь, чтобы править штатом...

– На самом деле теперь никто не правит штатами. Кроме Дели, – сказала Саида-бай. –

И вот что, Биббо, мне бы пришлось выйти замуж не за корону, а за быка, что под нею. А теперь ступай прочь – ты портишь образование этого попугайчика. – (Служанка повернулась,

чтобы уйти.) – Ах да, и принеси мне немного сахара, и проверь, размяк ли дал, который ты замачивала раньше. Наверное, еще нет.

И Саида-бай продолжила беседовать с попугайчиком, сидевшим в гнездышке из чистых тряпочек в центре медной клетки, которая когда-то была обиталищем майны Мохсины-бай.

– Что ж, Мийя Миттху, – довольно печально сказала Саида-бай попугаю, – учишься хорошим и благородным словам с юных лет, а то будет твоя жизнь пропашей, как у нашей майны-сквернословицы. Как говорится, не выучив алфавита как следует, никогда не освоишь каллиграфии. Ну, что ты сам-то скажешь? Хочешь учиться?

Почти бесперый комочек был не в том положении, чтобы отвечать, так что он промолчал.

– Вот хоть на меня взгляни, – сказала Саида-бай. – Я еще молода, хотя и признаю, что уже не так молода, как ты. И мне придется весь вечер провести с уродом пятидесяти пяти лет, который ковыряется в носу, и рыгает, и напьется еще до того, как заявится сюда. А потом возжелает, чтобы я пела ему романтические песни. Все считают меня воплощением романтики и любви, Мийя Миттху, но как насчет моих чувств? Какие чувства могу я испытывать к этим древним животным, у которых кожа складками висит под подбородком – как у тех старых коров, что пасутся по всему Чоуку?

Попугайчик открыл клюв.

– Мийя Миттху, – сказала Саида-бай.

Попугайчик слегка раскачивался из стороны в сторону. Большая голова, казалось, неуверенно держалась на тонкой шее.

– Мийя Миттху, – повторила Саида-бай, пытаясь запечатлеть звуки в его сознании.

Попугай закрыл клюв.

– Знаешь, чего бы мне на самом деле хотелось сегодня вечером? Не развлекать самой, а чтобы меня развлекали. Кто-нибудь молодой и красивый.

Саида улыбнулась, вспомнив Мана.

– Что ты думаешь о нем, Мийя Миттху? – продолжила Саида-бай. – Ох, прости, ты же еще ни разу не видел Дага-сахива, ты только сегодня почтил нас своим присутствием. И ты, наверное, голоден, потому и отказываешься разговаривать со мной, – кто же поет бхаджаны¹⁴⁹ на пустой желудок? Прости, что здесь такая нерасторопная обслуга, Биббо у нас очень легкомысленная девочка.

Но Биббо вскоре явилась, и попугайчик был накормлен.

Старая кухарка решила не просто замочить дал для птенчика, но еще и отварить его и потом остудить. Теперь она тоже пришла, чтобы поглядеть на него.

Вернулся Исхак Хан со своим саранги, вид у него был слегка сконфуженный. Пришел Моту Чанд и тоже умилится при виде попугайчика.

Тасним отложила роман и пришла, чтобы несколько раз сказать попугайчику: «Мийя Миттху», и Исхак наслаждался каждым произнесенным ею звуком. Ну, хотя бы птичку его она полюбила.

А в скором времени доложили о прибытии Мархского раджи.

2.18

Его превосходительство раджа Марха по прибытии оказался не так пьян, как обычно, но быстро наверстал упущенное. Он принес с собой бутылку своего любимого виски «Блэк дог». «Черный пес» – так переводилось его название, и оно немедленно напомнило Саиде-бай одну пренеприятнейшую особенность раджи. Его чрезвычайно возбуждало зрелище собачьих случаев. Когда Саида-бай приезжала к нему в Марх, он дважды при ней наслаждался тем, как

¹⁴⁹ *Бхаджан* – религиозное песнопение поэтов индуистской традиции бхакти.

кобель вспрыгивает на суку в течке. После такой прелюдии он и сам взгромождал свою тушу на Саиду-бай.

Это было за пару лет до Независимости. Несмотря на отвращение, Саида-бай не могла сбежать из Марха, где грубый раджа, сдерживаемый лишь чередой брезгливых, но тактичных британских резидентов, творил суд и расправу. И впоследствии она не смогла окончательно порвать с ним, испытывая страх перед этим неповоротливым и жестоким мужланом и его наемными головорезами. Ей оставалось лишь надеяться, что со временем он будет все реже приезжать в Брахмпур.

Раджа сильно деградировал со времен своего студенчества. В те годы он еще производил вполне презентабельное впечатление. Его сын, огражденный от пагубы отцовского влияния под крылышком рани и вдовствующей рани, теперь сам стал студентом Брахмпурского университета. Он тоже, вне всякого сомнения, повзрослеет и, вернувшись в свою феодальную вотчину, стряхнет с себя остатки материнского влияния и станет таким же тамасичным¹⁵⁰ человеком, как его отец: невежественным, грубым, ленивым и вульгарным.

Раджа во время своего пребывания в Брахмпуре и не думал встречаться с сыном, зато посещал попеременно нескольких куртизанок и проституток. Сегодня снова настала очередь Саиды-бай. Он явился разряженный, с бриллиантами в ушах и в красном шелковом тюрбане, источая терпкий мускусный дух, и положил шелковый мешочек с пятьюстами рупиями на столике у входа в комнату наверху, где Саида-бай принимала гостей. Затем раджа растянулся, опираясь на шелковый валик, на белых покрывалах, устилавших пол, и огляделся в поисках бокалов. Бокалы нашлись на низеньком столике рядом с табла и фисгармонией. Бутылку откупорили и виски разлили в два бокала. Музыканты оставались внизу.

– Как давно эти глаза не видели вас... – сказала Саида-бай, пригубив виски и сдерживая гримасу, вызванную его крепостью. Раджа был слишком занят поглощением выпивки и не удосужился ответить. – Вас становится так же трудно увидеть, как луну на Ид аль-Фитр¹⁵¹.

Раджа хрюкнул от удовольствия. Поглотив несколько порций виски, он стал более приветливым и даже сообщил ей, как она прекрасно выглядит, а потом просто подтолкнул ее к двери в спальню.

Полчаса спустя они вышли оттуда, и Саида-бай вызвала музыкантов.

Саида-бай выглядела так, будто ей слегка нездоровится.

Он заставил ее исполнить его любимый набор газелей. Она пела их с дежурным надрывом в голосе в одних и тех же душераздирающих фразах – она давно и без труда усвоила эту его излюбленную манеру. В руках Саиды-бай нежила бокал с виски. Раджа к тому времени в одиночку прикончил уже треть своей большой бутылки, и глаза его начали наливаться кровью. Время от времени он орал: «Вах! Вах!» – выражая невнятную пьяную похвалу, или рыгал, или хрюкал, или беззвучно разевал рот, или чесал промежность.

2.19

Ман приблизился к дому Саиды-бай, когда газели продолжились уже наверху. С улицы он не слышал пения и сказал привратнику, что пришел к Саиде-бай. Но флегматичный страж сообщил ему, что Саида-бай нездорова.

– О! – взволновался Ман. – Позвольте войти и проведать ее... Может, мне стоит послать за доктором?

– Бегум-сахиба нынче никого не принимает.

¹⁵⁰ Тамасичной называется в аюрведе тяжелая, несвежая и невкусная пища, вызывающая сонливость, ощущение тяжести и подавленности, иногда агрессию.

¹⁵¹ Ид аль-Фитр – праздник окончания Рамадана, знаменующийся появлением новой Луны.

– Но у меня есть кое-что для нее, – сказал Ман. В левой руке он держал большую книгу. Правой он полез в карман и извлек бумажник. – Проследи, чтобы она ее получила.

– Да, господин, – кивнул привратник, благосклонно приняв банкноту в пять рупий.

– Что ж, тогда... – сказал Ман, бросив огорченный взгляд на розовый дом за невысокими зелеными воротами, и медленно побрел прочь.

Выждав пару минут, привратник отнес книгу к главному входу и вручил Биббо.

– Что – это мне? – кокетливо спросила Биббо.

Отсутствие какого-либо выражения на лице привратника, когда он взглянул на Биббо, было на редкость выразительно.

– Нет. И передай бегум-сахибе, что это от того молодого человека, который приходил к ней на днях.

– Тот, за которого тебе так досталось от бегум-сахибы?

– Ничего мне не досталось, – сказал привратник и пошел к воротам.

Биббо хихикнула и закрыла дверь. Она несколько минут рассматривала книгу.

Книга была очень красивая и содержала не только текст, но и картинки, на которых были изображены томные мужчины и женщины в романтических декорациях. Одна картинка особенно поразила ее: женщина в черном одеянии, склонившая колени у могилы. Глаза у нее были закрыты. Небо за высокой стеной на заднем плане было усыпано звездами. На переднем же чахлое безлистное деревце корнями обвивало огромные камни. Какое-то мгновение Биббо как замороженная смотрела на картинку. Затем, совершенно не подумав о радже Марха, захлопнула книгу и понесла ее наверх, чтобы отдать Саиде-бай.

Книга стала теперь искрой на медленном фитиле – двигаясь от ворот к входной двери, через холл, по лестнице, затем по галерее к распахнутой двери комнаты, где Саида-бай тешила раджу Марха. Увидев раджу, Биббо опомнилась и, остановившись, хотела было тайком улизнуть по галерее. Но Саида-бай ее заметила. Она прервала исполнение газели.

– Биббо, в чем дело? Поди сюда.

– Ни в чем, Саида-бегум. Я приду позже.

– Что у тебя в руках?

– Ничего, бегум-сахиб.

– Дай-ка взглянуть на это «ничего», – сказала Саида-бай.

Биббо вошла, боязливо кланяясь и бормоча «салам», и протянула книгу хозяйке. На коричневой коже обложки сияла золотая надпись на урду: «Собрание поэзии Галиба. Альбом иллюстраций Чугтая»¹⁵².

Это явно был не просто сборник стихов Галиба. Саида-бай не удержалась от искушения открыть книгу. Она перевернула несколько страниц. В книге было краткое предисловие и эссе художника Чугтая, львиную долю же составляли избранные стихи великого Галиба на урду, солидная коллекция факсимиле прекраснейших картин в персидском духе (каждая картина была подписана одной-двумя строчками из поэзии Галиба), а далее следовал какой-то текст на английском языке. Наверняка это предисловие для англоязычных, подумала Саида-бай, которую до сих пор изумляло, что англичане читают книги не с того конца.

Ее настолько восхитил подарок, что она поставила его на пюпитр фисгармонии и принялась листать, рассматривая иллюстрации.

– Кто ее прислал? – спросила она, заметив, что нет ни дарственной надписи на форзаце, ни записки. На радостях она даже забыла о радже, который уже закипал от ревнивой ярости.

Биббо, быстро оглядев комнату в поисках вдохновения, ответила:

¹⁵² *Чугтай* Абдур Рахман (1897–1975) – пакистанский художник, создавший свой неповторимый стиль живописи под влиянием искусства моголов, индийской миниатюры и исламских художественных традиций. Считается первым значительным современным мусульманским художником из Южной Азии.

– Привратник принес.

Биббо почуяла опасный гнев раджи и не хотела, чтобы он стал свидетелем невольного восторга, который могла проявить хозяйка, услышав имя своего поклонника. К тому же раджа отнюдь не был в добром расположении к дарителю книги, а Биббо, при всей своей любви к проказам, не желала Ману зла. Совсем-совсем не желала.

Тем временем Саида-бай, склонив голову, смотрела на картину, изображавшую старуху, молодую женщину и мальчика, молящихся у окна в закатных сумерках, под тонким полумесяцем.

– Да-да... Но кто же ее прислал? – спросила она и нахмурилась.

Теперь, под давлением, Биббо попыталась упомянуть Мана обиняками, насколько это было возможно. Надеясь, что раджа не заметит, она указала на пятнышко на белом напольном покрывале, где тот пролил виски. Вслух она произнесла:

– Я не знаю, имени не оставили. Позвольте мне удалиться?

– Да-да... вот же дурочка... – сказала хозяйка, встревоженная загадочным поведением Биббо.

Но раджа был сыт по горло этим бесцеремонным вмешательством.

Издав жуткий рык, он потянулся, чтобы выхватить книгу из рук Саиды-бай. Если бы она в последний момент не убрала ее стремительным движением, он бы разорвал книгу надвое. Тяжело пыхтя, раджа спросил:

– Кто он? Сколько стоит его ничтожная жизнь? Как его имя? Эта выставка – часть моих утех?

– Нет-нет, – сказала Саида-бай. – Пожалуйста, простите глупую девчонку. Этих простушек невозможно обучить этикету и сообразному поведению. – Затем, чтобы смягчить его, она прибавила: – Но вы только взгляните на эту картину – как она прекрасна: их руки воздеты в молитве – закат, белый купол мечети и минарет...

Ах, не те слова она сказала. Издав утробный рык, раджа Марха вырвал из книги страницу, которую она ему показывала. Саида в ужасе уставилась на него, окаменев.

– Играйте! – хрипло заорал он Моту и Исхаку. А затем повернул яростное лицо к Саиде. – Пой! Заверши газель... Нет! Пой ее сначала. Помни, кто купил тебя на этот вечер.

Саида-бай вложила измятую страницу в книгу, закрыла ее и села за фисгармонию. Закрыв глаза, она заново запела слова любви. Голос ее дрожал, и строчки звучали безжизненно. Конечно, она даже не задумывалась о них. Слезы скрывали ее добела раскаленный гнев. Будь ее воля, она накинулась бы на раджу, выплеснула виски в его наглые красные глаза, отхлестала бы его по лицу и вышвырнула на улицу. Но Саида-бай знала, что при всей своей житейской мудрости она совершенно бессильна. Чтобы отвлечься от этих мыслей, она стала раздумывать над таинственным жестом Биббо.

«Виски? Вино? Пол? Покрывало?» – перебирала она в уме.

И вдруг ее осенило, что же именно хотела сказать ей Биббо. Это было слово, означающее пятно, – «даг»!

Теперь не только ее губы пели – пело ее сердце. Саида открыла глаза и улыбнулась, глядя на пятно от пролитого виски. «Похоже на черного пса, задравшего лапу! – подумала она. – Надо бы сделать подарок этой находчивой девчонке».

Она подумала о Мане, мужчине – по сути единственном мужчине, – который и нравился ей, и был полностью в ее власти. Наверное, она не слишком хорошо обращалась с ним, – возможно, он был слишком куртуазен в своей страсти. Газель, которую она пела, расцвела пышным цветом жизни. Исхак Хан изумленно выпучил на нее глаза, не понимая, что произошло. Даже Моту Чанд растерялся.

Чары эти смогли усмирить даже дикого зверя. Раджа Марха уронил голову на грудь и вскоре мирно захрапел.

2.20

Назавтра вечером, когда Ман справился у привратника о здоровье Саиды-бай, тот сообщил, что ему велено проводить гостя наверх. Это было поразительно, учитывая, что он ни на словах, ни запиской не уведомил хозяйку, что намерен прийти.

Перед тем как подняться по лестнице в конце холла, он остановился перед зеркалом – полюбоваться на себя и вполголоса поздороваться: «Адаб арз, Даг-сахиб», подняв сложенную лодочкой правую ладонь ко лбу в радостном приветственном жесте. Он был одет как всегда элегантно, безукоризненная курта-паджама его была накрахмалена до хруста. На голове – все та же белая шапочка, которая удостоилась внимания Саиды-бай.

Оказавшись на галерее, что обрамляла холл внизу, он остановился. Не было слышно ни музыки, ни голосов. Саида, наверное, была одна. Мана охватили сладостные предвкушения, сердце его заколотилось. Она, вероятно, слышала его шаги: отложив тонкую книжицу, которую читала – роман, судя по иллюстрации на обложке, – Саида-бай встала ему навстречу.

Когда он вошел, она произнесла:

– Даг-сахиб, Даг-сахиб, не стоило этого делать.

Он посмотрел на нее – она казалась слегка уставшей. На ней было надето то же красное сари, в котором она выступала в Прем-Нивасе. Он улыбнулся и сказал:

– Каждый предмет стремится занять свое место. Книга жаждет оказаться рядом со своим истинным ценителем. Как вот этот беззащитный мотылек стремится к своей возлюбленной свече.

– Но, Ман-сахиб, книги выбираются с любовью и бережно хранятся, – сказала Саида-бай, обращаясь к нему нежно по имени – что это? Неужели! Впервые! – и совершенно игнорируя его традиционную галантную ремарку. – Эта книга, наверное, хранилась в вашей библиотеке многие годы. Вам не следовало расставаться с ней.

У Мана и в самом деле стояла на полке эта книга, но в Варанаси. Он вспомнил о ней почему-то, и немедленно подумал о Саиде-бай, и после некоторых изысканий приобрел превосходный букинистический экземпляр в книжном магазине Чоука. Но его охватил такой восторг от ее нежного обращения, что он только и смог сказать:

– Урду, даже в тех стихах, что я знаю наизусть, бесполезен для меня. Я не могу читать в подлиннике. А вам понравилась книга?

– Да, – ответила Саида-бай очень тихо. – Все дарят мне украшения и блестящие побрякушки, но ничто так не тронуло мой взор и мое сердце, как этот ваш подарок. Но что же вы стоите! Пожалуйста, садитесь.

Ман сел. Все тот же слабый аромат роз витал в этой комнате. Но к прежней розовой эссенции примешивался острый мускусный дух – из-за этого сочетания запахов у физически крепкого Мана начинали подкашиваться ноги от страстного желания.

– Выпьте виски, Даг-сахиб? – предложила Саида-бай. – Извините, у нас только такой, – прибавила она, кивнув на полупустую бутылку «Черного пса».

– Но это отменный виски, Саида-бегум, – ответил Ман.

– У нас он недавно появился, – сказала она, протягивая ему бокал.

Какое-то время Ман сидел безмолвно, опираясь на длинную цилиндрическую подушку и потягивая скотч. Затем он произнес:

– Я всегда хотел знать, что за стихи вдохновили Чугтая на создание картин, но мне не у кого было спросить, не было рядом никого, кто умел бы перевести мне с урду. К примеру, есть там одна картина, которая всегда меня очень интересовала. Я могу описать ее, даже не открывая книгу. Там изображен водный пейзаж в оранжевых и коричневых тонах. И дерево, высохшее дерево, поднимающееся прямо из воды. А почти в самом центре картины плывет по воде

цветок лотоса, а в нем покоится маленькая, закопченная масляная лампа. Вы знаете, о какой картине я говорю? Она где-то в самом начале книги. На папиросной бумаге, что покрывает картину, по-английски написано лишь одно слово: «Жизнь!» Это очень таинственно, потому что под картиной целая строфа на урду. Может, вы расскажете мне, о чем он?

Саида-бай достала книгу. Она села слева от Мана и, пока он переворачивал страницы своего роскошного подарка, молилась, чтобы он не дошел до вырванной страницы, которую она аккуратно вклеила заново. Английские заголовки были до странности лаконичны. Простав «Вокруг возлюбленной», «Полную чашу» и «Напрасное бдение», он наконец добрался до заглавия «Жизнь!».

– Да, это она, – сказал он, когда они принялись рассматривать таинственную картину.

– У Галиба есть много стихов, в которых упоминаются лампы. Интересно, который из них. – Саида-бай вернула на место папиросный листок, и на мгновение их руки соприкоснулись. Слегка вдохнув, Саида-бай мысленно прочла строфу на урду, а затем произнесла ее вслух:

Быстро же скачет времени конь, и мы всё гадаем: где остановится он? Никто не удержит поводья и не опрется на стремя...

Ман рассмеялся:

– Будет мне наука, как опасно делать выводы, основанные на шатких предположениях.

Они прочитали еще несколько строф, а потом Саида-бай сказала:

– Когда я утром просматривала стихи, меня поразило, что на английском всего несколько страниц в самом конце.

«В самом начале книги, с моей точки обзора», – подумал Ман и улыбнулся. Вслух же он сказал:

– Я думаю, что это, наверное, перевод с урду, с другого конца, – но почему бы нам самим не убедиться в этом?

– Действительно, – сказала Саида-бай. – Но тогда нам нужно поменяться местами, вам нужно сесть слева от меня. Тогда вы сможете читать предложение по-английски, а я смогу прочесть перевод с урду. Это как учиться у частного преподавателя, – прибавила она с легкой улыбкой на губах.

Такая близость Саиды-бай в эти последние несколько минут, сколь бы восхитительной она ни была, стала причиной маленького конфуза для Мана. Прежде чем встать, чтобы поменяться с ней местами, ему пришлось малость оправить свой гардероб, чтобы она не увидела, как он возбудился. Но когда он снова сел, ему показалось, что Саида-бай развеселилась пуще прежнего. «Настоящая ситам-зариф, – подумал он, – тиран с улыбкой на устах».

– Итак, устад-сахиб, начнем наш урок, – сказала она, приподняв бровь.

– Ну что же, – сказал Ман, не глядя на нее, но остро чувствуя ее близость. – Первая глава – это вступление некоего Джеймса Казинса касательно иллюстраций Чугтая.

– О, – сказала Саида-бай, – а на урду все начинается со слов художника о том, какие надежды он питает в связи с выходом в печать этой книги.

– Так, – продолжил Ман. – Вторая глава – это предисловие поэта Икбала¹⁵³ о книге в целом.

– А у меня, – сказала Саида-бай, – длинная статья снова таки самого Чугтая на разные темы, включая его взгляды на искусство.

– Вы только взгляните, – воскликнул Ман, внезапно увлекшись тем, что он читал. – Я и забыл, до чего напыщенные предисловия писал Икбал. Кажется, он только и говорит, что о собственных сочинениях, а не о книге, что должен здесь представить: «В такой-то моей книге

¹⁵³ *Икбал*, Аллама Мухаммад (1877–1938) – поэт, политик и общественный деятель Британской Индии, ученый, адвокат; философ и мыслитель, считающийся «духовным отцом Пакистана», провозвестником создания этой страны. Ключевая фигура в литературе урду.

я сказал то-то, а в такой-то моей книге я написал то-то», и только пара покровительственных упоминаний Чугтая, мол, как он молод...

Он умолк, кипя негодованием.

– А вы не на шутку разгорячились, Даг-сахиб, – заметила Саида-бай.

Они посмотрели друг другу в глаза, и Ман чуть не потерял равновесие от такой ее прямоты. Ему казалось, она с трудом сдерживается, чтобы не рассмеяться в открытую.

– Возможно, я смогу остудить вас меланхолической газелью? – продолжила Саида-бай.

– Да, почему бы не попробовать? – обрадовался Ман, хорошо помня, что она однажды сказала о газелях. – Давайте посмотрим, как она на меня подействует.

– Позвольте, я вызову музыкантов, – сказала Саида-бай.

– Нет, – сказал Ман, накрыв ее руки своими. – Только вы и фисгармония – и все.

– Может, хотя бы таблаиста?

– Я буду сердцем отбивать вам ритм, – ответил Ман.

Легким кивком – от этого движения у Мана ёкнуло в груди – Саида-бай выразила согласие.

– Вы в состоянии подняться и принести мне фисгармонию? – коварно поинтересовалась она.

– Угу, – кивнул он, но остался сидеть.

– К тому же я вижу, у вас бокал пустой, – прибавила Саида-бай.

На этот раз отринув ложный стыд, Ман встал. Он принес ей фисгармонию и налил себе виски. Саида-бай помурлыкала несколько секунд себе под нос и сказала:

– Да, я знаю, что я вам спою.

И она запела пленительно-загадочные строчки:

Каждой песчинке в садике нашем сыщется дело.
Даже тропинку тюльпан украсит ярким пятном.

На слове «даг» она бросила на Мана быстрый и веселый взгляд. Следующий куплет прошел довольно спокойно, но за ним последовали такие слова:

Над суетой соловьиной роза лишь посмеется,
любовные песни занятъем ничемным считает она.

Ман, хорошо знавший эти строчки, видимо, слишком прозрачно выразил свое уныние, потому что Саида-бай, поглядев на него, закинула голову и рассмеялась от удовольствия. Ее нежная обнаженная шея, ее внезапный, слегка хриловатый смех, пряное ощущение неведения, над ним ли она смеется или над чем-то иным, буквально заставили Мана потерять голову.

Прежде чем он понял это и вопреки преграде в виде фисгармонии, он наклонился и поцеловал ее в шею, и она откликнулась на его поцелуй прежде, чем поняла это.

– Не сейчас, не сейчас, даг-сахиб, – пролепетала она, слегка задыхаясь.

– Сейчас... сейчас... – взмолился Ман.

– Тогда нам лучше пойти в другую комнату, – сказала Саида-бай. – У вас входит в привычку прерывать мои газели.

– Чем же еще могу я прервать ваши газели? – спросил Ман, когда она вела его в спальню.

– Я расскажу тебе как-нибудь в другой раз, – ответила Саида-бай.

Часть третья

3.1

По воскресеньям завтрак в доме Прана обычно подавался позднее, чем в будни. «Брахм-пурская хроника» уже прибыла, и Пран уткнулся в воскресное приложение. Савита сидела рядом с ним, жевала тост и одновременно намазывала маслом тост для мужа. Вошла госпожа Рупа Мера и спросила с явным беспокойством в голосе:

– Кто-нибудь видел сегодня Лату?

Пран покачал головой, не отрываясь от газеты.

– Нет, ма, – ответила Савита.

– Надеюсь, у нее все хорошо, – сказала госпожа Рупа Мера. Она огляделась и спросила у Матина: – А где пряный порошок? Ты всегда пренебрегаешь мной, накрывая на стол.

– А почему у нее не должно быть все хорошо, ма? – поинтересовался Пран. – Ведь Брахм-пур – не Калькутта.

– В Калькутте совершенно безопасно, – вступилась госпожа Рупа Мера за родной город своей единственной внучки. – Может, она и большой город, но люди там очень хорошие. И девушке там не страшно ходить по улицам в любое время.

– Ма, ты просто скучаешь по Аруну, – сказала Савита. – Всем известно, кто твой любимчик.

– У меня нет любимчиков, – возразила госпожа Рупа Мера.

Зазвонил телефон.

– Я возьму, – сказал Пран мимоходом. – Это, наверное, насчет сегодняшнего дискуссионного состязания. И зачем я только согласился взять на себя организацию всех этих убогих мероприятий?

– Ради обожания в глазах своих студентов, – сказала Савита.

Пран снял трубку. Женщины продолжили завтрак. Резкий, повышенный тон Прана, однако, сообщил Савите, что дело принимает серьезный оборот. Вид у Прана был потрясенный, он бросил обеспокоенный взгляд на госпожу Рупу Мера.

– Ма... – только и смог вымолвить он.

– Это насчет Латы? – догадалась его теща. – Она попала в аварию.

– Нет, – ответил Пран.

– Слава богу.

– Она сбежала... – сказал Пран.

– О боже, – сказала госпожа Рупа Мера.

– С кем? – спросила Савита, так и застыв с тостом в руке.

– С Маном, – ответил Пран, медленно качая головой, не в силах поверить только что произнесенным им же словам. – Но как... – Он умолк, не в силах продолжать.

– О боже, – произнесли Савита и ее мать почти одновременно.

Несколько секунд все ошеломленно молчали.

– Он позвонил отцу с вокзала. – Пран снова затряс головой. – Почему он со мной не посоветовался? Я не возражал бы против подобных отношений, но ведь Ман уже помолвлен...

– Не возражал бы... – потрясенно прошептала госпожа Рупа Мера. Нос у нее покраснел, и две слезинки беспомощно покатались по ее щекам. Она сжала руки, словно в молитве.

– Твой брат... – с упреком сказала Савита, – может считать себя лакомым кусочком, но как ты мог подумать, что мы...

– О, моя бедная дочь, моя бедная доченька... – зарыдала госпожа Рупа Мера.

Дверь открылась, и вошла Лата.

– Что, ма? – сказала она. – Ты меня звала? – Она удивленно взглянула на представшую перед ней мизансцену и подошла к матери, чтобы утешить ее. – Так что произошло? – спросила она, оглядывая присутствующих за столом. – Надеюсь, вторая медаль цела?

– Скажи, что это неправда, скажи, что это неправда! – вскричала госпожа Рупа Мера. – Как ты могла додуматься до такого? Да еще с Маном! Как ты могла разбить мое сердце... – До нее вдруг дошла некая здравая мысль. – Но этого не может быть. С вокзала?

– Я не была ни на каком вокзале, – сказала Лата. – Что происходит, ма? Пран сказал мне, что ты собираешься провести с ним долгую беседу о планах на мое будущее... – она чуть нахмурилась, – и мне будет неловко присутствовать при этих разговорах. И велел мне прийти на завтрак попозже. Что я сделала такого, чтобы так тебя расстроить?

Савита посмотрел на мужа с изумлением и гневом, но, к ее вящему возмущению, он зевнул.

– Тем, кто не помнит, какое сегодня число, – сказал Пран, постукивая пальцем по верхушке газеты, – следует ожидать последствий.

Там значилось: «1 апреля».

Госпожа Рупа Мера перестала рыдать, но смотрела недоуменно. Савита грозно зыркнула на мужа и сестру и сказала:

– Это первоапрельский розыгрыш Прана и Латы, ма.

– Я ни при чем, – сказала Лата, начиная понимать, что случилось в ее отсутствие. Она засмеялась. Затем села за стол и посмотрела на остальных.

– В самом деле, Пран, – сказала Савита. Она повернулась к сестре. – Это совсем не смешно, Лата.

– Да, – сказала госпожа Рупа Мера. – Да еще во время экзаменов... это отвлечет тебя от занятий... и все это время и деньги окажутся потраченными впустую. Не смейся.

– Выше нос, выше нос, дорогие мои! Лата все еще не замужем. Бог у себя на небесах, – сказал Пран, ничуть не раскаиваясь, и снова спрятался за газету.

Он тоже смеялся, но молча. Савита и госпожа Рупа Мера сверлили взглядами «Брахм-пурскую хронику».

Савиту вдруг осенила внезапная мысль.

– У меня мог случиться выкидыш!

– О нет, – беспечно сказал Пран. – Ты у нас крепкая. Это я хиляк. К тому же все это ради тебя и затевалось: чтобы развлечь тебя воскресным утром. Ты же вечно жалуешься, что по воскресеньям тоска зеленая.

– Уж лучше тоска зеленая, чем такое. Ты хотя бы намерен извиниться перед нами?

– Конечно! – с готовностью отозвался Пран. Хотя ему было и не по себе, что он заставил тещу расплакаться, он пришел в восторг от того, чем обернулась его шутка. И Лата получила удовольствие, по крайней мере. – Простите, ма, и ты прости меня, любимая.

– Надеюсь, ты и вправду раскаиваешься. И перед Латой тоже извинись, – велела Савита.

– Извини, Лата, – засмеялся Пран. – Ты, наверное, проголодалась. Почему не закажешь себе яйцо? Хотя, вообще-то, – продолжил Пран, перечеркивая остатки доброжелательности, – не понимаю, почему я должен извиняться. Я не в восторге от этого дня дурака. Просто я женился на девушке из семейства, благосклонного к западным обычаям, и решил: что ж, Пран, надо развиваться, а то они подумают, что ты крестьянин неумытый, и ты никогда больше не сможешь лицезреть Аруна Меру.

– Хватит уже ехидничать насчет моего брата, – сказала Савита. – Ты это делаешь с самой женитьбы. Твой брат тоже уязвим. И даже больше, на самом деле.

Пран обдумал ее замечание. О Мане действительно начали ходить всякие толки.

– Ладно, дорогая, прости меня, – сказал он с чуть большей долей искренности в голосе. – Чем мне загладить свою вину?

– Своди нас в кино, – немедленно ответила Савита. – Я сегодня хочу посмотреть фильм на хинди – просто чтобы подчеркнуть свои прозападные наклонности.

Савита обожала фильмы на хинди (и чем сентиментальнее – тем сильнее). А еще она знала, что Пран по большей части их терпеть не мог.

– Фильм на хинди? – переспросил Пран. – Я думал, причуды будущей матери распространяются только на еду и напитки.

– Отлично, значит, решено, – сказала Савита. – На какой фильм пойдем?

– Извините, но это невозможно, – сказал Пран. – Сегодня вечером меня ждут дебаты.

– Тогда на дневной сеанс, – сказала Савита, решительно стряхивая масло с краешка тоста.

– Ох, ну ладно, ладно, полагаю, я сам виноват, – сказал Пран и посмотрел на газетную страницу, где помещались афиши. – Вот, как насчет этого? «Санграм» – в «Одеоне». «Всеми признанный величайший шедевр киноискусства. Только для взрослых». Там играет Ашок Кумар – он заставляет сердце ма биться быстрее.

– Вот ты дразнишь меня, – сказала госпожа Рупа Мера, чуточку оттаяв, – а я и вправду люблю его игру. Впрочем, вы же знаете эти фильмы для взрослых, и мне почему-то кажется...

– Хорошо, – сказал Пран. – Тогда следующий. Ах, не подходит – у него нет дневных сеансов. Ага, а вот это уже, кажется, интересно. «Кале Бадал». Эпопея любви и романтики. Мина, Шиам, Гулаб, Дживан и т. д., и т. п., даже малыш Табассум! Как раз для тебя в твоём нынешнем положении, – прибавил он, обращаясь к Савите.

– Нет, – сказала Савита, – никто из этих актеров мне не нравится.

– Да, у нас уникальное семейство, – заметил Пран. – Сперва мы желаем фильм, а потом отвергаем все предложенные варианты.

- А ты читай дальше, – велела Савита слегка резковато.
- Слушаюсь, мемсахиб, – ответил Пран. – Что ж, тогда у нас имеется «Халчал». Большая премьера сезона. Наргис...
- Мне она нравится, – вставила госпожа Рупа Мера. – У нее выразительные черты...
- Далип Кумар...
- Ах! – воскликнула госпожа Рупа Мера.
- Держите себя в руках, ма, – сказал Пран. – «Ситара, Якуб, Кей. Эн. Снх и Дживан. Великий сценарий. Великие звезды экрана. Великая музыка. Тридцать лет индийское кино не видело подобных шедевров». Ну что?
- Где он идет?
- В «Маджестике». «Отреставрированный, роскошно обставленный и оборудованный прибором для циркуляции свежего воздуха, обеспечивающий прохладный комфорт».
- Звучит хорошо, с какого боку ни глянь, – сказала госпожа Рупа Мера с осторожным оптимизмом, как будто они обсуждали будущую пару для Латы.
- Погодите! – спохватился Пран. – Тут такая большая реклама, что я не заметил еще одну афишку: картина «Дидар», которая идет в... поглядим-ка... в таком же комфортабельном кинотеатре с прибором циркуляции свежего воздуха. И вот что тут пишут о ней: «Воистину звездный фильм. Нашпигованный соблазнительными песнями и романтикой, чтобы согреть ваши души! Наргис, Ашок Кумар...»
- Он сделал паузу, ожидая восклицания тещи.
- Вечно ты меня дразнишь, Пран, – сказала радостно госпожа Рупа Мера, позабыв про все свои слезы.
- «...Нимми, Далип Кумар (потрясающее везение, ма)... Якуб, малыш Табассум (и тут мы сорвали джекпот). Чудодейственно музыкальные песни, которые поются на всех улицах каждого города. Признанная. Вызвавшая бурю оваций. Обожаемая всеми. Единственная картина для всей семьи. Водопад мелодий. „Дидар“ от компании „Фильмкар“. Звездная жемчужина среди кинокартин! Более великого кино вы не увидите еще долгие годы». Ну, что скажете? – Он заглянул в заинтересованные лица всех трех домочадиц. – Гром среди ясного неба! – одобрительно сказал Пран. – Дважды за утро.

3.2

В тот же день пополудни все четверо отправились «согреть свои души» в кинотеатр «Манорма». Они купили лучшие места на балконе, высоко над «народными массами», и шоколадку «Кэдбери», большую часть которой съели Лата и Савита. Госпожа Рупа, несмотря на диабет, позволила себе квадратик, а Пран больше и не захотел. Пран и Лата за весь сеанс не проронили ни слезинки, Савита всхлипывала, а госпожа Рупа Мера лила горькие слезы. Конечно, и фильм оказался очень печальным, и песни тоже были очень грустными, и неясно было, что сильнее растрогало ее – то ли горемычная судьба слепого певца, то ли нежная история любви. Все прекрасно провели бы время, если бы не зритель, сидевший позади через ряд или два от них, который раздражался неистовыми рыданиями каждый раз, когда слепой Далип Кумар появлялся на экране, а пару раз даже принимался барабанить тростью по полу, выражая тем самым свое недовольство не то происками судьбы, не то режиссером. Наконец Пран не выдержал, обернулся и сказал:

– Господин, не могли бы вы прекратить стучать этой своей... – Пран вдруг осекся, узнав в нарушителе спокойствия отца госпожи Рупы Меры. – О боже, – сказал он Савите. – Это твой дед! Извините, прошу, не обращайтесь внимания на мои слова. Ма тоже тут, то есть госпожа Рупа Мера. Простите великодушно. И Савита с Латой тоже пришли. Надеемся встретиться с вами после сеанса.

Теперь уж остальные зрители зашикали на Прана, и он снова повернулся к экрану. Все семейство пришло в ужас. Однако происшествие никак не подействовало на доктора Кишена Чанда Сета, который с утроенной силой прорыдал оставшиеся полчаса кинокартины.

«Как так вышло, что мы не встретились с ним в антракте? – спрашивал себя Пран. – Да и он нас не заметил? Мы же прямо перед ним сидели?» Откуда Прану было знать, что доктор Кишен Чанд Сет становился слепым и глухим к любым внешним раздражителям, едва начинался фильм. А что касается антракта – это было и осталось чудом, особенно учитывая то, что доктор пришел вместе со своей женой Парвати.

Когда фильм закончился и толпа вынесла их из зала, все встретились в холле. По щекам доктора Кишена Чанда Сета все еще текли слезы. Остальные вытирали глаза носовыми платками.

Парвати и госпожа Рупа Мера предприняли пару отважных, но беспомощных попыток изобразить приятные родственные отношения. Парвати была крепкой, костистой, довольно жесткой женщиной тридцати пяти лет. У нее была бронзовая, дубленая солнцем кожа, а ее отношение к миру стало продолжением ее отношения к самым слабым пациентам: она как будто внезапно решила, что больше не станет ни за кем выносить судно. На ней было надето креп-жоржетовое сари с рисунком, напоминавшим розовые сосновые шишки. Зато губная помада у нее была оранжевая, а не розовая.

Госпожа Рупа Мера, пожившись от этого потрясающего зрелища, попыталась объяснить свое вынужденное отсутствие на дне рождения Парвати.

– Но как мило, что мы с вами встретились здесь, – прибавила она.

– Да? Неужели? – сказала Парвати. – Я говорила Киши, что однажды как-нибудь...

Но продолжение ускользнуло от госпожи Рупа Меры, которая никогда не слышала, чтоб о ее семидесятилетнем отце отзывались в таких невыносимо пошлых выражениях. «Мой муж» было бы и так достаточно плохо, но «Киши»? Она посмотрела на него, но он по-прежнему казался заточенным в целлулоидный шар.

Через минуту-другую доктор Кишен Чанд Сет очнулся от сентиментальных чар и объявил:

– Нам пора домой.

– Пожалуйста, зайдите к нам на чай перед тем, как идти домой, – пригласил Пран.

– Нет-нет, это невозможно, сегодня невозможно. Как-нибудь в другой раз. Да. Скажи своему отцу, что мы ждем его к нам на бридж завтра вечером. Ровно в семь тридцать. Время хирургов дороже, чем время политиков.

– О! – На этот раз Пран улыбнулся. – С радостью передам. Как хорошо, что недоразумение между вами разрешилось.

Тут доктор Кишен Чанд Сет спохватился, осознав, что ничего подобного, конечно же, не произошло. Его поглотили впечатления от фильма, затуманив рассудок – по сюжету в «Дидаре» лучшие друзья обмениваются жестокими словами, – и он напрочь забыл о размолвке с Махешем Капуром. Он с раздражением поглядел на Прана. Парвати приняла мгновенное решение.

– Да, все разрешилось в голове у моего мужа. Пожалуйста, скажите своему отцу, что мы ждем его с нетерпением. – Она посмотрела на мужа, ожидая подтверждения.

Тот гадливо хрюкнул, но решил: пусть все идет своим чередом. Внезапно его внимание переключилось на другое.

– Когда? – требовательно спросил он, указывая набалдашником трости на Савитин живот.

– В августе-сентябре, так нам сказали, – ответил Пран, слегка неуверенно, как будто боясь, что доктор Кишен Чанд Сет захочет все перерешать.

Но доктор Кишен Чанд Сет повернулся к Лате.

– Почему ты до сих пор не замужем? Тебе что, не нравится мой радиолог? – спросил он. Лата смотрела на него, пытаясь не выдать своего изумления. Щеки у нее пылали.

– Ты еще не представил ее своему радиологу, – поспешно вмешалась госпожа Рупа Мера. – Да и не время теперь – экзамены на носу.

– Какой радиолог? – спросила Лата. – А, первое апреля продолжается. Да?

– Такой радиолог. Позвони мне завтра, – велел доктор Кишен Чанд Сет своей дочери. – И ты мне напомни, Парвати. А теперь нам пора. На будущей неделе я должен снова посмотреть этот фильм. Такой печальный! – прибавил он с явным одобрением.

По пути к своему серому «бьюику» доктор Кишен Чанд Сет заметил неправильно припаркованный автомобиль. Он крикнул постового, регулировавшего движение на оживленном перекрестке. Полицейский, узнав ужасающего доктора Сета, которого знали все служители порядка и беспорядка в Брахмпуре, предоставил движению регулироваться самому и со всей прытью подбежал и записал номер машины. Нищий заковылял рядом с доктором, прося пода-яния. Доктор Кишен Чанд Сет в ярости посмотрел на него и с силой треснул беднягу тростью по ноге. Они с Парвати сели в машину, а угодливый постовой расчистил для них путь.

3.3

– Без разговоров, пожалуйста, – предупредил наблюдатель.

– Я просто попросил взаймы линейку, сэр.

– Если вам что-то нужно, просите через меня.

– Да, господин.

Юноша сел на место и снова уткнулся в экзаменационный листок, лежавший на столе перед ним.

Муха с жужжанием билась в оконное стекло аудитории, где проходил экзамен. А за окном красная крона огненного дерева виднелась под каменными ступенями. Вентиляторы медленно вращались. Ряды склоненных голов, ряды рук, капля за каплей чернил, слова, слова и опять слова. Кто-то встал, чтобы напиться воды из глиняного кувшина у двери. Кто-то откинулся на спинку стула и вздохнул.

Лата бросила писать полчаса назад и с тех пор сидела, невидящим взглядом уставившись в экзаменационный лист. Лату била дрожь. Она вообще не могла думать о вопросах. Она глубоко дышала, пот выступил у нее на лбу крупными каплями. Девушки, сидевшие по обе стороны от нее, ничего не заметили. Кто они такие? Она не могла припомнить, чтобы они присутствовали на лекциях по английской литературе.

«Какой смысл в этих вопросах? – спрашивала себя Лата. – И как же это у меня получалось ответить на них еще совсем недавно? Заслуживали ли герои трагедий Шекспира своей судьбы? Заслуживает ли кто-либо своей судьбы? – Она снова посмотрела вокруг. – Что со мной такое? Ведь я всегда так хорошо сдаю экзамены! У меня не болит голова, и месячные еще не скоро, какая у меня может быть отговорка? Что скажет ма...»

Она представила свою комнату в доме Прана. В ней она увидела три чемодана матери, в которых содержались все ее пожитки. Стандартный багаж для ежегодного железнодорожного паломничества, они лежали в углу, а сверху на них горделивым черным лебедем покоилась большая сумка. Рядом с ней – маленькое квадратное издание «Бхагавадгиты» и стакан для зубных протезов. Мать носила их после автомобильной аварии, случившейся много лет назад. «Что подумал бы папа? – вопрошала Лата. – Блестящий выпускник, обладатель двух золотых медалей, как я могу подвести его? Он умер в апреле. Огненное дерево тогда цвело всю... Я должна собраться. Я должна сосредоточиться. Со мной что-то происходит, но паниковать не следует. Надо расслабиться, и все снова пойдет хорошо».

Она опять погрузилась в забытие. Муха отчаянно билась в окно.

– Не гудите, тише, пожалуйста.

Лата с ужасом осознала, что это она гудит – сама по себе, и обе ее соседки теперь повернулись головы и смотрели на нее: одна озадаченно, другая возмущенно. Она склонила голову к блокноту с ответами. Бледно-синие линии без всякой надежды наполниться смыслом раскинулись на пустой странице.

«Если сперва у тебя ничего не получится...» – прозвучал материнский голос у нее в голове.

Лата быстро вернулась к предыдущем вопросу, на который она уже ответила, но то, что она написала, не имело для нее ни малейшего смысла: «Исчезновение Юлия Цезаря из пьесы, названной его именем, уже в третьем акте, по всей видимости, означает, что...»

Лата опустила голову на руки.

– Вы хорошо себя чувствуете?

Она подняла голову и посмотрела на обеспокоенное лицо молодого лектора с философского факультета, которому выпало быть наблюдателем в тот день.

– Да.

– Вы уверены? – прошептал он.

Она кивнула, взяла ручку и принялась писать что-то в блокноте. Прошло минут пять, и наблюдатель объявил:

– Осталось полчаса.

Лата сообразила, что из трех часов, отведенных на письменный экзамен, как минимум час канул для нее бесследно. Она ответила только на два вопроса. Взбодренная внезапной тревогой, она бросилась отвечать на оставшиеся два. Она выбирала их практически наугад, неровными паническими каракулями, пачкая чернилами пальцы и марая блокнот для ответов, едва осознавая, что именно она пишет.

Жужжание мухи, казалось, внедрилось в ее мозг. Вместо обычного красивого почерка из-под ее пера появлялись каракули хуже Аруновых, и эта мысль снова чуть не парализовала ее.

– Пять минут до конца.

Лата продолжала писать, почти не понимая, что пишет.

– Положите, пожалуйста, ручки.

Латина рука продолжала двигаться по странице.

– Прекратите писать, пожалуйста. Время вышло.

Лата положила ручку и закрыла лицо руками.

– Принесите ваши работы в передний конец зала. Убедитесь, что ваш реестровый номер указан верно на первой странице и что вспомогательные буклеты, если таковые имеются, расположены в верном порядке. Пожалуйста, не разговаривайте, пока не покинете аудиторию.

Лата сдала свою работу. На обратном пути она прижала ладонь к прохладному кувшину с водой.

Она не понимала, что на нее нашло.

3.4

Выйдя из зала, Лата задержалась на минуту. Солнце проливалось на каменные ступени. Кончик Латиного среднего пальца был вымазан чернилами, и она нахмурилась, глядя на него. Она чуть не плакала.

Другие студенты факультета стояли на ступенях и болтали. Там проводилось «вскрытие» экзаменационной работы, и над всеми главенствовала оптимистичная пухленькая девушка, которая загибала пальцы, считая, на сколько вопросов она ответила верно.

– Это единственная работа, которую я действительно хорошо написала, – сказала она. – Особенно насчет «Короля Лира». Думаю, правильный ответ «да».

Остальные выглядели кто радостно, кто огорченно. Все согласились, что многие вопросы оказались гораздо сложнее, чем нужно, и даже слишком сложными. Группа студентов исторического факультета стояла неподалеку, обсуждая экзамен, который они сдавали в это же время и в этом же здании. Одним из них оказался тот самый парень, который привлек внимание Латы в «Имперском книжном развале», и вид у него был немного встревоженный. Последние несколько месяцев он очень много времени уделял занятиям, не входящим в расписание, – в частности, крикету, – и это сказалось на его работе.

Лата побрела к скамейке под огненным деревом и села, чтобы собраться с мыслями. Когда она вернется домой к обеду, ее забросают сотней вопросов, насколько хорошо она сдала. Она разглядывала красные цветы, разбросанные у нее под ногами. В ушах все еще звучало мушиное жужжание.

От молодого человека, беседующего с одноклассниками, не укрылось то, как она спустилась по лестнице. Заметив, что она села на дальнюю скамейку под деревом, он решил с ней заговорить. Он сказал друзьям, что идет домой обедать – мол, его уже заждался отец, – и поспешил по тропинке, ведущей мимо огненного дерева. Приблизившись к скамейке, он издал удивленный возглас и остановился.

– Привет, – сказал он.

Она подняла голову и узнала его. И вспыхнула, устыдившись, что он застал ее в теперешнем, явственно расстроенном состоянии.

– Наверное, вы меня не помните? – сказал он.

– Помню, – ответила Лата, удивившись, что он продолжает разговор, хотя по ней видно, что она предпочла бы побыть одна. Она больше ничего не сказала, и он тоже молчал несколько секунд.

– Мы встретились в книжном магазине, – сказал он.

– Да, – ответила Лата и быстро прибавила: – Пожалуйста, просто оставьте меня одну. У меня нет настроения беседовать.

– Это все из-за экзамена, да?

– Да.

– Не волнуйтесь, – утешил ее он. – Лет через пять вы о нем и не вспомните.

Лата начала закипать. Ей нет дела до его бойкой философии. Да кем он себя возомнил, в конце концов? Да что же он к ней привязался-то – как та надоедливая муха?

– Я это говорю, – продолжил он, – потому что один из студентов моего отца однажды попытался покончить с собой после выпускного экзамена, который, как он думал, он провалил. Хорошо, что попытка самоубийства не удалась, потому что, когда пришли результаты, оказалось, что он написал лучше всех.

– Как можно думать, что ты написал плохо экзамен по математике, если ты написал хорошо? – спросила Лата, заинтересовавшись помимо воли. – Ответ может быть либо верным, либо неверным. Я могу понять, если дело касается английского или истории, но...

– Что ж, эта мысль ободряет, – сказал молодой человек, обрадовавшись, что девушка кое-что о нем помнит. – Возможно, мы оба написали лучше, чем нам кажется.

– То есть вы тоже плохо написали? – спросила Лата.

– Да, – сказал он просто.

Лата с трудом ему верила, поскольку он не казался расстроенным – ни капельки. Несколько минут молчали оба. Пара-тройка друзей юноши прошли мимо скамейки, но очень тактично воздержались от приветствий. Впрочем, он знал, что это вовсе не оградит его от последующей расплаты за «начало великой страсти».

– Но знаете что, вы не переживайте... – продолжил он, – один экзамен из шести обязательно будет трудным. Хотите, дам вам сухой платок?

– Нет, спасибо. – Она внимательно посмотрела на него, затем отвела взгляд.

– Знаете, я стоял там, и мне было так паршиво, – сказал он, указывая на верхнюю площадку лестницы. – А потом заметил, что вам намного хуже, и это меня приободрило. Можно я сяду?

– Нельзя, – ответила Лата. А потом, осознав, как грубо это прозвучало, сказала: – Нет, садитесь, конечно. Но мне нужно уходить. Надеюсь, вы написали лучше, чем думаете.

– А я надеюсь, вам станет лучше, чем сейчас, – сказал молодой человек и сел. – Помогли вам разговор со мной?

– Нет, – сказала Лата. – Совершенно.

– О! – вздохнул молодой человек, слегка смутившись. – И все равно помните, – продолжил он, – что в мире есть кое-что куда важнее экзаменов. – Он откинулся на спинку скамейки и задрал голову, разглядывая охряно-красные цветы.

– Что, например? – поинтересовалась Лата.

– Например, дружба, – ответил он немного сухо.

– Правда? – нехотя улыбнулась Лата.

– Правда, – подтвердил он. – Разговор с вами меня очень поддержал. – Но вид у него был по-прежнему строгий.

Она встала и пошла по тропинке прочь от скамьи.

– Вы не против, если я немного пройду вместе с вами? – спросил он, вставая со скамейки.

– Как я смогу вам запретить? – ответила Лата. – Индия теперь свободная страна.

– Ладно. Я буду сидеть на этой скамье и думать о вас, – мелодраматически произнес он и плюхнулся на скамейку снова. – И о том привлекательном и таинственном чернильном пятнышке у вас под носом. Да, ведь Холи был совсем недавно.

Лата нетерпеливо фыркнула и ушла. Молодой человек провожал ее взглядом, и она это знала. Она оттирала испачканный чернилами средний палец большим пальцем, чтобы унять неловкое чувство. Она злилась на него, злилась на себя, была расстроена своим неожиданным удовольствием от его неожиданного общества. Но благодаря этим мыслям ее тревога, даже паника – из-за плохо написанного экзамена – уступила место острому желанию поглядеться в зеркало. Немедленно!

3.5

Ближе к вечеру Лата и Малати с друзьями (вернее, с подругами, конечно же) прогуливались вместе в жакарандовой роще, где, сидя в тени деревьев, они любили готовиться к занятиям. Жакарандовая роща согласно традиции была открыта только для девушек. Малати взяла с собой неподъемный, толстенный медицинский учебник. День стоял жаркий. Две подружки шли рука об руку в тени жакаранд. Несколько мягких розовато-лиловых цветков упало на землю. Когда они удалились от других девушек, чтобы оказаться за пределами слышимости, Малати весело спросила:

– Ну, выкладывай, что у тебя на уме?

Когда Лата вопросительно на нее уставилась, Малати продолжила невозмутимо:

– Нет-нет, бесполезно на меня так смотреть, я знаю, что-то тебя волнует. Вообще-то, я даже знаю, что именно, у меня есть внутренние источники информации.

– Я знаю, о чем ты, – ответила Лата. – И это все неправда.

Малати посмотрела на подружку и сказала:

– На тебе плохо сказывается жесткая христианская закалка, полученная в школе Святой Софии, Лата. Она сделала тебя ужасной лгуньей. Нет, я не совсем это имела в виду. Я говорю о том, что когда ты лжешь, то делаешь это ужасно плохо.

– Ладно, и что ты собиралась мне сказать? – спросила Лата.

– Теперь я забыла, – ответила Малати.

– Пожалуйста, – попросила Лата. – Я не для того отвлеклась от учебников. Не будь злойкой, хватит говорить обвиняками и дразнить меня. Все и так достаточно плохо.

– Почему? – спросила Малати. – Ты что, уже влюбилась? Самое время, весна позади.

– Конечно нет, – рассердилась Лата. – Ты совсем чокнулась?

– Нет, – ответила Малати.

– Тогда к чему эти возмутительные вопросы?

– Я узнала, что он подошел к тебе, как будто бы когда ты сидела на скамейке после экзамена, – сказала Малати, – и решила, что вы, наверное, еще виделись после «Книжного развала». – Из описания своего информатора Малати сделала вывод, что парень был тот самый. И теперь с удовольствием удостоверилась, что оказалась права.

Лата поглядела на подругу скорее с раздражением, нежели с приятностью. Новости разлетаются слишком быстро, подумала она, и Малати к каждой прислушивается.

– Мы не виделись с ним ни после, ни вместо, – сказала она. – Не знаю, откуда ты собираешь информацию, Малати, но уж лучше бы ты поговорила со мной о музыке, о новостях или о чем-то более осмысленном. О социализме твоём, на худой конец. Мы встретились всего второй раз, и я даже не знаю, как его зовут. А теперь давай-ка свой учебник и садись рядом. Чтобы собраться с мыслями, мне надо прочитать парочку абзацев какой-нибудь абракадабры, которую я не понимаю.

– Ты даже имени его не знаешь? – переспросила Малати, теперь уже она смотрела на Лату, как на чокнутую. – Бедный парень! А он твое знает?

– Кажется, я ему сказала еще в книжном. Да, точно, а когда он спросил, не хочу ли я узнать его имя, я сказала, что не хочу.

– И теперь жалеешь об этом, – сказала Малати, наблюдая за ее лицом вблизи.

Лата молчала. Она села и прислонилась к жакаранде.

– Я думаю, он с удовольствием бы тебе представился, – сказала Малати, садясь рядом с ней.

– Я тоже так думаю.

– Бедный вареный картофель, – сказал Малати.

– Вареный – что?

– Ну, помнишь: «Не поливай соусом чили вареный картофель»? – сказала Малати, подражая голосу Латы.

Лата покраснела.

– Он ведь тебе нравится, правда же? – спросила Малати. – Если соврешь – я все равно узнаю.

Лата ответила не сразу. За обедом она смогла довольно-таки спокойно смотреть в лицо матери, несмотря на странное, похожее на транс состояние во время экзамена по английской драме. Потом она сказала:

– Он заметил, что я расстроилась после экзамена. Не думаю, что ему было так уж легко подойти и заговорить со мной после того, как я его, ну, отшила в книжном.

– Ах, не знаю, – небрежно заметила Малати, – парни такие нахалы. Он мог сделать это просто из упрямства, ответить на вызов. Они вечно подзуживают друг друга на глупости всякие – вроде штурма женского общежития на Холи. И мнят себя такими героями!

– Он не нахал, – негодуя сказала Лата. – А что до героизма, так я считаю, что нужен какой-никакой кураж, чтобы сделать то, за что тебе в результате могут и голову откусить, и ты об этом знаешь. Сама же говорила что-то подобное в «Голубом Дунае».

– Не просто кураж – храбрость, – сказала Малати, вовсю наслаждаясь тем, как реагирует подруга. – Парни не влюбляются, они просто храбрытся. Когда мы вчетвером шли к роще, вот прямо сегодня, я заметила парочку парней на велосипедах, которые тащились за нами, – даже

жалость брала. Ни один не отважился бы заговорить с нами, но признаться в этом они друг другу не могли. Так что для них было большим облегчением, когда мы вошли в рощу и вопрос рассосался сам собой.

Лата молчала. Она легла на траву и уставилась в небо, видневшееся сквозь ветви жакаранды. И думала про пятно на носу, которое отмыла перед обедом.

– Иногда они подходят вместе, – продолжала Малати, – и ухмыляются скорее друг другу, а не тебе. А в другой раз они так боятся, что друзья выберут лучший «подход», что уже не могут думать о том, чтобы взять жизнь в свои руки и приблизиться к тебе в одиночку. И какова их линия поведения? В девяти случаях из десяти это: «Одолжи мне свой конспект», возможно разбавленное тепловатым, придурочным «намасте». А какая, кстати, была вступительная фраза у Картофелемена?

Лата пнула Малати.

– Ой, прошу прощения, у твоей ягодки.

– Что он сказал? – сказала Лата почти неслышно, просто самой себе.

Когда она попыталась вспомнить, как именно начался разговор, то поняла, что, хотя он и состоялся всего несколько часов назад, из ее сознания он почти улетучился. Осталось, впрочем, воспоминание, что первоначальная ее нервозность в присутствии молодого человека под конец превратилась в ощущение смущенной теплоты: хоть кто-то, пусть это был и симпатичный незнакомец, понял, что она обескуражена и расстроена, и попытался как-нибудь поднять ей настроение, воодушевить.

3.6

А два дня спустя состоялся концерт в зале Бхаратенду – одном из двух крупнейших зрительных залов города. Одним из исполнителей был уstad Маджид Хан.

Лате и Малати удалось купить билеты. Билет достался также Хеме – высокой, худой, непоседливой и пылкой их подружке, жившей со своими многочисленными кузинами и кузенами в доме, расположенном неподалеку от Набиганджа. Все они были под опекой старшего члена семейства, к которому обращались не иначе как «тауджи»¹⁵⁴. Тауджи Хемы приходилось много трудиться, и он не только отвечал за благополучие и репутацию девочек, но еще ему приходилось следить за тем, чтобы мальчики не оказывались вовлечены во всевозможные шалости и проказы, к которым так склонны мальчики. Он часто проклинал свою судьбу, поскольку был единственным во всем университетском городке представителем большой и очень разветвленной семьи. Время от времени, когда молодежь доставляла ему больше хлопот, чем он мог вынести, он грозился всех разогнать по домам. Но его жена, тайджи¹⁵⁵ для всех в семействе, сама выросшая в обстановке, почти полностью лишенной свободы, жалела племянников и племянниц, не желая им повторения своей судьбы. Ей удалось добиться для девочек того, чего они не сумели бы обрести прямым путем.

В тот вечер Хема и ее кузины получили в полное свое распоряжение дядюшкин просторный малиновый «паккард», и ездили по городу, собирая своих подруг на концерт. Как только тауджи скрылся из виду, они тут же забыли его прощальные слова: «Цветы? Цветы в волосах? Во время сессии бегайте на музыкальные развлечения! Все будут считать вас распутницами – вы никогда не выйдете замуж».

Двенадцать девушек, включая Лату и Малати, вылезли из «паккарда» возле зала Бхаратенду. Даже странно, что все сари остались целы, хотя вид у них был несколько взъерошенный. Стоя позади здания, они прихорашивались, оправляли друг дружке волосы и весело щебетали.

¹⁵⁴ Тауджи – старший брат отца, дядя (хинди).

¹⁵⁵ Тайджи – жена старшего брата отца, тетя (хинди).

Затем все это оживленное девичье разноцветье устремилось внутрь. Чтобы сесть всем рядом, места не доставало, поэтому девушки расселись парами и тройками, по-прежнему восторженные, но менее разговорчивые. Под потолком вращалось несколько вентиляторов, но день был слишком жарок, в зале стояла духота. Лата и ее подруги тут же принялись обмахиваться программками в ожидании начала концерта.

Первое отделение их разочаровало – выступал известный ситарист, но играл на редкость равнодушно и бесчувственно. Во время антракта Лата и Малати как раз стояли у лестницы, когда появился Картофелемен.

Малати первая его увидела и легонько пихнула Лату в бок, незаметно скосив глаза в его сторону.

– Встреча номер три. Сейчас я сделаюсь невидимкой.

– Малати, останься, пожалуйста, – взмолилась Лата с каким-то внезапным отчаянием, но Малати исчезла, предварительно дав ей наставление:

– Не будь мышонком, будь тигрицей!

Молодой человек направился к ней довольно уверенным шагом.

– Ничего, что я вас отвлек? – сказал он на ходу не очень громко.

Из-за гомона толпы в холле Лата не расслышала, что он сказал, и дала ему это понять.

Молодой человек воспринял ее жест как разрешение подойти. Он приблизился, улыбнулся ей и сказал:

– Я тут подумал: ничего, что я вас отвлек?

– Отвлекли? – удивилась Лата. – Я ничем не занималась.

Сердце ее забило сильнее.

– Я имел в виду, отвлек вас от ваших мыслей.

– У меня ни одной не было, – сказала Лата, пытаясь справиться с внезапным наплывом всяческих мыслей. Она вспомнила слова Малати о том, что она горе-лгунья и почувствовала, как кровь прилила к щекам.

– В зале очень душно, – заметил молодой человек. – Здесь тоже, конечно.

Лата кивнула. «Я не мышонок и не тигрица, – думала она, – а ежик».

– Прекрасная музыка, – сказал он.

– Да, – согласилась Лата, хотя сама так не считала.

Он стоял так близко, что ее бросало в дрожь. Вдобавок она стеснялась того, что ее видят в обществе молодого мужчины. Она осознавала: стоит только оглядеться вокруг, и сразу увидишь кого-нибудь знакомого. И он или она непременно будет смотреть на тебя. Но она уже дважды была с ним очень нелюбезна и твердо решила больше его не отталкивать. Впрочем, поддерживать разговор в таком растрепанном состоянии чувств было крайне затруднительно. И поскольку ей было сложно посмотреть ему в глаза, она потупила взор. А молодой человек говорил тем временем:

– ...хотя, разумеется, я не очень часто хожу туда. А вы?

Лата растерялась, потому что она не слушала и не уловила, что он говорил до того, и ничего не ответила.

– Вы очень неразговорчивы, – сказал он.

– Я всегда неразговорчива, – сказала Лата. – И это уравнивает.

– Нет, вы не такая, – возразил юноша с чуть заметной улыбкой. – Вы с подружками щебетали, как стайка болтливых птичек, когда появились в зале, а кое-кто из вас продолжал щебетать, даже когда ситарист уже начал настраивать инструмент.

– По-вашему, выходит, – ответила она, довольно холодно взглянув на него, – мужчины болтушками не бывают, только женщины?

– Да, – ответил молодой человек воодушевленно, обрадовавшись, что она наконец заговорила. – Это естественно. Можно я расскажу вам народную сказку про Акбара и Бирбала? Она очень в тему нашей беседы.

– Не знаю, – сказала Лата. – Как только я ее услышу, то смогу сказать, в тему она или нет.

– Что ж, может быть, в нашу следующую встречу?

Лата приняла эту реплику весьма прохладно.

– Полагаю, как-нибудь вскоре, – сказала она. – Мы, похоже, регулярно случайно встречаемся.

– А она непременно должна быть случайной? – спросил юноша. – Когда я говорил о вас и о ваших подругах, я на самом деле смотрел в основном на вас. Как только я увидел, что вы вошли, я подумал, какая вы красивая – в простом зеленом сари с белой розой в волосах.

Словосочетание «в основном» несколько обеспокоило Лату, но все остальное звучало для нее музыкой. Она улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ и внезапно стал очень конкретен:

– В пятницу в пять часов вечера состоится встреча Литературного общества Брахмпуре в доме старого господина Навроджи – Гастингс-роуд, двадцать. Там должно быть интересно – и вход свободный для всех желающих. С приближением летних каникул, там, похоже, будут рады и посторонним, для массовости.

Летние каникулы, подумала Лата. Возможно, после каникул они больше никогда не увидятся. Эта мысль опечалила ее.

– А, я вспомнила, о чем хотела вас спросить, – сказала Лата.

– Да? – слегка растерялся молодой человек. – Давайте спрашивайте.

– Как вас зовут?

Лицо юноши расплылось в счастливой улыбке.

– А! – сказал он. – Я думал, вы так и не спросите. Я Кабир, но с недавнего времени друзья начали величать меня Галахадом.

– Почему? – удивилась Лата.

– Потому что они думают, я то и дело спасаю девиц в беде.

– Я была не настолько уж в беде, чтобы меня спасать, – сказала Лата.

Кабир засмеялся.

– Я это знаю, вы это знаете, но мои друзья – сущие балбесы, – сказал он.

– Мои подруги не лучше, – сказала предательница Лата. Малати, впрочем, тоже хороша – бросила ее в трудную минуту.

– Тогда почему бы нам не сообщить друг другу наши фамилии? – сказал молодой человек, воспользовавшись преимуществом.

Повинуясь некоему инстинкту самосохранения, Лата сделала паузу. Он ей нравился, и она очень надеялась встретиться с ним еще – но дальше он может спросить у нее адрес.

Она представила себе картины допросов с пристрастием, которые ей учинит госпожа Рупа Мера.

– Нет, давайте не будем, – сказала Лата. И, чувствуя свою резкость и боль, которую, возможно, причинила ему, она спросила первое, что пришло ей в голову: – У вас есть братья или сестры?

– Да, младший брат.

– А сестер нет? – уточнила Лата, улыбаясь, сама не вполне осознавая почему.

– У меня была младшая сестра. До прошлого года.

– Ох... простите меня, – сказала Лата, опечалившись. – Как это, должно быть, ужасно для вас... и ваших родителей.

– Да, для отца, – тихо ответил Кабир. – Но кажется, уstad Маджид Хан уже поет. Может, нам пора пойти в зал?

Охваченная состраданием и даже нежностью, Лата его почти не расслышала. Но когда он направился к двери, она пошла следом. В зале маэстро уже начал свое великолепное исполнение «Раг Шри». Они разошлись по своим местам и сели слушать.

3.7

Раньше Лата сразу же погрузилась бы с головой в музыку устада Маджида Хана – как Малати, сидящая рядом. Но встреча с Кабиром заставила ее задуматься о стольких вещах, что с тем же успехом она могла бы слушать тишину. Внезапно она ощутила легкость и беспечно улыбнулась сама себе, думая о розе в волосах. Минутой позже, вспомнив последнюю часть разговора, Лата упрекнула себя в бесчувственности. Она пыталась понять, что он имел в виду, сказав – и тихо так: «Да, для отца». Неужели его мать умерла? Если так, то их судьбы удивительно похожи. Или же его мать настолько отдалилась от семьи, что потеря дочери ее не слишком огорчила? «Зачем я думаю о таких невысказанных вещах?» – дивилась Лата.

В самом деле, когда Кабир сказал: «У меня была младшая сестра, до прошлого года», должно ли это было означать то, о чем Лата сразу же подумала? Но бедняга так напрягся, скомкал последние сказанные им слова и предложил вернуться в зал.

Малати хватило доброты и ума, чтобы не взглянуть на нее и не подтолкнуть. И вскоре Лата тоже погрузилась в музыку и растворилась в ней.

3.8

В следующий раз, когда Лата встретила Кабира, настроение у него было совершенно противоположным былой напряженности и подавленности. Она шла по кампусу с книгой в руке, когда увидела его вместе с другим студентом. Одетые в костюмы для крикета, парни шли по тропинке, ведущей к спортивным площадкам. Кабир невольно размахивал битой на ходу, и оба они, по всей видимости, были увлечены непринужденной и ненавязчивой беседой. Лата оказалась слишком далеко позади, чтобы расслышать, о чем они говорят. Вдруг Кабир запрокинул голову и расхохотался. Он был так красив в утреннем свете солнца, а его смех был таким искренним и расслабленным, что Лата, собиравшаяся свернуть к библиотеке, безвольно продолжила идти за ним. Она поразились этому, но корить себя не стала. «Ну и что такого? – подумала она. – Раз он подходил ко мне уже трижды, почему бы и мне за ним не пойти? Но я думала, сезон крикета кончился. Не знала, что во время экзаменов может быть игра».

Как оказалось, Кабир и его друг решили немного потренироваться у сеток. Это был его способ отдохнуть от учебы. Дальний конец спортивной площадки, где располагались тренировочные сети, находился неподалеку от небольшой бамбуковой рощицы. Лата села в тени и, оставаясь незамеченной, наблюдала за тем, как двое парней по очереди орудуя битой и мячом. Она ничего не смыслила в крикете – даже увлеченность Прана не повлияла на нее. Но она пребывала в дремотном очаровании от вида Кабира, одетого во все белое, в рубашке с расстегнутым воротом, без головного убора на взъерошенных волосах, загоняющего мяч в лунку или стоящего у калитки и орудующего битой так, словно это проще простого. Кабир был на дюйм-другой ниже шести футов, стройный и спортивный, со светло-пшеничной кожей, орлиным носом и волнистыми черными волосами. Лата не знала, сколько она там просидела, но, должно быть, прошло больше получаса. Звуки биты, ударяющей по мячу, шелест бамбука на ветру, щебетание воробьев, редкие крики майн и, самое главное, смех молодых людей и их неразборчивый разговор – в совокупности это заставило ее позабыть обо всем. Прошло довольно много времени, прежде чем она пришла в себя.

«Веду себя словно очарованная гопи¹⁵⁶, – подумала она. – Скоро, вместо того чтобы завидовать флейте Кришны, я начну завидовать Кабировой бите!» Она улыбнулась своим мыслям, затем встала, смахнула несколько сухих листков со своего шальвар-камиза и, оставаясь незамеченной, вернулась тем же путем, которым пришла.

– Ты должна выяснить, кто он, – сказала она Малати, подобрав лист и рассеянно проводя им вверх-вниз по руке.

– Кто? – спросила Малати с довольным видом.

Лата раздраженно фыркнула.

– Ну, я бы могла тебе о нем кое-что рассказать, – сказала Малати. – если бы ты позволила мне после концерта.

– И что же? – с надеждой спросила Лата.

– Ну что ж, мне известны два факта, для начала, – дразняще произнесла Малати. – Его зовут Кабир, и он играет в крикет.

– Но я уже знаю это! – возразила Лата. – И это все, что мне известно. Ты совсем ничего не знаешь?

– Нет, – ответила Малати. Она хотела было пошалить, выдумав историю о криминальной дорожке, по которой пошла его семья, но решила, что это было бы чересчур жестоко.

– Но ты же сказала «для начала»? Значит, тебе должно быть известно еще что-то!

– Нет, – сказала Малати. – Второе отделение концерта началось, как раз когда я собиралась задать своему «источнику» еще пару вопросов.

– Я уверена, что ты сможешь разузнать о нем все, если постарайся!

Лата так трогательно верила в возможности подруги.

А вот Малати сомневалась в своих способностях. Круг знакомых Малати был весьма широк, но теперь семестр уже почти закончился, и она не знала, с чего начинать свое расследование. Некоторые студенты, сдав экзамены, уже покинули Брахмпур. В том числе и ее «источник» с концерта. Сама она через пару дней тоже вернется в Агру – на некоторое время.

– Детективному агентству Триведи для начала нужна пара подсказок, – сказала она. – И времени мало. Ты должна вспомнить ваши разговоры. Вдруг ты знаешь о нем еще что-нибудь и это может пригодиться?

Лата немного подумала, но безуспешно.

– Ничего, – сказала она. – Ой, постой, его отец преподает математику!

– В Брахмпурском университете? – спросила Малати.

– Не знаю, – сказала Лата. – И еще, я думаю, он любит литературу. Он хотел, чтобы я завтра пришла на собрание ЛитО.

– Тогда почему бы тебе не пойти туда и не расспросить о нем его самого? – спросила Малати, которая верила в решительный подход. – Чистит ли он зубы «Колиносом», к примеру. «В улыбке „Колинос“ есть нечто волшебное!»

– Не могу, – сказала Лата так резко, что Малати опешила.

– Разумеется, ты не запала на него, – сказала она. – Ты не знаешь о нем наипервейших вещей – ни что у него за семья, ни даже его полного имени.

– Я чувствую, что знаю о нем куда больше, чем эти твои наипервейшие вещи, – возразила Лата.

– Да-да, – сказала Малати. – Как белы его зубы и черны его волосы. «Она парила на волшебном облаке высоко в небесах, ощущая его сильное присутствие вокруг себя всеми фибрами души. Он был для нее целой вселенной. Он был началом и концом, смыслом и целью ее существования». Мне знакомо это чувство.

¹⁵⁶ *Гопи* – так принято называть группу девочек-пастушек, которые в ряде традиций кришнаизма почитаются как вечные спутницы и возлюбленные Кришны в духовном мире Голоке Вриндаване.

– Если ты собираешься нести чушь... – начала Лата, чувствуя, как кровь прилила к щекам.

– Нет-нет-нет-нет-нет! – ответила Малати, все еще смеясь. – Я выясню все, что смогу.

Она прокручивала в голове сразу несколько идей. Репортажи о крикете в университетском журнале? Математический факультет? Учебная часть?

Вслух же она сказала:

– Предоставь Картофелемена мне, я приправлю его чили и подам тебе на блюде. Однако, Лата, по твоему лицу не скажешь, что у тебя еще остались экзамены. Влюбленность идет тебе на пользу. Тебе стоит почаще это практиковать.

– Да, так и сделаю, – сказала Лата. – Как станешь врачом, пропиши это всем своим пациентам.

3.9

На следующий день, в пять часов, Лата прибыла на Гастингс-роуд, 20. Этим утром она сдала последний экзамен и была уверена, что не слишком удачно. Однако, не успев огорчиться, она подумала о Кабире и тут же воспрянула духом. Теперь она оглядывалась, выискивая его среди полутора десятка мужчин и женщин, которые сидели в гостиной у пожилого господина Навроджи – в комнате, где с незапамятных времен проводились еженедельные собрания Литературного общества Брахмпуре. Но Кабир то ли еще не прибыл, то ли вовсе передумал приходить.

Комната была заполнена мягкими стульями с цветочной обивкой и пухлыми подушками в цветочек. Господин Навроджи, худой, невысокий и кроткий мужчина с безупречной белой козлиной бородкой, в безупречном светло-сером костюме, председательствовал на этом собрании. Заметив новое лицо в виде Латы, он представился, дав ей возможность почувствовать себя желанной гостьей. Остальные, сидевшие и стоявшие небольшими группками, не обращали на нее внимания. Поначалу ощущая неловкость, она подошла к окну и взглянула на небольшой ухоженный сад с солнечными часами в центре. Она с таким нетерпением ждала Кабира, что яростно отринула мысль о том, что он может не появиться.

– Добрый день, Кабир.

– Добрый день, господин Навроджи!

При упоминании имени Кабира Лата обернулась, а услышав его тихий, приятный голос, так радостно улыбнулась, что он приложил руку ко лбу и отступил на несколько шагов. Лата не знала, как реагировать на его шутовство, которого, к счастью, никто не заметил. Господин Навроджи теперь сидел за овальным столом в конце комнаты и мягко откашлялся, призывая ко вниманию. Лата и Кабир сели на свободный диванчик у самой дальней от стола стены. Прежде чем они успели что-либо сказать друг другу, мужчина средних лет с пухлым, проницательным, веселым лицом вручил им обоим по пачке листков, на которых, как оказалось, были отпечатаны стихи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.